

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XVIII Международный
научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 75-летию исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева**

Красноярск, 24 мая 2017 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XVIII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 75-летию исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Красноярск, 24 мая 2017 г.

Красноярск
2017

ББК 63
М 754

Редакционная коллегия:

И.Н. Ценюга (отв. ред.)

А.С. Вдовин

В.В. Буланков

М 754 Молодежь и наука XXI века. XVIII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 24 мая 2017 г. / отв. ред. И.Н. Ценюга; ред. кол. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – 324 с.

ISBN 978-5-00102-115-5

Включает материалы научно-практической конференции, в которой принимали участие молодые ученые, аспиранты, магистранты, студенты. Посвящен актуальным проблемам исторических знаний и применению накопленного общественного опыта в приоритетных сферах развития регионов РФ в различные периоды становления и развития Российского государства.

ББК 63

ISBN 978-5-00102-115-5

© Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

<i>Ценюга И.Н., Буланков В.В., Ценюга С.Н.</i> КРАСНОЯРСКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ – 75 ЛЕТ	8
--	---

<i>Дацышен В.Г.</i> КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ КГПИ. ПЕРВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ	15
---	----

СЕКЦИЯ 1.

ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>Александрович В.Ю.</i> ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ЕНИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНИЮ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.	33
---	----

<i>Бытраков Д.А.</i> ПОЛИТИКА ХРИСТИАНИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	43
---	----

<i>Васильева Н.А.</i> ВКЛАД Н.К. ПЕРЕПЛЕТЧИКОВА В РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКА (1887–1891)	48
---	----

<i>Иванова Ю.В.</i> МОТИВАЦИЯ К ТРУДУ И ОЦЕНКА РАБОТНИКА ПО СТАРАНИЮ И УМЕНИЮ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНИНА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	54
--	----

<i>Макарова А.А.</i> СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	60
--	----

<i>Рутц С.Л.</i> ОБРАЗ ЯПОНСКОГО СОЛДАТА И ЯПОНИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В 1904–1905 гг.	66
--	----

<i>Славиговская А.А.</i> ОБРАЗ ПЕТРА I В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ	71
---	----

<i>Чернышева А.А.</i> ИСКУССТВО ПОЛИТИКИ КОМПРОМИССА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I НА ПРИМЕРЕ ДВУХ «ШАТОСТЕЙ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.	76
---	----

<i>Чочимаков А.С.</i> ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСЕРОВ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в.	83
--	----

СЕКЦИЯ 2. МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

<i>Кочкина Е.И.</i> ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КРАСНОЯРСКОГО ПОДОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	89
---	----

<i>Лыкова О.А.</i> ПЕТРОГЛИФЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ.....	94
---	----

<i>Николаева А.Н.</i> ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ В ОБРАЗОВАНИИ	100
--	-----

<i>Пахомова Т.А.</i> ПЕТРОГЛИФЫ НА ОЗЕРЕ ТУС В ХАКАСИИ. НОВЫЕ ДАННЫЕ	107
--	-----

<i>Федотова М.М., Конохов В.А.</i> К ИСТОРИИ АЧИНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ.....	117
--	-----

<i>Чебыкин А.А.</i> РОЛЬ И МЕСТО АРХЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	124
--	-----

СЕКЦИЯ 3. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>Башкова К.В.</i> ВНЕШНИЙ ВИД СТУДЕНТА 1920-х В СССР	130
---	-----

<i>Бобрик И.Е.</i> «РОЖДЕСТВО ТВОЕ, ГУБТРУД НАШ»: СОВЕТСКИЙ БЫТ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПРАЗДНИКОВ В КРАСНОЯРСКЕ (1923)	136
--	-----

<i>Быканова Н.А.</i> ТЕМА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В КИНЕМАТОГРАФЕ СЕРЕДИНЫ 1940-х – СЕРЕДИНЫ 1980-х гг.....	142
--	-----

<i>Валюнова А.В.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО КОММУНИЗМА	147
--	-----

<i>Ванькова А.Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ	153
---	-----

<i>Леонидова Ю.А.</i> СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.....	157
--	-----

<i>Молодец Д.С.</i> БЫТ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ НАЕМНИКОВ В ВОЕННОМ ПОХОДЕ ПО «АНАБАСИСУ» КСЕНОФОНТА	163
--	-----

СЕКЦИЯ 4. ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Грозенко М.С.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В 8 КЛАССЕ	169
--	-----

<i>Александрова Е.О.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ MIND-MAP В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС.....	175
---	-----

<i>Белолитецкий С.А.</i> ПРОБЛЕМА ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ РККА В ХОДЕ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1941–1942 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	180
--	-----

<i>Бушуева А.Д.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ СЕРЕДИНЫ 1940-х–1980-х гг.	186
---	-----

<i>Весельский М.В.</i> ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ШКОЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ СТУПЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ	191
---	-----

<i>Ильющенко М.А.</i> ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ СПОРТА В КРАСНОЯРСКЕ В 1945–1953 гг.....	197
---	-----

<i>Кобзарь А.С.</i> ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ, ТРУДОВЫЕ БУДНИ И РАТНЫЙ ПОДВИГ НАСЕЛЕНИЯ КАРАТУЗСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	201
--	-----

<i>Содомова В.Е.</i> ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ОБРАЗ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.....	208
--	-----

<i>Стеблинский А.М.</i> ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА АРМИИ КРАЙОВОЙ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ	211
<i>Федорова А.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» В ОСВЕЩЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	218
<i>Фельк В.К.</i> ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	223
<i>Харамецкий В.В.</i> ОСВЕЩЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ В 1930-е гг.	228
<i>Шевалов С.В.</i> ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГА В РЯДЫ РККА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ.....	232

СЕКЦИЯ 5.

ИСТОРИЯ РОССИИ XX–XXI вв.

<i>Ахметов В.И.</i> ЧЕ ГЕВАРА КАК СИМВОЛ БОРЬБЫ	238
<i>Виноградов Д.Ю.</i> ДЕПОРТАЦИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА В МАЕ 1944 г.	243
<i>Ибрагимов Р.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОГО АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА В РЕСПУБЛИКЕ АЗЕРБАЙДЖАН (2003–2016).....	250
<i>Ильишкин С.В.</i> ГРИГОРИАНСКИЙ РАСКОЛ	254
<i>Коваленко М.Г.</i> РОМАНИЗАЦИЯ И ДРУИДИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ КЕЛЬТОВ	261
<i>Макарова А.П.</i> СИМВОЛИКА СНОВ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ	266
<i>Сенюткина М.В.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ	271

<i>Синдеев М.Ю.</i> РЕШЕНИЕ КРАСНОЯРСКИМ СОВЕТОМ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ГОРОДА (МАРТ–ОКТЯБРЬ 1917)	277
--	-----

<i>Шпилько К.И.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	283
--	-----

СЕКЦИЯ 6. ЮНОСТЬ КРАСНОЯРЬЯ

<i>Гурьянова Д.Д.</i> КАК ДЕКАБРИСТЫ ИЗМЕНИЛИ УКЛАД ЖИЗНИ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ	290
--	-----

<i>Клапоцкий Д.В.</i> ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ЛАВРЕНТИЯ НИКИТИЧА ПРОХОРОВА	295
--	-----

<i>Нюд Д.С.</i> ЗНАЧЕНИЕ УЛИЦЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ В ИСТОРИИ ГОРОДА	303
--	-----

<i>Роголева Д.А.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОД ДИЗАЙНА КОНФЕТНЫХ ОБЕРТОК В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ	308
---	-----

<i>Савицкая Е.Е., Хмара А.А.</i> «ИЗ КИТАЯ В СИБИРЬ»	313
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	320
---------------------------	-----

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

КРАСНОЯРСКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ – 75 ЛЕТ. СТАНОВЛЕНИЕ

KRASNOYARSK HISTORICAL – 75 YEARS. FORMATION

И.Н. Ценюга, В.В. Буланков, С.Н. Ценюга

Педагогический институт, историческое образование, учебный процесс, кафедры.

Pedagogical Institute, history education, educational process of the Department.

В статье рассматриваются основные вехи формирования и развития исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

In the article the main milestones of formation and development of historical faculty KSPU V. P. Astafiev.

Становление и развитие исторического образования в При-Сенисейском / Красноярском крае заняло не одно десятилетие. Проблема с нехваткой учительских кадров в первые годы советской власти на первый план выдвигала задачу подготовки учителей начальных классов. Однако кровавые годы гражданской войны, смена правительств, программ экономического развития Сибири, разруха, кризисы не давали возможности полноценно развернуть работу по подготовке профессиональных кадров для народного образования. В январе 1920 г., после восстановления советской власти в губернии, Красноярский учительский институт был отнесен «по правилам РСФСР к типу высших учебных заведений». Но в апреле 1920 г. институт как самостоятельное учебное заведение был ликвидирован. По распоряжению Сибирского отдела народного образования, на основании постановления Наркомпроса,

три педагогических учебных заведения г. Красноярска: Красноярский учительский институт (с марта 1920 – педагогический), Красноярская учительская семинария и трехгодичные педагогические курсы преобразовывались в одно учебное заведение – Красноярский институт народного образования (ИНО). Постановлением Сибирского революционного комитета от 21 сентября 1920 г. институты народного образования были объявлены высшими учебными заведениями. Официально институт в Красноярске был открыт 30 июля 1920 г. и фактически продолжил дело подготовки учителей для школ и училищ региона¹.

С установлением советской власти в Сибири началась реорганизация профессионально-педагогических учебных заведений в единую педагогическую школу с новыми требованиями, в первую очередь идеологические, к подготовке кадров. С марта 1919 г. Наркомпросом РСФСР было принято решение о создании факультетов общественных наук в Московском и Петроградском университетах с историческими, экономическими и политико-юридическими отделениями².

В 1923–1932 гг. истории как учебной дисциплины в школьных программах попросту не существовало. Вместо нее был введен предмет «Обществоведение», включающий комплекс из разных дисциплин: истории культуры и техники, страноведения, экономики, а все школьные дисциплины предполагалось проводить в органичной связи с изучением окружающего мира, не выделяя «самодовлеющих предметов». Возможно поэтому вопрос о необходимости подготовки учителей истории исчез сам по себе из задач народного образования. Вместе с тем советское учительство в своей практической работе и в 1920-е гг. далеко не всегда выполняло установки Наркомпроса по ограничению препода-

¹ Подготовкой преподавателей истории с высшим образованием в Сибири занимались Томский (с 1917 создано историко-филологического отделение) и Иркутский (в августе 1918 начал действовать историко-филологический факультет) государственные университеты.

² Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. М., 1920. Вып. II. С. 16.

вания истории. Во многих школах так или иначе учащимся давали основы конкретного знания истории, в том числе в курсе краеведения, сообщали факты боевого прошлого русского и других народов СССР, информировали о культурных достижениях предков и т.п.

Конец 1920–1930-е гг. – время становления в Приенисейской Сибири/Красноярском крае системы самого педагогического образования вообще и историко-педагогического в частности. У власти пришло осознание острой потребности в том, чтобы начать уделять намного больше внимания историческому образованию в средних учебных заведениях СССР и подготовке для школ специалистов-историков в вузах страны, прежде всего в классических университетах и педагогических институтах. По мнению И.В. Сталина, история в ее традиционных, «национальных», рамках как нельзя лучше позволяла внедрить установку на восстановление государственной преемственности (между Российской империей и СССР), все более утверждавшуюся в мировоззрении руководства и постепенно в идеологии правящей партии³. Историческое образование и воспитание патриотизма на славных исторических примерах оказались теперь востребованными советским государством в условиях надвигавшейся угрозы новой мировой войны. Следуя этой линии, 3 апреля 1934 г. нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов издал приказ № 260 «Об открытии исторических факультетов в университетах»⁴. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г.⁵ положило начало восстановлению исторических факультетов в высших учебных заведениях страны.

³ Сахаров А.М. Историческое образование // Педагогическая энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1965. Т. 2. 739 с.

⁴ Приказ народного комиссара по просвещению РСФСР «Об открытии исторических факультетов в университетах» // Бюл. Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1934. № 12. 12 апр. Ст. 210.

⁵ Собрание законодательства. 1934. № 26. Ст. 206.

В 1930-е гг. сеть высшего педагогического образования в регионе представлена видами педагогических вузов – индустриально-педагогический и аграрно-педагогический, программа обучения в которых предусматривала подготовку преподавателей соответственно для школ фабрично-заводского обучения и школ крестьянской молодежи. В 1932 г. был открыт Красноярский педагогический институт, однако об открытии исторического факультета пока вопрос не стоял.

К 1938 г. сеть школ в районах края была расширена, возникла нехватка педагогов. Особенно остро стоял вопрос с подготовкой учителей для гуманитарных дисциплин. Для их подготовки предлагалось создать литературный и исторический факультеты, а также открыть географический факультет. Однако только в 1942 г. по распоряжению Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (приказ № 381-МК от 30 мая 1942) был открыт исторический факультет в Красноярском государственном педагогическом институте⁶. Первым деканом факультета был назначен кандидат педагогических наук, доцент, зав. кабинетом марксизма-ленинизма (в последующем – зав. кафедрой марксизма-ленинизма) Давид Моисеевич Лекаренко. На факультете была создана единственная кафедра – истории, которой последовательно руководили специалист по истории Первой русской революции 1905 г. Арон Абрамович Мильштейн (1942–43 уч. г.), интеллигентный эруд, доцент Александр Ильич Клебанов (1943–45 уч. г.), его исследования «Сибирские письма декабристов», в том числе И.И. Пущина), фронтовик Александр Павлович Бородавкин (1945–46 уч. г.). Среди преподавателей студентам запомнились «великолепный рассказчик» В.В. Погонкин (новая история), неординарно мыслящий и очень красивый фронтовик Михаил

⁶ В данной статье авторы не ставили задачу полностью описать историю факультета с точки зрения учебного процесса, научной деятельности и оценки вклада каждого преподавателя или сотрудника в развитие факультета.

Борисович Шейнфельд, преподаватель средних веков Полина Илларионовна Цилика⁷. Для координации деятельности была создана одна кафедра истории, помимо которой на факультете действовали кафедры других факультетов. Они обеспечивали преподавание неисторических дисциплин: иностранные языки, русский язык и др. Первоначально в состав кафедры входили преподаватели как отечественной истории, так и всеобщей. Это было связано с тем, что квалифицированных кадров не хватало, как в количественном, так и в качественном показателях. Такое положение было не только на историческом факультете, но и на других факультетах, ранее образованных.

Великая Отечественная война вызвала серьезные изменения в подготовке учительства. Мобилизация на фронт работников просвещения, студентов педагогических учебных заведений увеличила дефицит педагогических кадров. Первый набор будущих историков был немногочисленным, из подавших заявления 57 человек по ряду причин, преимущественно финансовых, только 32 были приняты на дневное отделение. Аудитории отапливались плохо, температура в помещениях в зимнее время года не превышала 8–10 градусов. В общежитии на ул. Лассалья нельзя было утром умыться – вода превращалась в лед. В том же 1942 г. в аудиториях начали появляться молодые парни с бледными лицами, с нашивками красного и желтого цвета над карманами гимнастерок (фронтовики, выписанные из госпиталей); многие из них передвигались с помощью костылей и тросточек, на протезах, у некоторых один рукав гимнастерки оказывался лишним. В 1943 г. из института на фронт не ушел ни один человек – призвать было уже некого (из мужской половины за партами сидели только инвалиды, выписанные из госпиталей и непригодные для службы даже в военное время). Преподавателям и студентам приходилось рабо-

⁷ «Историки! К торжественному маршу...»: Истфак глазами выпускников / отв. за вып. Е.А. Акимова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2007. С. 7.

тать в госпиталях, расчищать дороги, заниматься заготовкой дров и угля. Столовых не было – карточная система, жили впроголодь, постоянно хотелось есть. В первом выпуске (12 июля 1946) истфак окончили 16 человек, из них 2 – В.Н. Макова и М.И. Ефремова – с отличием, а 5 человек не были допущены к экзаменам и направлены на педагогическую работу в соответствии с планом распределения выпускников⁸.

В первые послевоенные годы сохранялись большие трудности с преподавательскими кадрами необходимой квалификации. В августе 1946 г. кафедра истории была разделена на две кафедры: истории СССР – заведующим был избран Степынин Василий Александрович и всеобщей истории – заведующим был Рыгдылон Эрменто Рингинович, а с марта 1947 г. – Андрей Иосифович Блинов (впоследствии доктор исторических наук). Для решения проблемы были на работу приняты бывшие фронтовики М.Б. Шейнфельд, П.Н. Павлов, О.М. Трубникова и др. В 1948–1949 гг. на факультете было 9 штатных работников и 2 совместителя, преподавателям приходилось (как и сейчас) вести по несколько учебных дисциплин, а В.А. Степынин был и деканом, и зав. кафедрой, и доцентом. Подобное положение сказывалось на результатах научной работы, которую в тот период систематически вели лишь В.А. Степынин, А.И. Блинов и П.И. Циликина.

Пополняли преподавательские кадры выпускники как столичных вузов, так и родного исторического. В 1950–51 уч. году на факультете работали «отличник» факультета В.А. Гжешак (новейшая история), Д.А. Васильев (древняя история), Л.А. Шаферова (история средних веков), П.Н. Павлов (история СССР).

Продолжался интенсивный качественный рост преподавательского состава факультета. В ноябре 1950 г. (Приказ № 197) открыта аспирантура по истории ВКП (б), руково-

⁸ Лисина Е.А., Северьянов Д.М. Историческое образование и наука в Приенисейском регионе в 1940-е – начале XXI в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2(24). С. 90–97.

дитель доцент В.П. Сафронов. Защитили кандидатские диссертации в 1951 г. – Л.А. Шаферова, П.Н. Павлов; 1954 г. – Л.В. Болтинская, 1955 г. – после годичной аспирантуры защитился М.Б. Шейнфельд; в том же году степень кандидата исторических наук получила М.И. Ефремова. За 1955–56 учебный год защитили кандидатские диссертации и получили степень кандидата наук 10 научных работников. Над докторскими диссертациями работали 6 человек, в т.ч. А.И. Блинов, Б.И. Беляев. По ряду причин, с 1955 по 1988 г. на историческом факультете вновь была образована одна кафедра истории.

В 1955 г. сдан в эксплуатацию корпус № 2 на пр. Мира, 98, где разместились факультеты: исторический, русского языка и литературы и иностранных языков, а примерно через год студентов заселяют в новое общежитие на пр. Мира, 122, построенное их же руками. На факультете кипела студенческая жизнь: многочисленные соревнования, концерты, помощь фронтовикам, демонстрации, митинги, субботники, а главное, упорная, ответственная учеба, качество знаний, перспективы будущей работы.

В это же время вуз переходит на пятилетний срок обучения, а деканом историко-филологического факультета был назначен П.Н. Павлов⁹. В январе 1959 г. назначение на должность декана получила доцент Л.А. Шаферова (Приказ № 4 от 01.01.1959). Думается, что истории и биографии деканов исторического факультета, анализу их деятельности и вкладу каждого в развитие факультета следует посвятить отдельную статью.

Впереди факультет, как впрочем и всю страну, ожидала «хрущевская реформа» исторического образования конца 1950-х гг., которая обратила внимание на связь истории с современностью, было введено преподавание новейшей истории, а вместо линейной было введена частично концентрическая структура школьного изучения истории.

⁹ Красноярский рабочий. 1956. 23 августа.

Библиографический список

1. Балбеко А.М. Развитие региональной системы высшего образования: историко-педагогический аспект (на материалах Сибири 1917–1941 гг.). М., 2002.
2. Лисина Е.А., Северьянов Д.М. Историческое образование и наука в Приенисейском регионе в 1940-е – начале XXI в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2(24). С. 90–97.
3. Лукинский Ф.А. Народное образование в Сибири (1928–1941). Новосибирск, 1982.
4. Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири. Новосибирск, 1986.
5. Хаминов Д.В. Становление и развитие системы исторического образования в педагогических вузах Сибири в 30-е XX – начале XXI в. // Вестник ТГУ. 2012. № 3. С. 50–55.
6. Ценюга С.Н. Жизнь и научная деятельность Б.Ф. Райского // История образования и науки в Сибири. Вып. 3. Красноярск. 2009.
7. Школа Сибири за 60 лет советской власти. Барнаул, 1982.

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ КГПИ. ПЕРВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ

GENERAL HISTORY DEPARTMENT OF THE PEDAGOGICAL INSTITUTE, THE FIRST PHASE OF THE HISTORY

В.Г. Дацышен
доктор исторических наук, профессор
КГПУ им. В.П. Астафьева

Исторический факультет, Сибирь, Красноярск, кафедра всеобщей истории.
History Department, Siberia, Krasnoyarsk, Department of General history.

В 1942 г. в Красноярском пединституте был открыт исторический факультет. Штат преподавателей в рамках первой объединенной кафедры истории был сформирован к 1944 г. В числе первых, еще в 1943 г., на факультет прибыл из госпиталя после ранения выпускник Одесского университета фронтовик А.П. Бородавкин. Историю нового времени на историческом факультете читал известный историк И.З. Стругацкий¹, историю древнего мира начала читать методист П.И. Циликина. В октябре 1944 г. в штат пединститута в качестве преподавателя всеобщей истории был зачислен Д.У. Зекцер, который еще раньше начал преподавать историю средних веков на факультете. Тогда же, в конце 1944 г. в Красноярский пединститут прибыл преподаватель истории Востока известный монголовед Э.Р. Рыгдылон. 21 ноября 1944 г. он после ранения был командирован Наркомпросом в Красноярский пединститут². Среди тех, кто стоял у истоков кафедры всеобщей истории, вероятно, был и выпускник исторического отделения философского факультета Гейдельбергского университета профессор И.В. Волковичер, возглавлявший в Красноярском пединституте кафедру марксизма-ленинизма. Говоря о связи кафедры марксизма-ленинизма с историческим образованием, необходимо отметить специалиста по истории русско-монгольской торговли Елизавету Харлампиевну Гребневу, которая (после отъезда в 1945 г. И.В. Волковичера из Красноярска) возглавила кафедру.

Направление всеобщей истории на кафедре истории было самым большим, но неустойчивым. Например, в марте 1946 г. в штате по кафедре истории было 7 человек, и четверо из них преподавали дисциплины всеобщей истории. Но при этом состав преподавателей отечественной истории оставался прежним, а всеобщники обновились наполовину. Вместо И.З. Стругацкого и Д.У. Зекцера дисциплины все-

¹ Архивный фонд Красноярского государственного педагогического университета (АФ КГПУ). Приказы ректора 1943–1944 гг. Л. 200–210.

² АФ КГПУ. Приказы ректора 1943–1944 гг. Л. 347.

общей истории начали преподавать В.В. Погонкин (с 1945) и В.П. Морозов.

Развитие исторического факультета КГПИ привело к открытию в 1946 г. первой в истории Красноярска кафедры всеобщей истории. Следует отметить, среди провинциальных пединститутов красноярская кафедра всеобщей истории была одной из первых. Кафедру создал и возглавил только что защитивший в Ленинграде кандидатскую диссертацию Э.Р. Рыгдылон. В «Приказе по Институту от 22 июня 1946 г.» говорилось: «Во изменение приказа по Пединституту от 5/1-46 г. №3 РЫГДЫЛОНА Эрдемто Ринчиновича зачислить в штат института с 1 июня 1946 г. по кафедре истории со ставкой согласно приказу... как получившего ученое звание кандидата. ОСНОВАНИЕ: Заявление Рыгдылона с приложением выписки из протокола ученого совета института Востоковедения Академии наук СССР»³. И можно предположить, что именно под известного и перспективного ученого в пединституте вскоре и была открыта кафедра всеобщей истории.

В деле «Приказы ректора» за 1946 г. кафедра всеобщей истории впервые упоминается 22 ноября. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой назван преподаватель истории стран Востока Э.Р. Рыгдылон. В состав кафедры также входили преподаватель древней истории П.И. Циликина, преподаватель истории средних веков В.П. Морозов и преподаватель новой истории В.В. Погонкин. Учебная нагрузка по кафедре была следующей: Рыгдылон – 570 часов (включая 60 часов консультаций и проч.), Погонкин – 820 часов, Циликина – 840 часов, Морозов – 840 часов. Здесь можно отметить, что учебная нагрузка у штатных преподавателей кафедры истории СССР была меньше.

Эрдемто Ринчинович Рыгдылон на кафедре читал курсы по истории Востока. Он был выпускником Монгольского отделения Общественно-политического факультета Ленин-

³ АФ КГПУ. Приказы ректора 1946 г. Л. 106.

градского Восточного института. Кроме западных языков, он владел старомонгольским и китайским, переводил енисейское руническое письмо. Курс новой истории Запада вел Всеволод Вячеславович Погонкин. За плечами этого преподавателя, сына потомственного дворянина и знаменитого петербургского архитектора, была непростая жизнь. Здесь можно отметить, что папа этого историка в начале XX в. много лет жил в Китае и даже имел аудиенцию у китайского императора. В.В. Погонкин закончил несколько учебных заведений и даже аспирантуру, имел научные публикации, а в 1940 г. заочно закончил и классический истфак. В сферу научных интересов В.В. Погонкина входила немецкая классическая философия, теория и методология истории. Выявить научную биографию первого на кафедре всеобщей истории преподавателя истории средних веков Всеволода Петровича Морозова не представляется возможным из-за отсутствия документов. Историю древнего мира читала Полина Ивановна Циликина, но она так и не смогла подготовить свою диссертацию по педагогике к защите.

В середине 1940-х преподаватели-всеобщники, как и историки вообще, были безусловными лидерами в Красноярском пединституте. Показательной была результативность научных исследований. В «Отчете Пединститута за 1945–46 уч. год» говорилось: «Закончены две работы / диссертации т.т. Гребневой и Рыгдылон/»⁴. Таким образом, в этом году диссертации были написаны только историками. Следует отметить, что в марте 1946 г. в штате по единственной кафедре истории были лишь 7 неостепененных преподавателей. При этом можно отметить, что обе подготовленных в Красноярском пединституте диссертации были посвящены проблемам истории Монголии. Общее представление о научно-исследовательской работе сотрудников Красноярского пединститута дает «План НИР Института на 1947 г.»⁵. По ка-

⁴ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.8. Л.15.

⁵ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.148.

федре всеобщей истории была заявлена работа над докторской диссертацией Э.Р. Рыгдылоном «Древние обитатели пещер окрестностей г. Красноярска», со сроком выполнения до июня 1950 г. В плане были закреплены еще две темы диссертационных исследований преподавателей кафедры всеобщей истории: П.И. Циликаина – «Система повторения как средство преодоления формализма в преподавании истории» и В.В. Погонкин – «Рационалистический момент в теории познания кантианства и диалектического материализма». Для сравнения, сотрудники кафедры истории СССР в своих обязательствах были скромнее и умереннее. Защитивший в 1946 г. кандидатскую диссертацию В.А. Степынин запланировал ровно два года на написание одной статьи «1812 г. в Красноярском крае».

Достижения и успехи кафедры всеобщей истории, зафиксированные в 1946 г., никак не стыкуются с произошедшими в 1947 г. событиями. Сначала удивительным образом именно преподаватели кафедры всеобщей истории, и только они во всем пединституте, в 1947 г. были указаны как «имеющие недостатки в преподавании». В Протоколе заседания ученого совета КГПИ от 30 сентября 1947 г. было записано: «Большинство п. работников: проф., доценты и многие ст. преподаватели читали лекции на высоком идейно-теоретическом уровне. Были и недостатки в преподавании. Они имели место у преподавателей: ср. веков т. Морозова, истории народов Востока т. Рыгдылон, истории нового времени у т. Погонкина и др.»⁶.

О содержании недостатков можно прочитать в Проекте решения ученого совета: «Качество преподавания по некоторым дисциплинам проводилось на недостаточно высоком идейно-теоретическом уровне (история средних веков – Морозов, новая истории народов Востока – Рыгдылон, истории нового времени – Погонкин»⁷.

⁶ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.2.

⁷ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.5об.

Подобные нападки на всеобщников не совсем были уместны на том фоне, что за прошедший учебный год из всех сотрудников Пединститута полностью выполнил план научной работы и защитил диссертацию лишь один человек, и это был Э.Р. Рыгдылон. Если брать педагогическую сторону, с 1945 г. опять же именно он наиболее активно работал со студентами и школьниками, возил студентов на археологическую практику, находя возможность даже платить студентам зарплату. Исследователи личного архива Рыгдылона отмечают: «в г. работы в Красноярске, когда Э.Р.Р. вел студенческие и школьные кружки, у него возникла мысль написать книгу для детей – «Дневник археолога». Был заключен издательский договор и расширен план разделов этой книги... Неизвестно, была ли издана эта книга, в архиве представлены только черновые записи об этом»⁸. Тот же Э.Р. Рыгдылон был и примером общественной работы, он призывал со страниц газет: «Пока еще, к сожалению, учителя-историки очень слабо пользуются при преподавании богатейшим местным материалом, и любовь к своему краю, к его прошлому, прививаются на уроках истории недостаточно»⁹. Э.Р. Рыгдылон наладил сотрудничество с учителями средних школ Красноярска, привлек к краеведению местную интеллигенцию. Что касается связей с учеными из других стран, то он не ограничивался совместными проектами с ленинградцами, а среди его ближайших партнеров были и А.П. Окладников и Л.Н. Гумилев, он уже в конце 1945 г. наладил тесное сотрудничество с историками Абакана, где к тому времени открыли не только исторический факультет, но научно-исследовательский институт. Красноярский историк писал: «Я был в командировке в г. Абакан для участия в работе научной конференции Хакасского Научно-исследовательского института языка, ли-

⁸ Ярославцева Л.Г. Жизненный путь и судьба первого бурятского археолога Эрэдмто Ринчиновича Рыгдылона (10.11.1906 – 24.04.1957). По материалам личного архива // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск, 2009. С. 168.

⁹ Красноярский рабочий. 1945. 18 ноября.

тературы и истории... Конференция происходила в актовом зале Абаканского педагогического института с 10 по 16 декабря 1945 г. Я... имел возможность в общих чертах познакомиться с работой института по опубликованным в печати материалам и из бесед с сотрудниками и главным образом с директором Института тов. Доможаковым Н.Г.»¹⁰.

Выявленных документов на сегодняшний день недостаточно, чтобы говорить о научных достижениях другого преподавателя – В.В. Погонкина. Однако сохранились воспоминания двух выпускников исторического факультета тех лет. Выпускница 1947 г. М.Ф. Козлова (Голотвина) называет В.В. Погонкина «великолепным рассказчиком», а выпускница 1948 г. Г.И. Сергеева (Григорьева) упоминает лишь трех человек – ректора Б.Ф. Райского, заведующего кафедрой отечественной истории А.И. Клибанова и преподавателя В.В. Погонкина, о котором пишет: «Замечательным педагогом был и эвакуированный ленинградец Погонкин. Он читал курс по новой истории, особенно запомнилась тема по Великой французской революции, казалось, что он сам участвовал в этих событиях и даже спел нам на французском языке...»¹¹.

Нападки на всеобщников не ограничились указанием на недостаточный идейно-теоретический уровень. Вскоре их просто уволили из института. Последняя из найденных записей в документах пединститута, где упоминается Э.Р. Рыгдылон, относится к материалам ученого совета КГПИ за 30 сентября 1947 г. В Информационном отчете КГПИ за первое полугодие 1947–48 уч. года написано: «за отчетный период выбыло из института 9 штатных работников, в том числе: освобождены за недостаточностью квалификации один кандидат наук по кафедре всеобщей истории / тов. Рыгдылон/ и 4 преподавателя...»¹².

¹⁰ Рукописный фонд Хакасского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). И-3. Оп.1. Д.312. Л.4.

¹¹ «Историки! К торжественному маршу...»: Истфак глазами выпускников. / отв. за вып. Е.А. Акимова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2007. С. 7–9.

¹² ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.11. Л.8.

Здесь следует отметить, что в Красноярске уже много лет не было ни одного археолога, и ситуация с кадрами на кафедре истории СССР была тяжелая, большие проблемы были у филологов. В Протоколе заседания ученого совета КГПИ от 30 сентября 1947 г. было записано: «Остро чувствуется недостаток высококвалифицированных работников на факультетах: иностранном, историческом и языка и литературы»¹³. Руководство КГПИ предпочло уволить своих всеобщников, из которых как минимум двое, Э.Р. Рыгдылон и В.В. Погонкин, несомненно, были в числе наиболее квалифицированных и популярных среди городской интеллигенции, студентов и преподавателей педагогического института.

Увольнение ведущих преподавателей немедленно отразилось на уровне кафедры, факультета, института, и что сразу же нашло отражение в документах. В Информационном отчете КГПИ за первое полугодие 1947–48 уч. года уже заявлялось: «Наличие вакансий / кафедры: марксизма-ленинизма, педагогики, всеобщей истории, истории СССР / поставили институт в крайне тяжелое положение...»¹⁴.

Вторым заведующим кафедрой всеобщей истории стал выпускник МГУ (1941) по специальности «история нового времени» фронтовик Андрей Иосифович Блинов. В воспоминаниях его бывшей жены мы читаем: «Он воевал мало, и наград почти не было, в одном из первых же боев, под Сталинградом, его изрешетило – 14 ранений, в том числе сверхтяжелое – в бедро. Он был без ноги...»¹⁵. А.И. Блинов приехал в Красноярск после окончания аспирантуры Института этнографии АН СССР и защиты в 1946 г. кандидатской диссертации по истории и культуре полинезийского народа маори. В приказе по КГПИ от 11 марта 1947 г. говорилось: «Кандидата исторических наук Блинова Андрея Иосифови-

¹³ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.2.

¹⁴ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.11. Л.9.

¹⁵ Поляновский Эд. Принц и недотрога // Родная газета. № 28 (114). 25 июля 2005 г. URL: www.rodgaz.ru

ча зачислить с 10 марта 1947 года на должность и.о. зав. кафедрой всеобщей истории Красноярского Государственного педагогического института с окладом 250,0 руб. в месяц плюс 20% за заведывание кафедрой»¹⁶. В дальнейшем в документах указывалось, что на кафедре А.И. Блинов начал работать с февраля 1947 г. Он читал курс истории нового времени. Вскоре, в 1948 г., А.И. Блинову было присвоено ученое звание доцента.

В Отчете кафедры всеобщей истории за 1948–49 уч. год говорилось: «Заведует кафедрой доцент, кандидат исторических наук Блинов А.И., который ведет на кафедре курс новой истории. Помимо него в штате кафедры на целой ставке работают следующие товарищи: старший преп. П.И. Циликина, ведущая курс древней истории, методики и руководящая педпрактикой. Тов. Циликина является опытным и квалифицированным работником, имеющим уже значительный стаж работы в ВУЗе. Она много работает над собой и должна в этом году приступить к сдаче кандидатского минимума / вторично, т.к. давность первой сдачи истекла/; далее на полной ставке находятся молодые, только что окончившие наш институт преподаватели Григорьева Г.И. и Корид С.Е. Подготовленность обоих этих преподавателей очень слабая, и если бы не исключительные обстоятельства /неожиданно и без предупреждения кафедра лишилась двух хороших преподавателей в середине года/, их было бы преждевременно привлекать к работе в ВУЗ... Посещения их лекций и семинарских занятий привели декана ф-та и заведующего кафедрой к выводу о необходимости при первой же возможности укрепить кафедру более квалифицированными и опытными работниками. На половинной ставке находятся ст. преп. Барабошкин А.В. и Шпаер С.Л., которые являются при этом совместителями. Т. Шпаер ведет курс новейшей истории, а т. Барабошкин – курс средних веков...

¹⁶ АФ КГПУ. Приказы ректора 1947 г. Л.57.

т. Циликина... собирается прикрепить к соответствующему руководителю и утвердить тему диссертации. Т. Блинов продолжает работу над своей докторской диссертацией... Кафедра имеет одного только лаборанта на пол-ставки... частая смена лаборантов не дает возможности им работать над повышением своей квалификации¹⁷.

Несомненно, в 1947 г. кадровая политика руководства Красноярского пединститута была, мягко говоря, странной. Здесь, вероятно, можно говорить о смене партийно-политического курса в стране в целом, которая нашла свое отражение в изменении политической риторики на всех уровнях. Тяжелейшая многолетняя война консолидировала советское общество, теперь же народ-победитель надеялся на светлое будущее. Советская партийно-политическая элита вынуждена была направить все свои усилия на самосохранение от собственного народа. Основным инструментом власти опять становятся социально-политическая демагогия и идеологический террор. На обстоятельства, в которых родились претензии к сотрудникам кафедры всеобщей истории, указывают материалы Ученого собрания, в отчете Института за 1946–47 уч. год сказано: «Помогло в работе также обследование Института, организованное Крайкомом ВКПб»¹⁸. В 1947 г. интеллектуальные силы Красноярского пединститута были брошены на обсуждение трудов И.В. Сталина. Например, в феврале прошла «Теоретическая конференция по трудам первого тома Сочинений И.В. Сталина», организованная, как писали газеты, по инициативе парторганизации и кафедры марксизма-ленинизма. Имен историков-всеобщников в публикациях об этой конференции не упоминалось, доклады о научных достижениях И.В. Сталина делали математики и биологи.

Вообще, исторический факультет, судя по всему, у властей не был в любимчиках. И это при том, что этот факуль-

¹⁷ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.2.

¹⁸ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.3.

тет был самым большим, из 49 выпускников 1946 г. – 21 человек были историками. В 1947 г. на начало учебного года в Институте было 653 студента, самым большим из пяти факультетов был исторический факультет – 171 студент¹⁹. Историки лидировали в Пединституте и по числу тем научных исследований. В 1946–47 гг. по направлению «История Сибири и Красноярского края» было утверждено 11 тем²⁰. И выполняли в сроки планы научно-исследовательской работы во второй половине 1940-х, если верить документам, тоже только историки. Но пресса давала другую картину. Например, в газете «Красноярский рабочий» целый лист был отдан под материал «Здесь готовят кадры народных учителей»²¹. В газете писали про пединститут, но почти ни слова о самом большом факультете – историческом. Другой пример, в информационной заметке о III научной сессии Красноярского государственного педагогического института в марте 1947 г. говорилось лишь о двух секциях – физико-математической и биологической»²². Но исследователи личного архива Э.Р. Рыгдылона писали: «Отчет по итогам экспедиции был заслушан и одобрен на кафедре Всеобщей истории, на 3-й Научной Конференции Педагогического института...»²³.

Наивно полагать, что красноярские историки были активными политическими оппонентами существующему режиму или какими-нибудь диссидентами. Например, в подписанной директором Красноярского Краевого музея Л.И. Нейтманом характеристике говорилось: «Рыгдылон Э.Р. постоянно работает над научными проблемами, увязывая свои теоретические знания с практикой. Политически грамотный и выдержанный тов. Рыгдылон Э.Р. прини-

¹⁹ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.144-146.

²⁰ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.9. Л.33.

²¹ Красноярский рабочий. 1947. 13 июля.

²² Красноярский рабочий. 1947. 26 марта.

²³ Ярославцева Л.Г. Жизненный путь и судьба первого бурятского археолога Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона (10.11.1906 – 24.04.1957). По материалам личного архива // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск, 2009. С. 171.

мает активное участие в общественно-политической жизни коллектива»²⁴. Действительно, ни бывший «японский шпион» и инвалид-фронтовик Э.Р. Рыгдылон, ни бывший потомственный дворянин и красноармеец времен Гражданской войны В.В. Погонкин, не годились на роль диссидентов, и ни дня на свободе в таковом качестве в 1940-х гг. не находились бы. Возможно, причины гонений на историков заключались в том, что они просто не вписывались в чиновничье-бюрократическую систему, не терпевшую «выскочек», система не принимала личностей.

Документы убеждают, что большинство красноярских историков второй половины 1940-х гг. просто не позволяли себе опускаться до той политической риторики, которая спускалась в качестве обязательной для профессорско-преподавательского состава советских вузов. Таким образом, партийное руководство демонстрировало незаинтересованность в историках, которые никак себя не проявили в изучении «гениальных трудов И.В. Сталина».

Мы можем предположить, что большинство коллег-историков не были противниками уволенных всеобщников. Многие из них покинули Красноярск при первой возможности, как, например, в 1948 г. декан истфака и проректор института Александр Павлович Бородавкин. Другой известный исследователь истории Сибири Василий Александрович Степынин покинул Красноярск сразу же после защиты докторской диссертации, переехав в 1964 г. в Воронеж. Не в состоянии оградить вверенный ему институт от давления был и интересный педагог и опытный администратор Б.Ф. Райский, так как сам был сломан системой в конце 1930-х гг., отказался от своих взглядов, «раскаялся» и «покаялся». Не случайно в 1950-м г. Б.Ф. Райский покинул Красноярский пединститут, уехал аж в Калининград²⁵.

²⁴ НА ККМ. Оп.2. Д.96. Л.1.

²⁵ Ценога С.Н. Жизнь и научная деятельность Б.Ф. Райского // История образования и науки в Сибири. Вып. 3. Красноярск. 2009.

Ситуация с историками в Красноярске, когда почти все, кто пришел на исторический факультет в 1940–1950-х гг., покинули столицу Приенисейского края в расцвете творческих сил, выглядела показательной на фоне представителей других специальностей. Заведующий кафедрой физики Красноярского пединститута Л.В. Киренский стал в Красноярске академиком, Героем Социалистического Труда и вообще основателем красноярской академической науки.

К концу 1940-х гг. качество исторического образования стало падать. «Годовой отчет кафедры всеобщей истории за 1948–49 уч. год» начинается со следующего: «Наиболее подготовленным и ровным по своему составу является IV курс ПИ. В общем неплохо подготовлены и студенты III и II курсов ПИ... Хуже всего обстоит дело с первым курсом... Объясняется это не столько слабым составом курса, сколько снижением темпов работы... Подготовка студентов I и II УИ крайне низка...»²⁶. В погоне за формальными показателями, теряя силы в бесконечных попытках продемонстрировать свою лояльность государственной машине, профессорско-преподавательский состав терял свой профессионализм. Те, кто не хотел играть по этим правилам, и это были, как правило, наиболее профессионально подготовленные гуманитарии, выбрасывались из системы.

Оставшиеся работать на кафедре всеобщей истории преподаватели «играли» по спущенным сверху правилам. В сделанном на заседании ученого совета КГПИ 27 мая 1948 г. П.И. Циликиной «Отчете о работе истор. факультета» говорилось: «Задача, которая перед нашей страной стоит – построение коммунизма. Строители коммунизма должны быть соответствующим образом воспитаны, чтобы осуществить эти задачи... Историч. факультет, по сравнению с другими, преимущественно формирует Маркс. мировоззрение. Факультет исторический – молодой. Его учебная база слаба... Студентам не по чему учиться... Функциони-

²⁶ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.2.

руют 2 кафедры: истории СССР в кол. 4 чел. и иностр. истории также в колич. 4 человек. Научных работников не хватает... Научные работники т.т. Степынин В.А. и Блинов А.И. — подготовленные работники, но не имеют еще достаточно-го опыта в преподавании. Ассистент Терсков В.И. свои лекции строит правильно, но опыта у него еще, конечно, нет. Т. Козинцева работает 3 года. Лекции ее на высоком уровне. Т. Шпаер С.Л. читает также хорошо... Учебно-произв. дисциплина в основном удовлетворительная. Нарушений дисциплины со стороны научных работников не было»²⁷. Правда, В.А. Степынин в прениях сказал о наблюдавшемся развале на факультете, отметив, что «в этом были повинны научные работники, в частности А.И. Блинов»²⁸.

Слабость кадрового состава отражалась на учебном процессе. В кафедральном отчете говорилось: «Факультативного курса в этом году кафедра, ввиду слабости своего состава, не ставила. Кафедрой был поставлен на III курсе спецкурс «период реконструкции в США /1865–1875 гг./» и спецсеминар «Гражданская война в США», которые проводил т. Блинов. Курсовые работы по кафедральным темам, утвержденным кафедрой, были распределены между тт. Барабошкиным, Короид и Блиновым. Работал в году при кафедре студенческий научно-методический кружок, который провел всего 3 занятия за год, что явно неудовлетворительно... руководил кружком т. Блинов... Кабинет наглядными и учебными пособиями оборудован плохо... Основным недостатком педпрактики на III курсе ПИ и II курсе УИ является отсутствие должного количества квалифицированных руководителей...»²⁹.

В своей научной работе сотрудники кафедры вынуждены были подстраиваться под запросы политики, принимать насаждаемую риторику. Например, в отчете кафедры всеобщей истории за 1948–49 уч. год говорилось: «По линии марксистско-

²⁷ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.144–146.

²⁸ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.149.

²⁹ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.3.

ленинского образования работники кафедры принимают участие в работе методологического семинара Института /т.т. Циликина и Блинов подготовили краткие доклады на семинаре и т.д./ ... обсуждался с участием учителей города методический доклад т. Циликиной «Связь преподавания истории с современностью», которая получила высокую оценку кафедры. Эта работа носит научно-методический характер. Т. Блинов закончил, в соответствии с измененным в начале уч. года планом своей научной работы черновой вариант своей монографии «Реконструкция Юга США /1865–1876 гг./» объемом в 10 печатных листов и работает над следующим ее вариантом в 18 печ. листов, который должен быть закончен к концу этого уч. года. Согласно плану он дал две статьи.... А также переработал свою прежнюю статью «К вопросу о существовании австроазиатской семьи языков». Две последние работы служат делу разоблачения лженаучных положений современной буржуазной, а в особенности американской науки»³⁰. На заседании Ученого Совета Института 13 мая 1948 г. Блинов критиковал литераторов: «они никак не хотят считаться с практикой»³¹. 27 мая 1948 г. в прениях по «Отчету о работе истор. факультета» П.И. Циликиной заведующий кафедрой А.И. Блинов говорил: «Считаю, что дирекция и уч. части следует усилить контроль за работой преподавателей... Преподавание истории должно быть проникнуто партийностью. Однако добавить этой партийности в преподавание не так легко...»³².

Пострадали в конце 1940-х гг. от изменения политического климата и студенты-историки. Об этом говорит выдержка из кафедрального отчета: «Результаты государственных экзаменов по всеобщей истории /новой/ на 4 курсе ПИ можно признать в общем вполне удовлетворительными /отлично – 6, хорошо – 11, посредственно – 16 и неудовлетворительно – 1 оценка/. Особо выдающимися были ответы сту-

³⁰ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.2-6.

³¹ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.

³² ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.129. Л.148.

дентов тт. Кашеевой и Ефимовой. Но следует отметить при довольно хорошем знании фактического материала недостаточную методологическую подготовленность студентов, чем и объясняется большая часть посредственных оценок. Следует в дальнейшем учесть выявившееся у студентов неумение связывать в единую систему знания, полученные при прохождении основ марксизма-ленинизма, диалектики и истмата, политической экономии и всеобщей истории... Следует также отметить, как пробел в познаниях студентов, неумение в некоторых случаях проанализировать решающую роль нашей Родины в данных исторических событиях, что объясняется в первую очередь недостатками, имеющимися в старых программах и учебниках...»³³. Подтверждает ситуацию и отчет председателя ГЭК в 1947 г.: «Экзамены по истории народов СССР и по всеобщей истории трудно оценить. В громадном большинстве случаев студенты обнаруживали неплохие знания, немало было и отличных ответов»³⁴. Председатель ГЭК высказал замечание, что в билетах было по три вопроса, вопросы узки и специализированы. Здесь следует заметить, что и прежде, например в 1946 г., к выпускникам серьезных претензий экзаменаторы не высказывали. В том году дипломы о высшем образовании получили 16 историков, в том числе — два человека с отличием.

Студенты, начавшие свое обучение в конце войны, хорошо знали фактический материал, но не могли связать эти знания с новой марксистско-ленинской риторикой. Поступившие в 1947 г. студенты просто не владели фактическим материалом. В кафедральном отчете говорилось: «Результаты государственных экзаменов на II курсе учительского института явно неудовлетворительны... Студенты плохо знают фактический материал, плохо знают хронологию и почти совершенно не разбираются, за исключением 6–7 человек, в методологических вопросах»³⁵.

³³ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.4.

³⁴ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.10. Л.12об.

Серьезные кадровые изменения, принятие преподавателями новых «правил игры» были недостаточными для того, чтобы полностью «сломать» кафедру, сделать ее простым инструментом политической агитации. И в отчете за 1948–49 гг. в разделе «Политико-воспитательная работа» говорилось: «Роль кафедры в политико-воспитательной работе на факультете все еще далеко недостаточна. Кафедра ограничивается /это, конечно, тоже крайне важно/ перестройкой лекций своих преподавателей в соответствии с указаниями нашей партии по вопросам идеологической работы с враждебными нам течениями, но не ведет пока еще работы в этом направлении со студентами во внеучебное время... В целом работа велась кафедрой неудовлетворительно»³⁶.

В 1950-х гг. кафедра всеобщей истории по возможности приспособлялась к периодически меняющимся политическим реалиям. Кафедра не просто выживала, но и развивалась. Кафедру всеобщей истории усилили приехавшие в Красноярск молодые всеобщники – Л.А. Шаферова и Л.В. Болтинская. В 1954 г. защитил диссертацию по новейшей истории Японии еще один сотрудник кафедры всеобщей истории, преподаватель истории стран Востока Юрий Николаевич Осколков. А.И. Блинов был вынужден сменить тему исследований, заняться политической историей США. Однако его предыдущие исследования оказали решающее влияние на выбор темы исследований выпускника КГПИ 1951 г. Ю.И. Семенова³⁷. Сам Ю.И. Семенов в предисловии к своей монографии написал о «поддержке со стороны Андрея Иосифовича Блинова – талантливого ученого и замечательного человека»³⁸.

³⁵ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.4.

³⁶ ГАКК. Ф.р-2217. Оп.1. Д.310. Л.6.

³⁷ За опубликованную в 1962 г. в Красноярске монографию «Возникновение человеческого общества» в 1963 г. в Институте Этнографии АН СССР была присвоена научная степень доктора исторических наук.

³⁸ Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: Философско-исторические очерки. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2011. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=117655>.

Кафедра всеобщей истории Красноярского пединститута не дожила до своего первого десятилетнего юбилея и в 1955 г. была объединена с кафедрой истории СССР. Еще раньше историки в Красноярске были объединены в один факультет с филологами. Это, несомненно, неблагоприятно отразилось на развитии исторической науки и образования, тем более что А.И. Блинов и Ю.Н. Осколков вскоре покинули город на Енисее. В большинстве же провинциальных российских пединститутов кафедры всеобщей истории, очевидно, не закрывали. Объединение двух исторических кафедр на историческом факультете Красноярского пединститута отразило некоторую «деградацию» исторической науки в советском обществе, привело к ослаблению исторического образования в Красноярске.

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ЕНИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНИЮ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

RELOCATION OF THE BELARUSIAN PEASANTS' TO THE YENISEYSK GOVERNORATE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURY

В.Ю. Александрович

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор В.И. Федорова

Сибирь, история Сибири, Енисейская губерния, аграрные реформы, аграрная колонизация Сибири, белорусы, переселенцы.

Siberia, History of Siberia, Yeniseysk Governorate, agrarian reforms, agrarian colonization of Siberia, Belarussian, migrants.

Статья посвящена белорусским переселенцам, оказавшимся в Енисейской губернии в результате аграрных реформ рубежа XIX–XX вв.

The article is devoted to the Belarussian immigrants who found themselves in the Yeniseysk Governorate as a result of agrarian reforms of the turn of the XIX–XX centuries.

После провозглашения реформы 1861 г., отменившей крепостное право, на Восток хлынули потоки переселенцев практически из всех перенаселенных 25 губерний черноземной и нечерноземной зон Европейской России. Однако значительная масса переселенцев шла из губерний нечерноземной полосы. К числу последних относились 5 западных губерний (белорусских): Виленская, Витебская,

Гродненская, Минская и Могилевская. Эти потоки не были полностью поглощены районами Западной Сибири. Некоторые из них докатились и до Енисейской губернии.

По данным В.А. Степынина, за 1893–1903 гг. среди переселенцев Енисейской губернии выходцы из Западного края, его пяти губерний (на пространстве которых сложилась белорусская нация) составили 37,2 % [10, с. 74].

Ведущую роль в формировании предпосылок крестьянского переселения из Белоруссии сыграла ситуация, возникшая в ходе проведения реформы 1861 г. В Белоруссии в большей степени, чем в Европейской России сохранилось помещичье землевладение. Так, в 1877 г. 50,3 % всех земельных угодий находилось в собственности дворянства, тогда как в целом в Европейской России аналогичный показатель составил 19,2 % [7, с. 225]. Потеряв надежду на получение помещичьей земли, крестьянство искало спасения в переселении на «свободные» земли. Значительная часть крестьян по реформе 1861 г. была «освобождена» без земли. Например, в 1863 г. численность безземельных дворов в Могилевской губернии достигала 6,7 %, в Витебской – 7,0, в Гродненской – 7,7, в Минской – 8,3, в Виленской – 9,5 % [1, с. 13].

Экстенсивный характер земледелия при отсталой технической оснащенности привел к острому дефициту товарного хлеба. Если в 1870-е гг. недостаток ржаного и особенно пшеничного хлеба испытывали 3 губернии (Минская, Гродненская и Витебская), то в 1890-е гг. к ним добавились две остальные (Виленская и Могилевская).

Положение усугублялось падением цен на хлеб в 1880–90-е гг. вследствие аграрного кризиса, избытком и обесцениванием рабочих рук. Сельскохозяйственная сфера могла востребовать не более половины трудоспособного населения, а промышленность – и того меньше. В эти же годы разразился кризис в лесной промышленности – упал спрос на лес. Население пошло искать заработка на стороне.

10 июля 1881 г. Александр III утвердил «Временные правила» о переселении крестьян, тем самым впервые признавались и узаконивались переселения [8, с. 23]. 13 июля 1881 г. был издан закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке переселения еще означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Это был первый по времени закон, признававший значимость проблемы переселения. 10 декабря 1892 г. был учрежден Комитет Сибирской железной дороги. На II общетарифном съезде представителей русских железных дорог был принят льготный тариф для переселенцев. Это свидетельствовало о поворотном моменте в переселенческой политике, обусловленной необходимостью заселения местности, прилегающей к строящейся Транссибирской железнодорожной магистрали. 5 июня 1894 г. царь утвердил постановление комитета Сибирской железной дороги об устройстве самовольных переселенцев, прибывших в Сибирь и Степной край [1, с. 93].

Царский закон от 15 апреля и 7 декабря 1896 г. впервые признавал самовольное переселение при условии наличия свободных участков, а также предусматривало поощряемое с 1894 г. народное ходачество, упрощая формальности по получению разрешений на переселение, устанавливая особый пониженный железнодорожный тариф для переселенцев. Результат не заставил себя долго ждать. Например, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г. можно проследить преобладание отлива над приливом населения во всех пяти губерниях Беларуси [1, с. 24].

Циркуляром от 20 января 1897 г. ходачество вводилось в ранг закона. Из белорусских ходочков, ушедших за Урал в 1895–1899 гг. (22 тыс. человек), в Енисейской губернии осели 25,5 % [1, с. 94].

Решившись на переселение, крестьяне покидали родные места в разное время года. Одни уходили с таким расчетом, чтобы прийти на место водворения к началу полевых работ

и приступить к разработке пашни. Другие считали необходимым закончить все полевые работы на родине и затем уже идти на переселение. Основная масса переселенцев прибывала в Енисейскую губернию с апреля по ноябрь, и лишь незначительная же часть – с декабря по март, да и то после начала регулярного пассажирского сообщения по железной дороге. Попутно отметили, что в Енисейскую губернию переселенцы прибывали через Мариинск. Из этого города они перебирались уже в отдельные уезды губернии. Время пребывания переселенцев в пути было различным в зависимости от наличных средств передвижения и от дальности дороги. Например, из Витебска до Томска переселенцы шли до 20 недель. Передвигались крупными партиями: по 40–50 семей в каждой. Все вместе доходили до уезда, в котором намеревались поселиться. А затем более мелкими группами расходились по селениям старожилов или основывали новые поселки [10, с. 78]. В дороге переселенцы испытывали страшные лишения: почти полное отсутствие транспорта, плохая обувь и одежда, скудное питание, ночлег под открытым небом.

С открытием движения по Сибирской железной дороге путь переселенцев стал намного легче. Времени на дорогу стало уходить меньше. Стоимость проезда также уменьшилась. Но проезд по железной дороге, тем не менее, был далеко не комфортабельным. Ехать приходилось IV классом, а часто, вообще, в товарных, то есть неприспособленных для перевозки людей вагонах. И тем не менее даже в таких условиях у переселенцев в пути рождались дети. Так, в семье крестьянина-переселенца из Витебской губернии Городского уезда Фомы Самуйлова у его старшего сына Максима и его жены Акулины в тяжелой дороге родилась девочка. Ее назвали Мариной. В Препровождении от 4 апреля 1897 г. на крестьянина Фому Самуйлова о водворении на участок Красный Ключ Балахтинской волости Ачинского округа Енисейской губернии указываются все члены его большой

семьи, в том числе и дочь Максима Марина и ее возраст – 6 недель [2, Л.1-2].

На размещение переселенцев внутри Енисейской губернии оказывал влияние ряд факторов. Переселенцами учитывались благоприятные почвенно-климатические условия, наличие путей сообщения и дальность дороги к месту переселения. Территория Енисейской губернии делилась на степь, лесостепь, подтайгу и тайгу. Наилучшей для занятия земледелием считалась степь, хуже – лесостепь. С 1893 по 1905 г. в Енисейской губернии возникло 323 поселка [10, с. 93]. Основная масса переселенческих поселков возникала за чертой района старожильческих селений, в глубине необжитой территории. Правительство при нарезании переселенческих участков, прежде всего, стремилось к заселению районов, расположенных по обеим сторонам строящейся железной дороги. Переселенцев из Белоруссии направляли в округа-уезды: Ачинский, Канский, Красноярский. Причем в Ачинском и Красноярском уездах больше половины поселков возникли к югу от железной дороги, а в Канском – к северу. Но переселенческие поселки возникали и на юге губернии – в Минусинском уезде.

К 1893–1905 гг. относится создание переселенческих поселков-участков: Красный Ключ (Балахтинской волости Ачинского округа), где поселились переселенцы из Витебской, Гродненской и Виленской губернии [2, Кожуховский (Салбинской волости Минусинского округа) – из Гродненской, Виленской и Могилевской [2], Митькин (Большеулуйской волости Ачинского уезда) – из Витебской и Минской [5], Машуковский (Рождественской волости Канского уезда) – из Гродненской, Витебской губерний [4].

Но наряду с созданными и заселяемыми переселенческими участками возник вопрос об оказании помощи переселенцам в организации хуторской или подворной формы землепользования. Тем более что опыт существования хуторов

был хорошо знаком крестьянам-переселенцам Западных губерний. Создание хуторов на участках, специально для этого отмежеванных, при проведении землеотводных работ дало свои положительные результаты. Например в 1900–1902 гг. были созданы хутора в Большеулуйской волости Ачинского уезда – 10, в Красноярском уезде – 1, Канском – 2 [10, с. 144]. На отмежеванные хуторские участки водворялись выходцы из Лифляндской (латыши, эстонцы) и Витебской (особенно ее северо-западной части) губерний, где было распространено хуторное и подворное землевладение. Переселенцы стремились на новом месте установить ту систему землевладения, к которой они привыкли на родине.

Белорусским крестьянам как и другим переселенцам, нужно было как-то устраивать свое жилище. При этом они ограничивались самым необходимым, старались оградить себя лишь от непогоды и холода. Современники указывали, что переселенцы сразу же устраивали на участке шалаши и землянки, или покупали у старожилов готовые срубы, или останавливались на квартирах у крестьян соседних селений. Построенные с большим трудом через несколько лет после водворения избы переселенцев в основном не имели элементарных удобств и во многом уступали избам старожилов. Переселенцам было трудно подготовить пашню под сев. Ведь у крестьян-переселенцев из всех 5 губерний Беларуси не было опыта для разработки целинных земель. Заведение основных элементов хозяйства переселенцев занимало несколько лет. Часто переселенцы были вынуждены прибегать к помощи старожилов. Существенную роль в хозяйственной жизни переселенцев играла правительственная ссуда.

В законе 13 июля 1889 г. правительство устанавливало для переселенцев льготы в несении повинностей. Предусматривались льготы по 2 основным группам повинностей: казенным, земским. В первые три года с момента водворения переселенцы освобождались от казенных и земских де-

нежных сборов полностью. Следующие три года – наполовину, и лишь по истечении 6 лет переселенцы несли эти повинности в полном объеме. От мирских повинностей переселенцы вовсе не освобождались. Но не всегда и все об этих льготах переселенцам было известно. Например, переселенец из Беларуси, из Могилевской губернии Петр Мясников (водворен в д. Шушенское Минусинского уезда в 1898 г.) в жалобе губернатору от 10 января 1904 г. сообщал, что его неправильно обложили повинностями. По запросу губернатора крестьянский начальник ответил, что переселенцы, водворенные не на участки, а в старожильческие селения (а д. Шушенское была таковой), льготами в несении повинностей не пользуются. Губернатор согласился с этим объяснением крестьянского начальника и оставил жалобу П. Мясникова без последствий [6, Л. 10].

Бурное заселение Енисейской губернии способствовало повышению уровня агрономии и агротехники крестьянского хозяйства. Переселенцы были знакомы с более совершенными орудиями труда и с более совершенной системой ведения хозяйства, чем старожилы. Поселившись в Енисейской губернии, переселенцы стремились вести свое хозяйство так же, как вели его на родине. Старожилы, наблюдая нововведения переселенцев и убеждаясь в целесообразности этих нововведений, пытались перенимать их для своего хозяйства. Например, старожилы унаваживали лишь огороды, а унаваживание полевых земель считали вредным (якобы хлеб идет в солому и не вызревает). Переселенцы по традиции стали унаваживать свои поля, выделенные им на истощенных землях. Некоторые из старожилов последовали их примеру, и вскоре убедились в прекрасном результате. Кроме того, переселенцы привозили с родины семена привычных сортов, которые вскоре получили широкое распространение по губернии. Более высокий уровень агрономической культуры переселенцев по сравнению со старожила-

ми отмечала пресса тех лет. Например, газета «Сибирский вестник» в 1884 г. писала: «С наплывом переселенцев в Сибири начинают замечаться некоторые более усовершенствованные приемы при обработке. На участках, занятых переселенцами, начали распространяться конные плуги, железные бороны, ручные и конные сеялки, простой конструкции молотилки и веялки, косы и грабли вместо серпа, а затем 5–6 конные молотилки, веялки, шерстобитки, мукомольные мельницы, ветряные и даже конные маслобойки и т.д. Улучшения наблюдаются также и в сделанных переселенцами посевах, т.к. на известных рынках появились в значительном количестве отличного сорта пшеницы: белотурка, китайка, белоколоска, краснотурка и проч...» [9].

В силу многих обстоятельств переселение из Беларуси в Енисейскую губернию сопровождалось обратным движением мигрантов. Например, из Енисейской губернии обратно на родину в Минскую губернию вернулись 45,8 % переселенцев. Причин этому было много. Но главными из них были непригодность почвы для земледелия, отсутствие воды на участке, неурожай, отсутствие средств на заведение хозяйства, слабая осведомленность.

Основной миграционный поток пришелся на время, когда стал ощущаться дефицит удобных для заселения участков. В «Ведомостях Енисейской Казенной палаты» о переселенцах, водворенных в северный район Ачинского уезда и ушедших на родину в 1898 г., указываются причины обратного переселения: тоска по родине, климат и мошка, неудовлетворительные почвы, недостаток леса и лугов, смерть членов семьи, бедность. Там же показано, что стало с наделами и домами переселенцев на родине. Как правило, еще перед отъездом они их продали, отдали в аренду, передали родным или обществу [3, Л.19].

И тем не менее большая часть белорусских крестьян-переселенцев приживалась на новых местах, несмотря

на неимоверные трудности. По мнению А.А. Кауфмана, переселенцы, «прожившие» на новом месте каких-нибудь 4–5 лет, достигали в среднем такого уровня благосостояния, о котором даже не могли мечтать на родине [8, с. 279].

В своей объяснительной записке (1898 г.) крестьянский начальник I участка Ачинского уезда М.Д. Росновский указывает: «Из числа водворившихся в поселке Шарловом две почти одновременно прибывшие партии переселенцев. Особенную энергию в смысле своего устройства проявили Шарловцы, которых я водворил в таежном участке и правду сказать, не был уверен, что они не сбегут скоро отсюда; каково же было мое удивление и восторг, когда, прибыв спустя месяц в этот же участок, и нашел там более десяти почти совсем оконченных домов, загороженные и вспаханные огороды, две гатированных просеки к реке, лошадей, телеги своего производства (кроме колес) и др. Шарловцы прибыли из Минской губернии и Виленской губерний и не обладали большими средствами; по виду народ жиденький, истощенный, но с большим запасом труда и энергии. Эти же переселенцы спустя $\frac{1}{4}$ года благословляли свою судьбу и благодарили за предоставленный им участок и просили разрешения переселиться к ним их родных, оставшихся на родине» [3, Л.19].

И этому следующее подтверждение. Из письма Макария Селюна (переселенец из д. Гатовичи Мядельской волости Виленской губернии, водворенный на участок Красный Ключ Балахтинской волости Ачинского уезда) в Енисейскую Казенную палату становится известно, что к нему с родины прибыла теща – Марфа Ерманович со своим мужем по второму браку Иваном Ермановичем. М. Селюн просит разрешения поселить родственников на своем участке [2, Л. 282]. Этот факт свидетельствует о многом: и о тесных родственных доверительных связях, и о достаточно успешной натурализации на месте поселения белорусского крестьянина, и о «земельной тесноте» в Беларуси.

Приезжали большими семьями. Например, крестьянин Рабуньской волости Вилейского уезда Виленской губернии Леон Савельевич Лях, 55 лет, привез в 1898 г. в Енисейскую губернию на участок Красный Ключ Балахтинской волости Ачинского уезда свою семью в 10 человек. То, что семья такая большая – неудивительно. Лях был женат уже третьим браком. И с ним приехали пасынки, падчерицы, собственные дети, жены пасынка и сына, жена [2, Л. 16]. Люди хотели работать, сделать свою жизнь лучше.

Именно желание жить лучше, вырваться из тяжелого, порой нищенского существования, необыкновенное трудолюбие, неумная энергия, взаимопомощь и взаимовыручка помогали белорусским переселенцам встать на ноги и построить свое хозяйство в далекой от родины Енисейской губернии. Первые ощутимые успехи были стимулом для дальнейшего развития, укрепления своего хозяйства.

Абсолютное большинство белорусов-переселенцев относилось к крестьянскому сословию. И в основном они оседали в сельской местности, занимались земледелием. Это свидетельствует о превалировании аграрной Колонизации Сибири выходцами из Белоруссии второй половины XIX – начала XX вв. Можно сказать, что среди переселенцев этого района значительную часть составляли русские и белорусы.

Список сокращений

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

Библиографический список

1. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.) Минск, 1978.
2. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. №1192.
3. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. №1210
4. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. №1316.
5. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. №1630.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. №2426.

7. Дробышев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев В.Д. Историческая география СССР. М.: Высшая школа, 1973.
8. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Спб., 1905.
9. «Сибирский Вестник». 1894. № 36.
10. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

**ПОЛИТИКА ХРИСТИАНИЗАЦИИ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

**THE POLICY OF CHRISTIANIZATION
OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA
IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Д.А. Быстраков

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор В.И. Федорова

Христианизация, православие, коренные народы Сибири, религиозная политика, миссионеры, Енисейская епархия, Енисейский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, Туруханская миссия.

Christianity, Orthodoxy, indigenous peoples of Siberia, religious politics, missionaries, Yenisei diocese, the Yenisei eparchial Committee of the Orthodox missionary society, Turukhansk mission.

Рассматривается религиозная политика центральной и местной властей по отношению к коренным народам Сибири в XIX – начале XX вв.

Examines the religious policies of the Central and local authorities in relation to the indigenous peoples of Siberia in the XIX – early XX centuries.

Актуальность темы христианизации аборигенов Сибири объясняется возрождением интереса к религии в нашей стране, которая стала признаваться важным фактором

в формировании национального самосознания. Цель работы – изучение религиозной политики центральной и местной властей по отношению к коренным народам Сибири в XIX – начале XX вв. Тема освещалась в трудах историков М.М. Федорова, Л.М. Дамешека, А.А. Терсковой [1; 4; 5].

По мере вхождения сибирских территорий в состав России царская администрация укреплялась на новых рубежах. Одним из средств укрепления политического влияния власти являлось распространение среди коренного населения Сибири православия. Это рассматривалось как один из главных путей воспитания у иноверцев верноподданнических чувств. С этой целью расширялась сеть церквей и монастырей в регионе. В то же время царское законодательство провозглашало принцип терпимости к религиозным воззрениям аборигенов – право отправлять свои богослужения, но не пропагандировать их. Это право нашло отражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Статья 286-я Устава позволяла коренным жителям Сибири «отправлять богослужение по их законам и обычаям». Земскому начальству запрещалось преследовать «инородцев за их языческую религию» [3, т. 38, № 29126, § 286].

Однако при Николае I власть отказалась от всякого подобия либерализма в религиозном вопросе, перейдя к практике жесткой христианизации коренного населения Сибири. Правда, христианство, несмотря на активную поддержку миссионерской деятельности Русской православной церкви местными сибирскими властями, с трудом овладевало душами инородцев. Не помогали даже всевозможные преференции вроде освобождения правительством от уплаты податей и повинностей на десять лет, ссуды, предоставляемые аборигенам, принимавшим христианство. Так, в Западной Сибири в 1840-е гг. подавляющая часть ненцев и значительный процент обдорских хантов продолжали исповедовать прежние традиционные верования.

В целом в первой половине XIX в. более половины коренного населения Восточной Сибири приняло христианство, однако, его распространение не было равномерным. Среди бурят православных насчитывалось 5 680 чел., из них в Иркутском округе – 2 957, в Верхнеудинском – 2 723 человека. В среде эвенков Нерчинского округа православие исповедовали 2 925 человека. Тюрки Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии имели в своих рядах 9 955 православных, что на тот момент составляло более 91 % от иногородческого населения этих двух округов [5, с. 94].

Во второй половине XIX в. каких-либо принципиальных изменений в религиозной политике власти в отношении сибирских аборигенов не произошло. Как и ранее, власть действовала «кнутом и пряником». С одной стороны, церковь усиливала свое влияние через открытие в Сибири новых приходов и обращение в церковное лоно новых аборигенов, подрывая тем самым влияние шаманской верхушки. С другой – стимулировала интерес к новой вере всевозможными мерами, направленными на облегчение материального положения и повышение социального статуса новокрещенных. Так, в 1867 г. был издан Указ, согласно которому новокрещенные получали право выдвигать своих представителей в органы управления – Степные думы [3, т. 42, № 44682].

В 1861 г. императорским Указом была создана Енисейская епархия. На момент образования она объединяла 170 приходов, в которых в общей сложности проживало 295,5 тысяч человек. В ее состав входили Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский уезды и Туруханский край, в результате чего епархия и губерния имели одинаковые границы. В феврале 1871 г. был основан Епархиальный комитет Православного миссионерского общества, председателем которого стал епископ Павел Попов. Общество финансировалось из добровольных пожертвований своих членов. Число миссионерских приходов по состоянию на 1884 г. составляло

12, из которых 5 располагались в Туруханском крае. Именно там православные миссионеры действовали наиболее активно. Однако уже в 1873 г. Туруханскую миссию упразднили и, сформировав в этом крае самостоятельное благочиние, стали создавать православные приходы, которые должны были действовать постоянно. В них служили не миссионеры, а обычные священники. К 1893 г. Туруханское благочиние объединяло шесть приходов [4, с. 67–69]. В «Извлечении из протокола Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества на 4 ноября 1884 года» приводятся следующие статистические данные: в Енисейской губернии насчитывалось 42 924 аборигена обоего пола, из них в Минусинском округе – 26 840 чел.; Ачинском – 7 182; Енисейском – 1 682; Красноярском – 468; Канском – 340; Туруханском крае – 6 412 [2, с. 313]. В процентном соотношении доля крещенного инородческого населения составляла: в Красноярском, Ачинском и Канском округах – 100 %; в Минусинском округе православными были 99 % аборигенов; в Енисейском – 71 %. Однако православное духовенство явно превышало результаты своей миссионерской деятельности. Другие источники нам дают гораздо более скромные цифры. Так, судя по клировым записям, более 80 % коренных жителей Енисейского Севера оставались язычниками. Значительную часть язычников севера губернии составляли эвенки, а именно Куркугирский, Лопагирский, Панкагирский, Ятоульский, Нанудальский роды, являвшиеся кочевниками.

Всесторонние усилия, направленные на распространение христианства в Восточной Сибири, давали реальные плоды. В отдельных местностях Енисейской губернии переход к новой религии совершался очень интенсивно. Например, в Минусинском уезде в 1889 г. было 5 миссионерских приходов. К этому периоду относятся случаи массового крещения коренных жителей. В ходе миссионерской деятельности к концу XIX в. практически все коренные жители Минусинского уез-

да были крещены [6, с. 31]. Однако некоторые историки считают, что христианизация здесь была поверхностной и привела лишь к феномену двоеверия. Одна из причин такого положения – удаленность местности. Распределение кочевников по приходам было большой проблемой для властей. С миссионерами они встречались изредка в пунктах сбора ясака.

Приведенные материалы подталкивают нас к ряду выводов. Во-первых, миссионерская деятельность православной церкви в Сибири шла бок о бок с освоением и политическим подчинением присоединенных территорий. Во-вторых, темпы распространения христианства были неодинаковыми из-за различий в природных условиях, доступности районов. Имели место трудности с финансированием приходов и формальное отношение некоторых священников к своим обязанностям. С наибольшим успехом новая вера распространялась среди якутов, части бурят, тюрков Южной Сибири (хакасских родов Минусинского округа и др.). Народы же Крайнего Севера не спешили принимать православие. В-третьих, коренные народности часто принимали православие ради преференций, которые давались властями. Поэтому такое «крещение» было лишь формальным. Отсюда следует четвертый вывод: глубина и устойчивость православных традиций в сознании отдельных индивидов новокрещенных даже к началу XX в. была разной. Самыми «поверхностными» христианами остались народы тундровой зоны (ненцы, чукчи и др.).

Библиографический список

1. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986. 168 с.
2. Извлечение из протокола Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества на 4-ое ноября 1884 года // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 22.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (1649–1825). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 14.05.2017).

4. Терскова А.А. Миссионерская деятельность в Енисейской губернии // Патриотическое служение и православное воспитание. Шестые рождественские образовательные чтения в Красноярске. Красноярск, 2005. С. 67–70.
5. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – нач. XIX вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 208 с.
6. Хоменко Д.Ю. Задачи христианизации коренного населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории. VII краеведческие чтения / отв. ред. В.И. Федорова. Красноярск, 2012.

ВКЛАД Н.К. ПЕРЕПЛЕТЧИКОВА В РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКА

THE CONTRIBUTION OF N.K. PEREPLETCHIKOVA TO THE DEVELOPMENT OF THE CITY ADMINISTRATION OF KRASNOYARSK

Н.А. Васильева

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор В.И. Федорова

Городской голова, городское самоуправление, городская управа, городская дума, Комитет по оценке недвижимого имущества города и раскладки налогов, городской бюджет, почетный гражданин Красноярска.

Mayor, city government, city Council, city Council, Committee on the assessment of real property of the city and the layout of the taxes, the city budget, the Honourable citizen of Krasnoyarsk.

Изучается вклад Н.К. Переплетчикова в развитие городского самоуправления Красноярска в период его нахождения в должности городского головы (1887–1891).

Study the contribution of N. K. Perepletkhikova to the development of the city government of Krasnoyarsk during his tenure as the mayor (1887–1891).

Изучение истории самоуправления сибирского города в пореформенный период является одним из актуальных направлений в современном сибиреведении. Красноярск не был обделен вниманием историков. Его изучение имеет обширную историографию в трудах дореволюционных, советских и постсоветских историков – Н.В. Латкина, С.В. Бахрушина, Г.Ф. Быкони, В.И. Федоровой, Л.П. Бердникова, С.Л. Лониной, Д.В. Кускашева, М.Н. Одинцовой и других [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Однако специальных исследований, посвященных городскому голоду Н.К. Переплетчикову, оставившему яркий след в развитии Красноярска, не существует. Цель данной работы – выяснение вклада Н.К. Переплетчикова в развитие города и городского самоуправления.

Николай Кириллович родился в Красноярске в мещанской семье. Его отец имел небольшое торговое дело, но разорился. Проиграв судебный процесс, он был лишен имущества и отправлен в ссылку, а Николаю Кирилловичу пришлось начинать свой самостоятельный путь будучи малолетним ребенком. Он поступил на работу в золотопромышленную компанию Безобразова, потом в компанию крупного золотопромышленника Бернардаки. Работал в первое время мелким служащим. Однако благодаря познаниям, полученным упорным самообразованием, природной сметливости и предприимчивости, молодой человек стал быстро делать успехи и вскоре сам становится владельцем крупных приисков на р. Удереи. К концу жизни в собственности Переплетчикова уже было 59 приисков, общий капитал, который он оставил своим наследникам, составил около 1 млн рублей. Таким образом, он являлся одним из крупнейших торгово-промышленных деятелей Енисейской губернии.

Переплетчиков проявил себя не только как удачливый предприниматель, но и как человек широких взглядов, понимавший значение передовых нововведений, как в эконо-

мике, так и в общественной жизни. Он одним из первых в Енисейской губернии стал вводить у себя на приисках паровые машины, предпринимал меры по облегчению условий труда приисковых рабочих.

Среди красноярцев Николай Кириллович был известен своей активной позицией в общественных вопросах, поэтому горожане почтили его своим доверием, выбрав судьей, а в 1887 г. – городским головой. Возглавив городскую власть, он последовательно отстаивал интересы жителей Красноярска, смело вступая в конфликты с губернскими чиновниками. Когда Переpletчиков вступил в свою должность, то дефицит городского бюджета составил 28 229 рублей. Чтобы привести городские финансы в порядок, по инициативе Николая Кирилловича были проведены выборы в Комитет по оценке недвижимого имущества города и раскладки налогов. Благодаря деятельности Комитета в казну города удалось вернуть 10 511 рублей (ГАКК Ф. 173. Оп. 1. Д. 2370а. Л. 52-67). Рачительная деятельность главы города способствовала тому, что городские доходы выросли на 6 %. При этом Переpletчиков сознательно отказывался от повышения поборов с горожан, а стремился более прибыльно для городской казны использовать принадлежавшую городу собственность. Переpletчиков стремился к тому, чтобы финансовая деятельность думы была прозрачной для горожан. По его настоянию в начале 1891 г. в газете «Енисейские губернские ведомости» был опубликован «Отчет о деятельности красноярского городского общественного управления и о состоянии подведомственных ему частей» за 1887–1890 гг., в котором показывались структура городского бюджета, источники его формирования, порядок городского управления.

Значительная часть городского бюджета при Переpletчикове стала тратиться на благотворительные учреждения, для которых была выделена отдельная статья в бюджете го-

рода. При поддержке городского головы в городе был создан приют для бедных, благоустроены улицы, открыта бесплатная аптека, улучшена деятельность пожарной части, приняты меры по охране лесов, находившихся в городской черте. С его именем связано открытие в 1889 г. Красноярского музея и общественной библиотеки.

Но особое внимание Николай Кириллович уделял вопросам образования. Как было сказано в благодарственном адресе, поднесенном ему горожанами в знак признания его общественных заслуг, «народное образование всегда имело в нем горячего сторонника, не жалевшего ни труда, ни личных средств» [9, с. 135]. По инициативе Переплетчикова уездное училище в Красноярске было преобразовано в 3-классное городское, что позволило детям из низших социальных условий получать образование, необходимое для поступления в гимназию. Кроме того, он на свои средства расширил здание училища.

По предложению Переплетчикова в пользу Красноярского Общества попечения о начальном образовании стал отчисляться процент от продажи городских земель и из капитала городского ломбарда.

В 1888 г. Обществом врачей Енисейской губернии на рассмотрение думы был внесен вопрос о создании женской фельдшерской школы на базе городской лечебницы. Это было вызвано низким уровнем подготовки у медицинского персонала в лечебнице, а также отсутствием фельдшеров в сельской местности. От городской думы было необходимо лишь разрешение на создание школы, поскольку все остальное было предоставлено Обществом врачей (кабинеты, учебные материалы). При активной поддержке Переплетчикова проект получил одобрение в думе, и школа была открыта (ГАКК. Ф. 161. Оп.2. Д. 1481. Л.3.).

Решая проблемы города, Переплетчиков уделял много внимания благоустройству. По его распоряжению на окра-

инах города были приведены в порядок берега Качи, постоянно подвергавшиеся размыванию; на Гостинной улице была устроена сточная канава. Для ликвидации отходов городских скотобоев были установлены печи и введены правила убоя животных (ГАКК. Ф. 173. Оп.1. Д. 2370 а. Л. 13). После пожара в апреле 1881 г. Переплетчиков принимает меры по улучшению работы пожарной дружины. Для обеспечения противопожарной безопасности он ввел запрет на курение во дворах, топку печей и плит в ветреную погоду с 8-ми вечера до 3-х утра, хранение на дворе дров больше годовой нормы (ГАКК. Ф. 173. Оп.1. Д. 2370 а. Л. 35). В ноябре 1881 г. на заседании думы Николай Кириллович поднял вопрос о межевании городских пахотных земель. Дело было передано городской управе, с этой целью ей выделили 300 рублей серебром. Помимо этого, был принят ряд мелких постановлений: о запрете торговать лицам, замеченным в обмане покупателей; об ограничении торговли в праздничные и воскресные дни. Также была проведена нумерация домов, чтобы не возникали проблемы с поиском улицы или же дома.

Однако Переплетчиков не только выступал организатором общественных мероприятий, но и личным участием помогал нуждавшимся горожанам. Он щедро жертвовал на нужды Общества попечения о начальном образовании в Красноярске (25 тыс. руб.); деятельность Переселенческого комитета (3 тыс. руб.); Синельниковское благотворительное общество (25 тыс. руб.); городскую лечебницу (15 тыс. руб.); ремесленное училище, строительство пансиона для женской гимназии, ночлежный дом; на помощь погорельцам (1 тыс. руб.), городскую библиотеку (1 тыс. руб.) [6, с. 235]. На собственные средства Николай Кириллович провел освещение двух центральных улиц. В общей сложности им было пожертвовано на общественные нужды свыше 110 тыс. руб.

В знак признания его активной общественной и благотворительной деятельности городская дума в 1892 г. подала в Главное управление Восточной Сибири ходатайство о присвоении Переплетчикову звания почетного гражданина города. 29 октября 1892 г. указ о присвоении Николаю Кирилловичу звания почетного гражданина Красноярска был подписан императором Александром III.

Переплетчиков умер в 1893 г. в возрасте 44 лет. Для красноярцев его смерть стала большой потерей, ибо горожане в нем видели не только общественного деятеля и главу города, но, прежде всего, человека широкой души, отзывчивого к нуждам простых людей. К нему шли не только за помощью, зная его щедрость, но и за советом в семейных делах. По отзывам красноярцев, «гуманность Николая Кирилловича как человека была особенным явлением наряду с его службой городу» [6, с. 235].

Список сокращений

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).

Библиографический список

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М., 1959.
2. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.
3. Бердников Л.П., Лонина С.Л. Два века красноярского самоуправления: история и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. 284 с.
4. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом XVII–XIX века. Красноярск, 1990.
5. Красноярск: этапы исторического пути / Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск: Буква, 2003. 560 с.
6. Красноярск: от прошлого к будущему: очерки истории города / редкол.: Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2013. 635 с.

7. Кускашев Д.В. Проведение городской реформы в Енисейской губернии. 1870–1894 гг. (статистика городских выборов) // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. К 180-летию Енисейской губернии. Красноярск, 2002.
8. Одинцова М.Н. Красноярская городская дума до и после реформы 1870 г. // Перестройки в Российской истории: Исторический опыт и уроки XX века. Красноярск, 1996.
9. Федорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск, 2015.

**МОТИВАЦИЯ К ТРУДУ И ОЦЕНКА РАБОТНИКА
ПО СТАРАНИЮ И УМЕНИЮ
В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНИНА
XIX – НАЧАЛА XX вв.**

**MOTIVATION FOR WORK AND EVALUATION
IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS
OF AN EMPLOYEE IN DILIGENCE AND SKILL**

Ю.В. Иванова

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор В.И. Федорова

Крестьяне, трудовая этика, социальная мотивация, социальный опыт, трудолюбие.

Peasants, work ethic, social motivation, social experience, hard work.

В статье рассматриваются факторы, влиявшие на мотивацию крестьян к труду, раскрываются некоторые аспекты трудовой этики крестьян, дается оценка в народном сознании труженика по стараниям и умениям.

The article considers the factors influencing the motivation of farmers to work deals with some aspects of the work ethic of farmers, an assessment in the national consciousness of the worker's effort and skills.

Истари российские крестьяне возводили труд на уровень важной миссии. Каковы же причины столь трепетного, почти религиозного отношения к труду? Во-первых, благосостояние всей семьи напрямую обеспечивалось всепоглощающим трудом крестьянина. Крестьяне жили большими патриархальными семьями из 15–20 человек: престарелые родители, женатые сыновья с детьми и внуками – три-четыре поколения родственников [3, с. 114]. Нередко, заводя свои семьи, дети пытались разделить хозяйство или дом с родителями, что вело к ухудшению экономического положения рода в целом.

Дети в крестьянской семье не имели возможности полноценного детства [1, с. 501]. Уже в трехлетнем возрасте отец брал с собой сына на поле, чтобы тот мог почувствовать свою дальнейшую участь. По исполнению 5 лет детей заставляли работать дома: следить за младшими братьями и сестрами, содержать кров в чистоте, помогать по хозяйству старшим и прочее. С 10-ти же лет подрастающее поколение отправлялось в поле работать наравне со всеми взрослыми.

Мужчина вносил в семью силу пахаря. Он вспахивал и засеивал поле, тогда как уборка хлеба и обмолот производились преимущественно женщинами [6, с. 78]. Женщина принимала на себя заботы по уходу за скотом, стряпне и т.д. При выборе невесты обращали внимание не только на ее физические данные: выносливость и трудолюбие, но и на то, какая она рукодельница: оценивали умение печь хлеб, шить одежду [4].

Во-вторых, труд оставался основным мерилом нравственности. Наиболее яркое подтверждение данному факту можно найти при изучении трудов сибирского крестьянина, философа-самоучки Тимофея Михайловича Бондарева, который писал следующее: «Хлебный труд есть священная обязанность для всякого и каждого и не должно принимать

в уважение никаких отговоров» [2]. Для обычного представителя крестьянского сословия право на сытость имел только тот, кто честно работал на земле, не покладая рук, иначе «кто не работал, тот не ест» [8].

Крестьянин считал, что труд благословлен Богом. В повседневности это убеждение проявлялось, в частности, в пожеланиях, которые адресовали работавшему: «Бог в помощь», «помогай, Господь».

В-третьих, огромную роль играла крайне низкая продолжительность сельскохозяйственного цикла. Посевные работы начинались уже после Пасхи, а сбор урожая заканчивался приблизительно в сентябре. Неудивительно, что сельскохозяйственный календарь был также привязан к календарю религиозных праздников. Нередко для удобства имена святых в народных устах получали такие прозвища, которые указывали на сезонные свойства того или иного календарного дня или на его трудовое назначение. Например, Григорий Летоуказатель, Федот Студит, Борис и Глеб Сеятели [11]. Подобным образом осуществлялась, по сути, полноценная регламентация производственного процесса в сельском хозяйстве. И, хотя внешне подобный народный регламент и может выглядеть, как рекомендательный, на деле следование ему носило почти буквальный характер.

В-четвертых, свою роль играл суровый климат. Зимы тех времен были достаточно холодными. Кто мало работал в благоприятный период сельскохозяйственного цикла, тот рисковал не пережить зиму, так как запасов хлеба едва хватало. Нередко крестьяне ходили собирать так называемые «кусочки» у своих соседей, отказать в которых, хотя и не считалось проявлением дурного тона, но и не приветствовалось [12, с. 32]. В годы неурожая в нужде могла оказаться любая семья, потому и культура взаимопомощи внутри сословия была актуальна и не носила уничижительного характера благотворительности.

Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян. Именно поэтому из-за жестокого сельскохозяйственного цикла появился миф о ленивом мужике на печи, который потом делал все в последний момент и по-быстрому, по принципу «долго запрягают, но быстро едут». Но на деле это был лишь механизм защиты человеческого ресурса и экономии энергии.

В-пятых, это было связано со спецификой крестьянского труда – отсутствием механизации, тяжестью, изнурительностью. Г.И. Успенский в своих сочинениях с сочувствием отмечал: «Хуже той обстановки, в которой находится труд крестьянина, представить себе нет возможности, и надобно думать, что тысячу лет тому назад были те же лапти, та же соха, та же тяга, что и теперь. Не осталось от прародителей ни путей сообщения, ни мостов, ни малейших улучшений, облегчающих труд. Мост, который вы видите, построен потопками и еле держится. Все орудия труда первобытны, тяжелы, неудобны и т.д.» [9, с. 25].

Трудолюбие как главная добродетель крестьянина, добросовестное отношение к труду, ставшее устойчивым обычаем и привычкой, потребность в труде, превратившаяся в один из главных мотивов жизнедеятельности, составили неотъемлемую часть мировоззрения крестьянина. Таким образом, сельский труд имел ценнейшую духовно-нравственную основу. Стремление выполнить работу как можно лучше обуславливалось духовно-нравственной культурой крестьянина. Лень и безучастность, наоборот, крайне осуждались. Например, над теми подростками, которые не успели овладеть мастерством, соответствовавшим, по местным представлениям, возрасту, начинали насмехаться. Существовали насмешливые прозвища для неумелых. Подростков, которые не умели плести лапти, дразнили

безлапотниками, смеялись над ними. Крестьянин, который не умел сплести лапти, считался последним человеком. Девочек, не научившихся в положенный срок прясть, дразнили непряхами. Смеялись порой даже над теми, кто заканчивал свою работу последним из всех [4].

Крестьяне не выносили недобросовестного отношения к делу, нерадивым всегда крепко доставалось на общинном сходе. В деревнях с прочно устоявшейся трудовой этикой лодырям жития не давали, их зло высмеивали, вызывая к остаткам совести [5, с. 44].

Как отмечал в своих сочинениях М.Я. Феноменов: «Современная крестьянская работа и в поле и в лесу крайне тяжела. Поэтому рядовой крестьянин, раз приспособившись к ней, теряет уважение ко всем людям, которые этой работы делать не могут» [10, с. 93]. Именно поэтому вскоре после отмены крепостного права между жителями сельской местности и возрастающим городским населением возник конфликт.

К ненавистным помещикам-эксплуататорам, которые «сами для себя своими руками хлеб не работали, а чужие труды поедали», добавилась еще и интеллигенция, чей труд был преимущественно умственным, а не физическим. Экономическое расслоение между жителями города и деревни не могли положительно сыграть на образе первых в глазах вторых. В первую очередь это выражалось в унижении труда «белоручек» – работников умственного труда и управленческого аппарата. Для таких людей деревенские жители даже придумали специальные слова «кулажник», «чужеед» и другие [5, с. 46]. Порой случалось и такое, что крестьянин воспринимал служащих как бывших помещиков, успевших занять теплое местечко в бюрократическом аппарате, дабы снова паразитировать на работающем сословии.

Таким образом, трудолюбие крестьянина не означало его фанатичность, но вместе с тем через труд происходи-

ло становление личности, крестьянин обретал новый социальный опыт, складывал собственное представление о мировосприятии. Зачастую его труд был подневольным, но это не мешало относиться крестьянину к своему труду с любовью, хоть и не без лени.

Библиографический список

1. Безгин В.Б. Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2012. № 2.
2. Бондарев Т.М. Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца [Электронный ресурс] // Энциклопедия dslov.ru. URL: http://dslov.ru/txt/344/t344_56.htm (дата обращения: 29.04.2017).
3. История Сибири: хрестоматия / под ред. Г.А. Порхунова. М., 2011. 296 с.
4. Кондрашин И.И. Кодекс светского поведения. М., 2006.
5. Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001.
6. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОСПЭН, 1998.
7. Наумов Н.И. Сила солому ломит: Рассказы из быта сибирских крестьян. Спб., 1874. 417 с.
8. Пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. // URL: <http://pogovorki.net/cat14/> (дата обращения: 01.05.2017).
9. Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд. М.: ГИХЛ, 1956.
10. Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М., 1925.
11. Ховратович Б.М. Русский народный земледельческий календарь. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1984. 224 с.
12. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни (1872–1887 гг.). М.: Наука, 1999. 716 с.

**СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ МОТИВАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧИТЕЛЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.**

**SOCIAL AND MORAL MOTIVATION
OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF TEACHERS
OF THE YENISEI PROVINCE
IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

А.А. Макарова

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор В.И. Федорова

Учительская интеллигенция, социо-профессиональная группа, социально-нравственная мотивация профессиональной деятельности, культурные потребности.

Teachers' intellectuals, socio-professional group, socio-moral motivation, professional activity, and cultural needs.

Изучается социально-нравственная мотивация профессиональной деятельности учительской интеллигенции Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв.

We study the socio-moral motivation of professional activity the teachers of the intelligentsia of the Yenisei province in the XIX–XX centuries.

В последнее время в научной литературе активизировалось изучение различных аспектов социокультурной характеристики учительской интеллигенции. На региональном сибирском материале эта тема рассматривается в работах О.В. Блиновой, Е.В. Казанцева, М.А. Курпаса, И.В. Неупокоева, В.И. Федоровой, А.С. Шилова [2; 3; 4; 6; 8; 9; 10].

Профессия учителя в Сибири становится массовой только к концу XIX в. Так, по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Енисейской губернии общая численность учителей составила 590 человек, т.е. 0,1 %

от всего населения. К 1916 г. численность учителей только начальной школы в губернии выросла почти в 1,5 раза, составив 1 148 человек. В то время как доля учителей в общей массе населения осталась на том же уровне [5, с. 149].

Социальный состав учителей начальных школ был весьма демократичным. Преобладали представители низших сословий – мещан, крестьян, разночинцев. Анализ формулярных списков 60 учителей сельских начальных училищ Красноярского, Минусинского, Ачинского и Канского округов за период 1881–1886 гг. нам дает следующие результаты. Доля выходцев из податных сословий среди них составила 61,6 %. Из семей младших военных чинов (солдатских детей, сотников, обер-офицеров) вышли 5 человек (8,3 %); из дворян и чиновников – 9 человек (15 %); из духовенства – 5 человек (8,3 %); из ссыльнопоселенцев – 3 человека (5 %) и 1 инородец [8, с. 150]. В последующие годы доля выходцев из податного населения среди учителей только нарастала. Особенно активно в начале XX в. росло представительство крестьянства.

Очень велика была доля женщин. В сельских школах в 1916 г. она составляла 60,5 %, в городских – 83,6 % [5, с. 152]. В основном это были женщины, принадлежавшие купеческому сословию (51,5 %), сословию чиновников (27,1 %), сельскому сословию (18,1 %), сословию священников (3,3 %) [3, с. 151].

Преобладание женщин объясняется тем, что мужчин учительская профессия в силу ее низкого социального и материального статуса не привлекала.

Преобладающей возрастной группой среди учителей начальных школ в губернии являлась молодежь. Так, по данным школьной переписи 1911 г., учителя в возрасте до 20 лет составляли 24 %; от 20 до 30 лет – 57 %; от 30 до 40 лет – 13 %, более 40 лет – 6 %. Таким образом, у подавляющей массы профессиональный стаж был невелик: меньше 5 лет – 57 %, от 5 до 9 – 26 %, более 9 лет – 17 % [8, с. 152].

Образовательный уровень и профессиональный стаж учителей начальных школ Енисейской губернии был довольно низким. Как правило, среди них преобладали выпускники учительских семинарий, женских гимназий и епархиальных училищ. По данным формулярных списков, из 60 учителей сельских школ МНП Красноярского, Канского, Ачинского и Минусинского округов за 1881–1886 гг. 48 (80 %) из них являлись выпускниками Красноярской учительской семинарии, т.е. имели звание учителя сельской начальной школы. Три учительницы окончили Красноярскую женскую гимназию со званием учительницы; одна учительница окончила епархиальное училище; один из учителей окончил Тобольскую мужскую гимназию; двое имели незаконченное гимназическое образование и сдали экзамен в уездном училище на звание учителя; пятеро окончили уездные училища и сдали экзамен на звание учителя.

В начале XX в. в профессиональном уровне педагогов начальной школы МНП каких-либо серьезных подвижек не произошло. Так, среди учителей начальных школ МНП перед Первой мировой войной не было ни одного человека с высшим образованием. На 1915 г. из 832 учителей и учительниц 621 (74,6 %) имели специальное образование; 203 (24,3 %) – среднее и начальное; 8 (0,9 %) – без образования [8, с. 151].

Стоит сказать о бедственном положении учительства. Заработок учителя колебался в пределах: от 50 до 620 рублей в год. По официальным данным Министерства народного просвещения, доля учителей в губернии, получавших менее 100 руб. в год, составляла свыше 1/3, от 100 до 200 руб. – четверть. Конечно, при выяснении материальной обеспеченности учителя следует исходить не из номинальной, а из реальной зарплаты. Цены на продукты питания в сельской местности по тем временам были не высоки, но бюджет учителя включал кроме питания, одежды,

взносов в пенсионную кассу и необходимые для его профессии затраты на книги, журналы, письменные принадлежности, отдых и прочие культурные нужды. А это обходилось очень не дешево. Поэтому месячный бюджет среднестатистического сельского учителя без семьи с окладом в 46 руб. в месяц сводился с дефицитом, составлявшим примерно 1/3 часть зарплаты. Положение усугублялось хронической задолженностью по зарплате и ее нерегулярностью, поэтому часть зарплаты уходила на раздачу долгов.

Тем не менее материальные факторы были не единственными стимулами для профессиональной деятельности учительской интеллигенции. Большинство учителей осознавали, какую огромную ответственность на их плечи возложили государство и общество. Поэтому они делали все возможное на пределе своих сил, придерживаясь девиза «никто, кроме нас». Так участники летних курсов для учителей церковно-приходских школ говорят о высокой гражданской ответственности учительской профессии, так как учителя формируют «народный дух» [5, с. 62–63].

О широком понимании учителями смысла своей профессии свидетельствует корреспондент журнала «Сибирская школа», в заметке которого говорилось, что сельский учитель должен направлять свою деятельность на ликвидацию громадной социальной и культурной пропасти, которая существовала между крестьянством и интеллигенцией. Выход из этого положения – «энергичные и планомерные попытки сельской интеллигенции к сближению с народом на почве оказания ему материально-духовной помощи» [7, с. 27–28].

Социально-нравственная мотивация учительства Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. была очень высокой. Ярким примером такого признания является статья инспектора классов, священника Григория Крылова. «Современная женщина и образование», опубликованная на страни-

цах журнала «Сибирская школа». Она была обращена к выпускницам Красноярского епархиального женского училища в 1915–1916 гг. В статье утверждалась мысль о том, что женщина должна иметь широкое образование и стремиться к равному положению с мужчиной. Такое понимание новой социальной и гражданской роли женщины в обществе находило активную поддержку среди женской части учительства. Они активно публиковали на страницах журнала статьи по педагогике, методике, организации культурного досуга учеников. Женщины принимали активное участие в работе учительских съездов. Так, учительница Сосновского училища Сунгурова, выступая на съезде учителей Красноярского уезда, пламенно говорила о том, что учитель – «двигатель общественной жизни, создатель будущего» [1, с. 40–42].

Учителя являлись социально активной группой общества. Они участвовали в общественно-политической жизни, составляя костяк всевозможных общественных организаций и культурных начинаний. За участие в Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. некоторые из них были удостоены ордена Св. Станислава 3-й степени. Примером беззаветной преданности своей профессии и активной общественной позиции являются такие фигуры красноярского учительства, как Д.С. Каргополов, Г.И. Итыгин, М.В. Красноженова. Каргополов проработал около 40 лет в образовании. Начав с должности простого сельского учителя, он дослужился до чина надворного советника, который в научно-педагогической среде присваивался лицам, обладавшим ученой степенью доктора наук или ученым званием профессора. Каргополов стал основателем Ачинского и Канского краеведческих музеев и библиотек при них. Г.И. Итыгин после окончания в 1892 г. Красноярской учительской семинарии преподавал в церковно-приходской школе в Усть-Абаканском улусе, в 1901 г. – в Рыбинском двухклассном училище, в 1904–1913 гг. – в школах Ачинс-

кого уезда. В 1913 г. Итыгин стал директором первой железнодорожной школы в Красноярске. В 1916 г. он начал издавать первый в Сибири специальный педагогический журнал «Сибирская школа». В 1917 г. Итыгин выступил одним из организаторов Союза учителей-интернационалистов в Красноярске. В годы советской власти он стал видным государственным деятелем. Более 30 лет отдала педагогической деятельности М.В. Красноженова, по ее инициативе был создан первый в Сибири Подвижной педагогический музей наглядных пособий в помощь учителям губернии, введен в школьные программы Енисейской губернии предмет «Сибиреведение». Красноженова являлась видным исследователем народного быта и фольклора в Сибири, членом РГО, автором многих научных публикаций.

Таким образом, в начале XX в. учительство Енисейской губернии превратилось в заметную общественную силу. Являясь выходцами из небогатых горожан, сельского духовенства, крестьян, сельские учителя были тесно связаны с жизнью народа, но в то же время по своему образованию, социально-культурным потребностям уже выступали носителями культурного уклада эпохи модерна.

Библиографический список

1. Андерсон О.А. Съезд учителей и учительниц в Сосновском училище Красноярского уезда // Сибирская школа. 1916. № 2. С. 59–62.
2. Блинова О.В. Особенности общественно-политической активности учителей Западной Сибири в г. первой русской революции // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2011. № 1. (95). С. 17–20.
3. Долидович О.М., Федорова В.И. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2007.
4. Казанцева Е.В., Курпас М.А. Кадровый состав начальной школы Восточной Сибири в начале XX века // Психологическая наука и практика образования: современные тенденции: мате-

- риалы III Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 16–17 апреля 2009 года. Красноярск, 2009. 286 с.
5. Летние курсы в церковно-приходских школах // Сибирская школа. 1916. № 4. С. 62–63.
 6. Неупокоев И.В. Учительство Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века как социально-профессиональная группа: автореф. дис... канд. истор. наук. Курган, 2006. 22 с.
 7. Очередные задачи сельского учителя // Сибирская школа. 1916. № 9–10. С. 27–28.
 8. Федорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск, 2015. 244 с.
 9. Федорова В.И. Учительская интеллигенция Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв.: социо-культурная характеристика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5.
 10. Шилов А.И. Педагогическое образование в Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 2004. 186 с.

ОБРАЗ ЯПОНСКОГО СОЛДАТА И ЯПОНИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В 1904–1905 гг.

THE IMAGE OF THE JAPANESE SOLDIER AND JAPAN DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR AND ITS TRANSFORMATION IN 1904–1905

С.Л. Рутц

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Японец, Япония, русско-японская война, 1904–1905, солдат, Россия, русские, враг, образ.

Japanese, Japan, Russo-Japanese War, 1904–1905, soldier, Russia, Russian, enemy, image.

В статье рассматривается образ японского солдата и Японии в сознании русских солдат и гражданского населения во время русско-японской войны и его дальнейшая трансформация в 1904–1905 гг. The article studies the image of the Japanese soldier and Japan in the minds of Russian soldiers and civilians during the Russo-Japanese War and its further transformation 1904–1905.

Российская периодическая печать очень хорошо описывала ход войны, поддерживая тот официальный враждебный образ, который сформировался накануне войны с Японией для оправдания грядущей войны, как в глазах населения страны, так и в глазах мирового сообщества [3, с. 77–83], но уже после первых столкновений с японцами началось постепенное изменение отношения к ним и Японии.

Когда японцы без объявления войны неожиданно для России атаковали эскадру на внешнем рейде крепости Порт-Артура, ни у кого не было сомнений, что японцы являются врагами, а Россия просто была втянута в войну, навязанную подлыми японцами [2, № 1, с. 2].

После такого объявления войны Япония в глазах русской общественности стала хитрой, коварной [2, № 1, с. 8].

После первых же столкновений русские войска убедились в том, что японский солдат все также по сравнению с русским достаточно невынослив [2, № 14, с. 249].

Японец казался настолько слабым, что ходили слухи, что перед сражениями японские солдаты пили японскую водку или что-то вроде допинга, чтобы увеличить свои силы [2, № 14, с. 249].

Японцы представлялись очень самолюбивыми [2, № 14, с. 252] и тщеславными, что станет в дальнейшем, по мнению корреспондентов, причиной их проигрыша в войне, а их военные успехи лишь временные [2, № 18, с. 330].

В периодической печати стало появляться множество примеров дикости, подлости японцев, не свойственной европейским державам. Ярким примером этих проявлений

[5, с. 18] является их чрезмерная жестокость к раненым. Перед тем как захватить в плен раненых солдат, японцы обстреливали несших их санитаров, а также жестоко добивали раненых на поле боя [2, № 15, с. 269]. Данные примеры только подкрепляли тот враждебный образ, который сформировался накануне войны.

Очень часто японцы предпринимали ночные атаки, которые также ярко демонстрировали хитрость и подлость, свойственную японцам [5, с. 45–46].

По сведениям иностранных корреспондентов, японцы относятся к России с ненавистью и стремятся ее полностью уничтожить, унижить [2, № 18, с. 330]. Данные сведения также способствовали закреплению отрицательного образа японского солдата и Японии в сознании русских солдат и гражданского населения во время войны.

Но не стоит полагать, что периодическая печать была нацелена только на описание плохих качеств японцев, также после первых столкновений с японцами начали появляться упоминания и об их положительных качествах, что дало толчок к постепенному изменению отношения к японцам и Японии.

Например, много раз освещались эпизоды, где японцы показывались храбрыми и готовыми сражаться до конца «Пики действовали на японцев ошеломляюще; они бросали сабли, стараясь руками сдержать смертоносное жало невиданного для них оружия» [2, № 12, с. 211]. Наиболее ярко показывает храбрость японцев следующий случай «японский офицер, окруженный стрелками, был приперт к отвесному берегу р. Эй-хо и, не желая сдаваться, прыгнул с высокой кручи в воду на камни» [2, № 13, с. 235].

Множество эпизодов в прессе было посвящено жестокости японцев к раненым, но есть также примеры, показывающие благородство японцев, когда они из уважения к русским офицерам, которые жертвовали собой для спасения от-

ступающих, не добивали, а оказывали помощь раненым русским солдатам [5, с. 34]. Русские солдаты в свою очередь относились к раненым японцам с сочувствием и пониманием [1, с. 203], а умерших японских пленных хоронили со всеми почестями, так же, как и русских солдат [1, с. 204].

Русское офицерство стало относиться к японцу как к достойному противнику, подтверждением этому является случай, когда генерал-адъютант Куропаткин сказал раненному японскому солдату, что он однажды был в Японии, она ему понравилась и ему приятно иметь дело с таким противником [2, № 13, с. 236].

В рядах русской армии появились и те, кто восхвалял тактику ведения боя японцев и убеждал, что японцы хорошо приспосабливаются к новой местности в отличие от русских солдат [5, с. 21], могут действовать в зависимости от ситуации и проявлять личную находчивость и инициативу, что уже противоречило официальной трактовке [2, № 13, с. 235].

Ярким примером инициативы японцев является случай, когда они пустили слух об уничтожении одного из партизанских отрядов в районе Анчжу, но на самом деле отряд был невредим и вернулся к главной армии [2, № 14, с. 247].

Удивляла русских солдат чрезмерная осторожность японцев «...неприятель не торопился, и, видимо, подробно изучал местность...» [5, с. 25].

Японцы представлялись очень аккуратными, это видно из донесений корреспондентов, которые присутствовали при изучении различных японских вещей «Ранец из теллячей кожи очень поместительный, но и порядочно тяжелый. Когда мы...открыли его, мы были поражены тем порядком и чистотой, какая была в нем» [2, № 18, с. 328]. Эта аккуратность выделяла японцев среди других азиатских народов [2, № 18, с. 28].

Подводя итоги, можно сказать, что все так же, как и накануне войны в периодической печати отражались отрицатель-

ные качества японцев, которые только подкрепляли враждебный образ японца и Японии, но также начали появляться упоминания и об их положительных качествах, что дало толчок к постепенному изменению отношения.

Так, с одной стороны, японец казался слабым, невыносимым, хитрым, подлым, а с другой – достойным противником, достаточно храбрым, благородным, осторожным, аккуратным, сообразительным. Если раньше русские солдаты относились к японцу только как к врагу, то теперь они начали с сочувствием и пониманием относиться к японским солдатам, понимая, что они такие же солдаты, только по другую сторону баррикад.

Библиографический список

1. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о Русско-японской войне [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/grulev_mv01/index.html (дата обращения: 02.05.2016).
2. Дубенский Д.Н. Летопись войны с Японией [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/periodic/1/abc/1_36316.html (дата обращения: 02.05.2016).
3. Рутц С.Л. Японец и Япония глазами русских солдат накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Молодежь и наука XXI века. XVII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 75-летию юбилею доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева Геннадия Федоровича Быкони / под ред. И.Н. Ценюга и др., Красноярск, 2016. С. 77–83.
4. Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества [Электронный ресурс]. URL: http://rodnaya-istoriya.ru/images/a_images/v_ist/2006.pdf (дата обращения: 04.05.2016).

5. Степочкина Е.В. Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-obraza-vraga-v-provintsii-vo-vremya-russko-yaponskoj-voyny-1904-1905-gg> (дата обращения: 09.05.2016).
6. Третьяков Н.А. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре // Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. Порт-Артур. Том II: Воспоминания участников / под ред. В.П. Козлова и др. М., 2008. С. 11–124.

ОБРАЗ ПЕТРА I В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

PETER I IN SOVIET CINEMATOGRAPHY

А.А. Славиковская

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Кинематограф, советское кино, личность Петра I, светская культура, политическая система, исторические деятели, режиссеры, кинематографический процесс, образы-характеры, зрительская аудитория.

Cinematography, soviet cinema, the personality of Peter I, secular culture, political system, historical figures, filmmakers, the cinematographic process, images-characters, the audience.

Статья посвящена анализу фильмов о Петре I советской эпохи и то, как образ первого российского императора представлен в этих киноработах. Особая роль личности в истории отводится для Петра Великого. Человек, который построил флот, нарушил устои русского общества, провозгласил империю, выиграл северную войну, построил Петербург и прорубил окно в Европу.

This article is devoted to the analysis of movies about Peter I of the Soviet era and as the image of the first Russian emperor is presented in these film works. The special part of the identity of history is assigned for Peter the Great. The person who has constructed the fleet has broken foundations of the Russian society, has proclaimed the empire, has won northern war, has constructed St. Petersburg, and has opened a window to Europe.

Кинематограф на сегодняшний день является самой массовой разновидностью искусств. Сегодня это неотъемлемая часть нашей жизни. Отечественный кинематограф разнообразен в своих жанрах: комедии, триллеры, драмы и мелодрамы, ужасы, детективы – теперь в России снимают все. Но нас интересует исторический жанр, который изображает конкретную историческую эпоху, события и личности прошлого.

Мы решили проанализировать фильмы о Петре I советской эпохи и то, как образ первого российского императора представлен в этих киноработах.

Историография истории советского кино достаточно велика. Она охватывает как фундаментальные издания «История отечественного кино» (1986), так и монографические и конкретно исторические исследования.

Одно из первых больших изданий, посвященных этой теме, представлено книгой Р.Н. Юренева «Книга фильмов». Киновед провел исследование биографических картин, отнеся к ним и отдельные исторические фильмы. Такую рецензию дает он на фильм «Петр Первый»: «“Петр Первый” – значительное явление в нашем киноискусстве. Широкий охват событий, правильное их осмысление и художественно яркое и правдивое их отображение» [6, с. 34–36].

Особого внимания заслуживают также монография Е.С. Громова «Сталин: власть и искусство». Опираясь на архивные, мемуарные и другие материалы, автор анализирует суть и последствия сталинских методов руководства литературой и искусством.

«Фильм Петрова – в исторических одеждах, конечно, – воспевал вождя, укрепляющего государство и армию, также он вступал в противоречие с традиционной установкой революционеров, включая Ленина, на воспитание в массах ненависти к самодержавию. Но зато это соответствовало укреплению единоличной власти Сталина в стране» [3, с. 250].

Характерные публикации рассматриваемого периода представлены в работах: И.Л. Долинского «История советского кино», Г.В. Александрова «Эпоха и кино», Н. Лебедева «Внимание: Кинематограф! О кино и киноведении».

В качестве источников для написания представленной работы послужили документы и отрывки из них. Непосредственно объекты исследования – исторические фильмы – выступают в качестве специфического визуального источника. Ведь произведение киноискусства является сложной системой знаков и смыслов.

Начнем с первого фильма «Петр Первый» (1937), режиссер Владимир Петров.

Киноискусство 1930-х г. поставило перед собой главную задачу – исследование процесса формирования нового социалистического сознания в ходе борьбы за социализм.

Не секрет, что Петр Алексеевич был любимым правителем Иосифа Виссарионовича Сталина. Его авторитарные методы управления государством импонировали Сталину, особенно борьба с крупной аристократией, что, с одной стороны укрепляло политическую роль монарха, а с другой – укреплялось само государство, укреплялся его престиж на международной арене.

Поэтому все внимание художников кино было перенесено с образа народной массы, взятой в целом, на образы-характеры типических ее представителей, воплощаемые в их развитии.

Раскрытие характеров ходом самого действия возможно в драматическом произведении лишь при наличии острого драматического конфликта, разрешая который, действующие лица борются между собой ради достижения какой-либо цели.

Первая серия «Петра Первого» такого конфликта не имела. Значение ее было в другом. Она впервые вносила в светскую культуру образ крупного исторического деятеля, характер, влиявший на развитие отечественной истории. До

этого советские картины избегали исторических лиц, ограничивались вымышленными или частными ситуациями.

Нежность уживается рядом с грубостью. Гордость рядом с простотой. Но основные его качества – страстная целеустремленность, энергия и трудоспособность. Таким, видимо, и был Петр.

Этот фильм является прекрасным примером особенности нашей политической системы, показывает ее сильные и слабые стороны, позволяя тем самым понять современные парадоксы отечественной истории [5, с. 219].

В послевоенном кинематографе 1950–1960-х гг. художественных фильмов о Петре I не снималось. Во многом это было связано с тем, что режиссеры «оттепели» обратились к жанру повествования «о простом человеке». 1970-е стали новой веткой в истории развития кинематографа, фактической линией о великих исторических деятелях.

В 1976 г. на экран выходит фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», в котором Петр Первый предстает перед зрителем как воплощение воли, силы и власти. Его новаторство и реформаторство отчетливо показано как благо для страны. Но страшно то, как вглядывается он в лицо Ибрагима, когда предлагает ему казнить «неведомого» злодея, чья голова уже лежит на плахе. Глядя на него в этот миг, начинаешь верить, что этому человеку вполне под силу самолично рубить головы мятежным стрельцам, присутствовать при пытках сына, а потом послать его на смерть. Для него черты не существует; ради того, что он почитает благом для себя и государства, он готов на все. Истинное воплощение власти, а вот Ибрагим является интеллигентом. Он – деятель, представитель военной касты, чьей почетной и тяжелой обязанностью стала профессия защищать Родину.

В фильме идет вполне четкая, хотя и не всегда видимая идея: противопоставления власти и человека. Рассуждать на такие темы режиссер Александр Митта в 1970-е

гг. откровенно не мог. Вот и создано было им такое блистательное иносказание на данную тему, как «Сказ».

Третий фильм «Юность Петра» (1981). Военное прошлое, далекая история, современность, литературная классика – широкий тематический разворот сопровождался поиском новых кинематографических форм, манер, стилей. Несмотря на все препятствия, кинематографический процесс находит жизнестойкость и глубину авторских замыслов. Границы между жанрами становятся подвижными.

Неслучайно этот фильм попал на экран, так как поднимается тема человека как личности, его нравственные и психологические проблемы, нежелание быть всего лишь частью коллектива. Режиссер делает акцент на то, какой был великий русский император в молодости, старается показать становление его личности. Поэтому главное в фильме это рассказ о юности Петра I, о становлении его характера и о ближайшем окружении.

Мы рассмотрели образы императора разных режиссеров, одни его видят «гигантом с безумными глазами», другие олицетворяют его с богом, кто-то пытался показать простату царя, его неприхотливость, умение, напрягая волю, физические и нравственные силы, преодолевать препятствие. Но всех их объединяет одно, образ великого Петра, он показан только с положительной стороны, хотя ведь было много жестокости в его правление, которое принесло страдание простому русскому народу.

Проведя все необходимые изучения, необходимо понимать, что кино – это самый «передовой» вид искусства, которое занимает особое место в системе культурных ценностей, оно вольно, невольно влияет на сознание людей и используется как основной инструмент передачи информации.

Библиографический список

1. Александров Г.В. Эпоха и кино. 2-е издание, доп. М.: Политиздат. 1983. 328 с.

2. Баскаков В.Е. Фильм – движение эпохи. М.: Искусство, 1989. 156 с.
3. Громов Е. Сталин: Власть и искусство. М.: ИНФРА, 1998. 495 с.
4. Долинский И.Л. История советского кино. 1917–1967: в 4 т. Т. 2. 1931–1941. М.: Искусство, 1973. 325 с.
5. Лебедев Н. Внимание: Кинематограф! О кино и киноведении. М.: Искусство, 1974. 329 с.
6. Юренев Р.Н. Книга фильмов. М.: Искусство, 1981. 36 с.

**ИСКУССТВО ПОЛИТИКИ КОМПРОМИССА
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I НА ПРИМЕРЕ
ДВУХ «ШАТОСТЕЙ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XVII – В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII вв.**

**THE ART OF A COMPROMISE POLICY DURING
THE REIGN OF PETER I ON THE EXAMPLE
OF TWO SHATOSTS THAT BROKE OUT IN CENTRAL
SIBERIA AT THE END OF THE 17TH CENTURY –
IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY**

А.А. Чернышева

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор Г.Ф. Быконя

Казачество, социально-политическая борьба, Петр I, «Вторая Красноярская шатость», «Первая Красноярская шатость», политика компромисса, восстание, власть, общество.

The Cossacks, socio-political struggle, Peter I, «the Second Krasnoyarsk shatost», «the First Krasnoyarsk shatost», Policy of compromise, the uprising, the authority, society.

В статье на примере двух Красноярских «шатостей» прослеживаются ранее неизученные противоречивые аспекты политики правительства Петра I. Раскрывается проблема многопланового социального конфликта в традиционном обществе и пути его разрешения. В ходе исследования использовался опубликованный ком-

плекс материалов по «Первой Красноярской шатости» и уникальные неопубликованные архивные документы – «Материалы следственного дела по “Второй Красноярской шатости”».

In the article, the example of two «Krasnoyarsk shatosts» shows the previously unexplored, contradictory aspects of the policy of the government of Peter I. In particular, the problem of a multifaceted social conflict in a traditional society and ways to resolve it are revealed. In the course of the research, the published set of materials on the «First Krasnoyarsk shatost» and unique unpublished archival documents «Materials of the Investigation Case for the Second Krasnoyarsk shatost» was used.

Внашей пестрой этнонациональной стране с разным уровнем развития регионов проблема «народ и власть» во все времена актуальна. Известно, что русский народ традиционно отличался сильной идеализацией верховной власти, поэтому социальные конфликты неизбежно сочетались с социально-классовым сотрудничеством верхов с трудовыми низами, в основной своей массе мелкими собственниками. Выявление форм, путей, методов и средств достижения социальных компромиссов в очередной, догоняющий петровский, этап саморазвития Российского государства на примере двух ярких социальных движений, называемых Красноярскими «шатостями» – наша задача.

Совсем недавно был обнаружен уникальный комплекс архивных документов «Материалы следственного дела по “Второй Красноярской шатости”», углубляющих представления историков о характере происходивших в Сибири социальных конфликтов первой четверти XVIII в.

Данная тема малоизучена, в постсоветской историографии проблема социального конфликта 1716–1722 гг. бегло освещалась только Г.Ф. Быконей. Новые архивные материалы вместе с «Первой Красноярской шатостью» комплексно характеризуют социо-политические настроения на сибирской окраине и политику правительства Петра I в отношении к социальным протестам XVII – в первой четверти

XVIII вв. в Центральной Сибири и европейской части России. Так, восставшие в Центральной России, например, участники Булавинского движения, понесли жестокое наказание, а участники двух Красноярских «шатостей» в целом остались почему-то безнаказанными...

При правительстве Петра I произошли многоплановые изменения во всех сферах жизни общества. Население как Центральной России, так и Сибирского региона по-разному реагировало на проводимые центром реформы, в частности, на военную и социальную. Активное строительство регулярной армии вело к сокращению стрельцов и казаков, что обостряло социальные конфликты, которые докатились до сибирской окраины. Известно, что Петру I не свойственны уступчивость, нерешительность, примирительность. Так, в 1695 г. стрельцы, участвовавшие в Азовских походах Петра I, были недовольны тяготами службы, дальнейшей отправкой в Польшу. За проявленное неповиновение стрельцы понесли жестокое наказание. Прервавший свое европейское путешествие молодой Петр I провел повторное следствие – «Великий розыск». По его приказу производились массовые пытки, казни, царь лично отрубал головы виновным. Он также не проявил милосердия к участникам астраханского и Булавинского восстаний, и даже к родному сыну. Петр I целенаправленно ограничивал казачьи вольности, а с переходом к профессиональной армии казачество как категория служилых людей стало выглядеть вынужденным анахронизмом. Естественно, что при резко возросших военных службах заметное сокращение численности казачества, перевод заштатных, отставных и казачьих детей в тяглый разряд разночинцев вызывало наиболее острый социальный протест.

Взаимоотношения Петра I с восставшими сибирскими служилыми людьми можно представить в рамках определенного социального поля, где диалектически действу-

ют два игрока. С одной стороны, во внутривластной сфере служилое казачество, на местах представляя интересы верховной власти, и на личностном уровне действует против местной власти. С другой, сословно-классовой стороны, эти по В.И. Ленину «вооруженные крестьяне с наделом», защищая свои частные социально-экономические интересы, расширительно трактовали свои властные функции. Потому во времена Первой и Второй Красноярских «шатостей» часть служилых людей выступали лидерами недовольных посадских, крестьян и ясачных. Это определило формы, содержание и характер Первой и Второй Красноярских «шатостей». Острота социальных конфликтов проявилась в том, что казаки с оружием в руках отказывали воеводам от воеводства, избирали собственный орган самоуправления, собирали свою казну, подавали челобитные и отказывались выполнять приказы и поручения местной администрации. Выборные «судейки» собирали налоги и ясак, отправляя их в государеву казну, вели обычное делопроизводство. Служилые люди в законном порядке отправляли своих челобитчиков в Москву к «доброму» царю, предъявляя претензии и жалобы к «злому» воеводе. Например, «...на воеводском дворе были, того он Илья не ведает,...и под башней оного Фискала не удерживали... и сказал, чтоб он Дмитрий ево Илью Нашивошникова судом и расправой не ведал, говорил для того что, де по мирскому выбору едет он в Тобольске на него Дмитрия в обидах, и в налогах бил челом, а какие обиды и налоги были, о том он подаст челобитную...для чело бить о выборе челобитчиков на него коменданта Зубова, а ни в чем он Илья нас не возмущал... ни к какому совету он Илья не призывал...от себя Ильи де никого по уездам из по русских людей не посылал, ни воровские к Илье для возмущения не съезжались...у него Ильи, с ним и его брат Петр, ни в каком бунтовстве не бывал...» (РГАДА. Ф.371. Оп. 1. Часть 1. Д. 1869. Л. 17-17 об.). Ка-

заки как носители власти и труженики, активно участвующие в хозяйственном освоении Сибирского региона, чутко реагировали на произвол местной администрации, посягавшей на часть своего денежного, хлебного и соляного жалованья, а также на свои частные, в том числе трудовые, доходы. Казачество, защищая свои сословные и имущественные права, позиционировали себя в качестве защитников верховной власти, ревнителей ее истинной законности. Например, подьячий Федор Парфентьев в допросе указывает на то, что казачьим детям, по приказу коменданта Дмитрия Зубова, было велено перевозить слан на мельницу, хотя раньше эту обязанность выполняли пашенные крестьяне: «Подьячий Федор Иванов сын Парфентьев в допросе сказал сего 718 года велено послать по приказу коменданту Дмитрия Зубова, велено на мельницу слан возить казачьим детям...и токо де в о бытности, что казачьим детям слан возить не было, возили де слан всегда на ту мельницу пашенные крестьяне...» [РГАДА. Ф.371. Оп. 1.Часть 1. Д. 1869. Л. 49-49об]. Выступая против корыстолюбивых воевод, искажавших в своих интересах «единственно праведную» власть царя, служилые постоянно апеллировали к «пользе государя», а на грубое, по их мнению, ее нарушение объявляли «слово и дело государево». Например, подгородние иноземцы «...на него они в своих и в иноземских обидах челобитчики, а иноземцам он чинит обиды и берет ясак себе прежде государя, ясаку по соболю, и по два, и по три» [РГАДА. Ф.371. Оп. 1.Часть 1. Д. 1869. Л. 44].

Используя традиционное недовольство центральной власти местными властями, служилые сознательно «сгущали краски», обвиняли воеводскую власть в воровстве, необъективном освещении событий. Местная же власть в лице воевод, защищая себя, подчеркивали классовую направленность действий восставших, классифицируя их как «бунт» не только против местной администрации, но и против верховной

власти. К примеру, «...и выбрав место себе и товарище своих таких же бунтовщиков: Никиту Грицкова, Романа Скрыпотчикова, да татар Бартана Кожеракова, Табахая Киликаина, неведомо для какова вымыслу. И прислали ко мне на двор, и пришли они в горницу, постояв, не говоря ни чего, вышли вон. И за ними пошел Фискал Герасим Климовской, и они Илья, его Герасима под башней удержали и прислали его фискала ко мне и велели ему говорить, что их мне судом и расправой не ведать. И видя, их такую шатость, велел у малого города ворота затворить, опасаясь себе от них всякого дурна. И применяя стражем их бунт, чтоб какова мне дурна, не учили, и по многие дни збирает он, Илья, к себе в дом многих русских людей и иноземцев неведомо для какова злого вымыслу...» [РГАДА. Ф.371. Оп. 1. Часть 1. Д. 1869. Л. 24] или «...красноярский дворянин Илья Нашивошников без указу великого государя, по уезду сзывал к себе казаков, и всяких чинов людей...а как де иноземцы к нему, Илье, съезжались, и он де Илья, брал с них побор деньгами по полтине, а у них де иноземцев ясачная великого государя казна не заплачена» [РГАДА. Ф.371. Оп. 1. Часть 1. Д. 1869. Л. 27-27об].

Сословно гибкая тактика восставших легла на подготовленную почву – Петр I отрицательно относился к старой администрации. На компромиссную политику центральной власти по отношению к Красноярским «шатостям» также повлияли внешнеполитические интересы государства, в том числе пограничные с соседней Цинской империей в Засаянье. В итоге с формальной точки буквы закона должного наказания восставшие в целом так и не понесли.

Две Красноярские «шатости» конца XVII – первой четверти XVIII вв. обнажили механизм разрешения острых социальных конфликтов путем уступок сторон. Политика компромисса восставших служилых людей состояла в маскировке узко-сословных и классовых частных интересов, интересами государства. В переходное время модернизации

традиционной России объективно сильнее проявлялась противоречивость отношений между местной воеводской властью и центральной. Пользуясь этим, казачество будучи само социально неоднородным, отстаивали ту законность, которая шла от центральной власти и не противоречила бы их собственным частным интересам.

В последующие два столетия сибирское казачество потеряло функции низшего властного звена, выполнявшего помимо чисто военных, хозяйственно-организационные, фискальные и карательные функции по отношению к труженикам. Сословная обособленность извне и раскола изнутри во многом сняли преувеличение и педалирование своего отличия от среднего властного звена в лице местной администрации. Их сословно-классовая надежность и преданность верховной власти усилились из-за получения полупривилегированного наследственного статуса. Однако верховная власть так и не позволила им полностью реализовать узко-сословные и классовые частные интересы, в частности снять ущербность своего сословного статуса.

Список сокращений

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Библиографический список

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь XVII в. Новосибирск, 1991. 401 с.
2. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века: демографо-сословный аспект. Красноярск, 2007. 414 с.
3. Оглоблин Н.Н. Красноярский бунт 1695–1698 годов: (очерк из истории народных движений в Сибири). Томск, 1902. 47 с.
4. Чернышева А.А. Социальный состав участников малоизученного народного движения в Приенисейском крае во втором десятилетии XVIII в. // VIII Краеведческие чтения «Россия – Сибирь – Красноярский край». 2017. С. 72–80.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА ЭСЕРОВ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

TERRORIST TACTICS OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARIES IN THE YENISEI PROVINCE AT THE BEGINNING XX CENTURY

А.С. Чочимаков

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор В.И. Федорова

Партия социалистов-революционеров (ПСР), морально-политическая мотивация эсеровского террора, революционная пропаганда, террористическая тактика.

The party of socialists-revolutionaries (PSR), the moral-political motivation revolutionary terror; revolutionary propaganda, terrorist tactics.

Рассматривается морально-политическая мотивация террористической деятельности участников эсеровских организаций Енисейской губернии в начале XX в.

Discusses the moral-political motivation of the terrorist activities of participants of the revolutionary organizations of the Yenisei province in the beginning of the twentieth century.

Вопросы истории возникновения и деятельности эсеровских организаций в Енисейской губернии рассматривались в ряде исследований общеисторического и специального характера [1; 2; 3; 4; 5; 7; 8]. В настоящей работе представлена попытка исследовать политическую и моральную мотивацию террористической деятельности эсеров в Енисейской губернии в начале XX в. на основе анализа агитационно-пропагандистских изданий местных организаций ПСР.

Первые эсеровские организации в Сибири стали возникать еще до начала Первой русской революции 1905–1907 гг.

В донесении начальника Енисейского ГЖУ называется 1903 г. как дата появления красноярской организации эсеров. В ночь с 16 на 17 сентября в городе в разных местах охранка обнаружила до восьми десятков гектографированных прокламаций, подписанных от имени Красноярской группы эсеров: «К солдатам», «Ко всем рабочим и работницам Сибири», «Кто виноват». Первоначально жандармы предположили, что они были изданы в Томске, однако через некоторое время в городе вновь стали распространяться листовки за подписью Красноярской группы ПСР. В годы Первой русской революции эсеровские организации возникают в других городах губернии – Минусинске, Канске, Ачинске, Енисейске а также в сельской местности: в Рыбинском, Троицко-Зоозерном Канского уезда, Тигрицком, Каратузском, Ермаковском Минусинского уезда, Даурском Ачинского уезда.

Костяк первых эсеровских организаций, как правило, составляли политические ссыльные, вокруг которых объединялась местная интеллигенция, учащиеся и рабочая молодежь. Первая русская революция заметно политизировала общество, в результате чего в местные эсеровские организации усилился приток из широких народных слоев: мещан, крестьянства. Под влиянием революционных событий численность эсеровских организаций быстро росла. Так, Красноярская организация ПСР уже к 1906 г. насчитывала около 160 членов (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д.1429. Л. 27).

С первых шагов своего существования партия социалистов-революционеров провозгласила террор как важное направление политической борьбы. Пик террористической активности эсеров в Енисейской губернии приходится на годы Первой русской революции. 29 сентября 1905 г. членами боевого отряда при Красноярской организации ПСР был казнен полицмейстер Красноярска фон-Дитмар, который обвинялся революционерами в репрессиях, направленных против рабочих. Красноярские эсеры выпусти-

ли по поводу данного события прокламацию «На смерть фон-Дитмара», в которой полицмейстер характеризовался как «слишком яркий, слишком бесцеремонный защитник самодержавного, плутократического режима» (ГАКК. Ф. 792. Д. 31. Л. 85). Он обвинялся не только в том, что санкционировал применение насилия к рабочим, но и в том, что «делал все, что было в его власти для того, чтобы подавить всякое пробуждение в рабочем сознании честной мысли». В листовке проводилась мысль, что в условиях, когда у общества нет иных способов, чтобы призвать власть к ответственной политике, остается только один способ – террор. Это и справедливое возмездие за преступления власти против народа, и одновременно способ самозащиты общества. В тексте говорилось: «Пусть же знает всякий бесстыдный приспешник самодержавия, что его подлая деятельность не останется безнаказанной. Террор – это единственное в наших руках действенное средство удалить всякого зазнавшегося мерзавца. Пусть лучше будет казнен один верноподданный палач, чем по его милости будут избиваться сотни неповинных людей» (ГАКК. Ф. 792. Д. 31. Л. 85).

Мотив возмездия за репрессии власти против народа звучит в прокламации «Иланская бойня», изданной Красноярской организацией ПСР 19 января 1906 г. в связи с расправой над железнодорожными рабочими на станции Иланская, которая произошла 12 января 1906 г. Жертвами расправы стали 25 человек, в том числе и дети. Она была устроена генералом Меллером-Закомельским, возглавлявшим карательный корпус для подавления революционных выступлений в Сибири. Сибиряки с содроганием вспоминали о «подвигах» карателей. «По Сибири прошла полоса ужасов, произвола, насилия, горя и слез, – писал известный сибирский общественный деятель И.И. Попов. «Людей вешали, расстреливали, избивали, увечили, бросали в тюрьмы, высылали, часто абсолютно без всякой вины» [6, с. 288].

Красноярские эсеры не могли не откликнуться на это чудовищное преступление власти. В прокламации от имени одного из рабочих депо, оказавшегося очевидцем события, были подробно изложены факты расправы. Особенно акцентировались проявления жестокости и вероломства со стороны самого генерала. В тексте говорилось: «Нас всех немедленно окружили солдаты и стали бить прикладами ружей. Закомельский стоял тут же и только поощрял это зверство, он же приказал нас выстроить в ряд и немедленно расстрелять. При помощи ударов прикладами нас заставили стать в ряд; нас выстроили, и солдаты уже вложили патроны в ружья, ожидая команду «пли». Я обратился к Закомельскому со словами: «За что вы хотите расстрелять нас? Ведь мы сдались под арест. Молчи, мерзавец, – закричал генерал, и, очевидно хотел ударить меня, но почему-то не сделал этого и ударил рядом стоявшего слесаря. «Расстрелять их, негодяев, немедленно, сейчас же, сию минуту, – кричал он» [ГАКК. Ф. 792. Д. 31. Л. 85 об.].

Примеры карательной политики власти служили эсерам для морального оправдания террористической тактики партии. Ее острие было направлено, прежде всего, на тех представителей власти, которые были причастны к репрессиям против революционеров. В декабре 1906 г. эсерами был убит жандармский унтер-офицер Терещенко. Военно-полевой суд приговорил к казни одного из участников убийства жандарма – члена красноярской эсеровской организации А. Бэйма. Вместе с ним были казнены и три неповинных человека. Красноярский комитет ПСР тут же откликнулся на этот факт листовкой «Граждане!» (1906, 10 дек.), в которой революционеры клеймили судебный произвол. Всю ответственность они возложили на коменданта Красноярска Козловского, циничные высказывания которого по поводу казни революционеров глубоко возмутили их. Листовка взывала к революционной мести: «Казнь

свершилась... Товарищей не стало. Но жива их идея, жива о них память, живы их образы. ... И мы отомстим за наших товарищей, честно, бесстрашно погибших» [ГАКК. Ф. 792. Д. 31. Л. 85]. Так и произошло: подполковник Козловский был убит 14 февраля 1907 г.

Политический террор красноярских эсеров, как очевидно, носил вполне целенаправленный характер, он рассматривался, во-первых, как средство самозащиты революционеров и общества от произвола власти; во-вторых, как агитационное средство для политической активизации общества; в-третьих, был направлен на деморализацию власти. Безусловно, эсеровский террор ставил перед революционерами проблему морального выбора. Провозглашая целью своей борьбы высокие идеалы свободы и социальной справедливости, они не могли не сознавать, что методы революционного насилия приходят в противоречие с ними. Поэтому в своих изданиях они постоянно подчеркивали, что террор – вынужденная мера, поскольку иных средств давления на власть с целью проведения ответственной перед народом политики у них нет. Даже создание парламентских институтов не могло примирить радикальную оппозицию с властью, так как следовавшие затем либеральные реформы не только не ослабили противоречий между верхами и демократическими низами общества, но еще более накалили социально-политическую обстановку. Деструктивный характер политической тактики радикальной оппозиции можно рассматривать как частное проявление глубинного социально-политического кризиса, который был неразрешим в рамках либерально-буржуазной модели модернизации, избранной властью. Каждый последующий шаг власти в этом направлении не отдалял, а приближал революционную катастрофу. Ибо либеральная политика не отвечала патерналистским запросам масс, наделявшим власть громадным потенциалом морального доверия и надежд. Посколь-

ку власть не оправдывала этих ожиданий, то это провоцировало общество на самые жесткие и деструктивные формы протеста. Оно уже не хотело играть в конституционно-парламентские игры, так как лимит доверия был исчерпан.

Список сокращений

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).

Библиографический список

1. Афанасьев А.Л. Деятельность эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977.
2. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Безруких В.А. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). Красноярск: РАСТР, 2012.
3. Кадиков Э.Р. Эсеровский террор в Сибири в начале XX в. // Исторические науки. Омск 2016. №1(9).
4. Красноярск: от прошлого к будущему. Очерки истории города / ред. коллегия: Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2013.
5. Очерки истории Красноярской партийной организации / гл. ред. В.П. Сафронов. Красноярск, 1967. Т. 1.
6. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989.
7. Толочко А.П., Курусканова Н.П. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 – февраль 1917 г.) // Исторический ежегодник. Спец. выпуск. Омск, 1997.
8. Трипутина А.В. Эсеровские организации в Енисейской губернии в начале XX в. // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории. VII краеведческие чтения / сост.: В.И. Федорова. Красноярск, 2012.

СЕКЦИЯ 2. МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КРАСНОЯРСКОГО ПОДОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1901–1920)¹

FORMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION OF THE KRASNOYARSK SUBDIVISION OF RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY (1901–1920)

Е.И. Кочкина

Научный руководитель

кандидат исторических наук А.С. Вдовин

Международные связи, межкультурный обмен, Енисейская губерния, Красноярский подотдел Русского географического общества. International relations, intercultural exchange, Yenisei province, Krasnoyarsk subdivision of Russian geographical society.

Красноярский подотдел Русского географического общества сыграл важную роль в генезисе и популяризации науки в Енисейской губернии. Подотдел как научная и просветительская организация реализовывал важнейшие функции общества, в том числе, через систему межкультурного обмена, о формах которой идет речь в исследовании. Однако международное сотрудничество этой организации еще предстоит изучить.

The Krasnoyarsk subdivision of Russian Geographical Society has played an important role in the genesis and popularization of science in the Yenisei province. The Subdivision as the scientific and educational organization, realized the most important functions of society, including, through system of intercultural (cross-cultural) exchange.

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» и РФФИ, проект № 16-11-24009 а(р) – «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII – начале XX в.»

About forms of this cooperation there is a speech in a research. However, international collaboration of this organization is yet to be studied and described with a view to developing further cooperation.

Сегодня межкультурный обмен трудно переоценить. Он способствует развитию научного сотрудничества, обмену информацией и интеграции российской науки в международные исследования.

В работах, рассматривающих историю и основную деятельность Красноярского подотдела (РГО), отмечена его важная роль в развитии и популяризации науки на территории Приенисейского края, вместе с тем многие аспекты рассмотрены недостаточно [2; 11].

Настоящая работа посвящена выделению форм межкультурных коммуникаций в рамках международных связей Красноярского подотдела РГО в 1901–1920 гг. Коммуникация в науке в рамках исследования представляет «совокупность видов профессионального общения в научном сообществе, один из главных механизмов взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов; необходимое условие развития науки» [10].

Со времени процедуры основания Подотдела (1898–1901) его члены уже были привлечены к подготовке экспонатов для участия во Всемирной выставке в Париже (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2. Л. 9). С включением Красноярского городского музея в введение Подотдела в 1903 г. начали развиваться формы сотрудничества с зарубежными коллегами по обмену коллекциями, наладилась система переписки по передаче информации, решению вопросов о публикации в зарубежных изданиях и участию в международных съездах и конгрессах [5, с. 108–109]. Переписка была оперативной формой получения актуальных научных сведений и материалов.

Важной формой коммуникаций стали командировки и экспедиции иностранных исследователей на территорию гу-

бернии. География визитов зарубежных ученых в Красноярск была довольно обширной. Представители немецких, английских, норвежских, американских, финских, венгерских, шведских научных обществ изучали местные особенности в рамках разных дисциплин и, конечно, не могли обойти стороной музей Подотдела [5, с. 108]. Крупными учеными, проводившими здесь научные изыскания, стали финский лингвист Кай Доннер [6], норвежский полярный исследователь Фридьоф Нансен и зоолог Орьян Олсен, английский этнограф Мария Чаплицка, орнитолог Мауд Хавиланд, американский антрополог Генри Холл [8], финский археолог Арне Тальгрэн [9]. Вклад в развитие Красноярского музея и изучение региона в этот период внесли военнопленные немцы, венгры и австрийцы, среди которых выделяется крупный специалист по археологии Мюнхенского университета Геро Мергарт [4].

Также члены Подотдела совершали поездки за рубеж. Известно путешествие по Европе консерватора музея А.Я. Тугаринова в 1914 г. [12, с. 248–258]. В 1915–1916 гг. состоялась крупная археолого-этнографическая экспедиция сотрудника музея А.П. Ермолаева в Урянхайский край [1].

В отдельную форму межкультурного обмена выделяется международный книжный обмен (обмен изданиями). Издания Подотдела – «Известия» и «Записки» – обменивали на свежие выпуски изданий зарубежных организаций, среди которых Берлинский этнографический музей, Венгерский музей, Венский естественноисторический музей, Кенигсбергский музей, Копенгагенский музей северных древностей, Лейпцигский этнографический музей, Баварская академия наук, Финское археологическое общество, Угрофинское ученое общество в Гельсингфорсе, Вашингтонская национальная библиотека, публикации запрашивал Ю. Цзида из Кагосима и другие исследователи [7].

В результате проведенного исследования выявлено, что международные коммуникации Красноярского подотдела

РГО представляются в виде сложной структуры со множеством направлений и форм развития. В исследуемый хронологический период сотрудничество осуществлялось с представителями разных стран Европы, Азии, Америки и в различных областях, таких как археология, этнография, история, лингвистика, геология, орнитология, зоология, ботаника. При этом формы сотрудничества были разнообразными и выделяются по значимости: экспедиции в Енисейскую губернию зарубежными учеными; предоставление научной информации, материалов, определение и обмен коллекций; обмен изданиями; публикация в научных журналах; приглашение к участию в научных форумах (конгрессах, съездах); участие в международных выставках.

Таким образом, механизм межкультурного научного сотрудничества был сложным, при этом разнообразие форм межкультурных коммуникаций обусловлено разнообразием целей и задач, решаемых с их помощью.

Список сокращений

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
2. Русское географическое общество (РГО).

Библиографический список

1. Баташев М.С., Макаров Н.П., Вдовин А.С., Кочкина Е.И. Археолого-этнографическая экспедиция А.П. Ермолаева в Урянхайский край в 1915–1916 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. Т. 2. С. 284–289.
2. Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937). Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 120 с.
3. Вдовин А.С., Кочкина Е.И. Вклад зарубежных исследователей в изучение Туруханского края (1910–1920 гг.) // Рос-

сия – Сибирь – Красноярский край: сборник материалов VIII Краеведческих чтений. Красноярск, 6 декабря, 2016 г. / М-во культуры Красноярского края, Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края: КГПУ им. В.П. Астафьева: науч. ред. В.И. Федорова; сост. В.И. Федорова. Красноярск, 2017. С. 139–146.

4. Детлова Е. Письмо Геро фон Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция: Альманах. КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2007. Вып. 3. С. 76–87.
5. Кочкина Е.И. Международные связи Красноярского подотдела Русского географического общества и городского музея 1889–1930 гг. // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 108–111.
6. Кочкина Е.И. Кай Доннер – финский исследователь самодийских народов на севере Енисейской губернии // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Сургут, 17–21 апреля 2017 г. / отв. ред. А.В. Кениг. Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 367–369.
7. Кочкина Е.И. Международный книжный обмен Красноярского музея в 1889–1930 гг. // VIII Юдинские чтения (Красноярск, 13–16 окт. 2015 г.): материалы междунар. науч.-практ. конф. в 2 ч. / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; сост.: Е.В. Бурцева, Т.И. Матвеева. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2015. Ч. 2. С. 81–89.
8. Кочкина Е.И., Вдовин А.С. «В страну будущего»: из истории изучения севера Енисейской губернии зарубежными исследователями в начале XX в. // Енисейский Север: история и современность / отв. ред. А.С. Вдовин; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. Вып. 2. С. 83–97.
9. Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Кочкина Е.И. К столетию экспедиции А.М. Тальгрена в Енисейскую губернию // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 19–20 ноября 2015 года. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2016. С. 163–170.

10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль. 2001.
11. Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). Красноярск, 2016. № 9. С. 21–28.
12. Яворский А.Л. Двадцать лет на Енисее // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... // Сборник научных статей: КККМ. Красноярск, 2011. С. 152–361.

ПЕТРОГЛИФЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ВОПРОСЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ)

ANCIENT ROCK ART IN THE NORTHWESTERN PART OF THE MINUSINSK BASIN

О.А. Лыкова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.Л. Заика

Петроглифы, музей-заповедник, историко-культурное наследие, музеефикация, культурный туризм, научно-познавательный интерес, патриотическое воспитание.

Petroglyphs, open-air museum (heritage monument), historical and cultural heritage, museumfication, cultural tourism, patriotic education, recreation.

Вопросы музеефикации археологических памятников на территории северо-запада Минусинской котловины были актуальны уже в конце XX столетия. Стремительное разрушение археологических памятников стало причиной разработки проекта музея-заповедника «Каратаг». Его территория должна охватывать скальный массив Каратаг с наскальными рисунками и прилегающую к нему местность, где расположены другие археологические памятники: курганные могильники, изваяния, древние святилища. Организация историко-культурного заповедника «Каратаг» позволит решить задачи научного, образовательного, воспитательного, просветительского характера.

The issue of museumification of archeological sites in the vicinity of the Minusinsk basin had become urgent by the end of the previous century. The intense destruction of archeological monuments resulted in the necessity of the projected Karatag open-air museum. Its territory should include the rocks of Karatag together with its rock art and adjacent areas that have other archeological sites: burial mounds, stone figurines, ancient sanctuaries. The construction of such a museum will enable to preserve the aforementioned archeological sites and provide workspace for scientific research and education.

Сохранение историко-культурного и природного наследия рассматривается в современном мире как одно из важнейших направлений культурной политики любого государства.

Основу природного и культурного наследия составляют природно-археологические ландшафты. С учетом этого следует признать, что музеи-заповедники, национальные парки, музеи под открытым небом и т.п. являются оптимальными формами организации культурного пространства региона.

Проекты по музейфикации археологических памятников, и в частности наскальных рисунков успешно реализуются в зарубежных странах уже с XX в. Довольно много петроглифических музеев-заповедников под открытым небом за рубежом, особенно – в Австралии, в странах Африки и в США. Из европейских стран большое внимание к этому виду историко-культурного наследия проявляется в скандинавских государствах. Однако на территории России и стран СНГ такая деятельность началась намного позднее (вторая половина XX в.) и сейчас находится на стадии активной разработки и принятия неотложных мер по сохранению объектов историко-культурного наследия.

На территории Хакасии в последние годы, благодаря принятию республиканской целевой программы «Популяризация объектов культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 гг.»,

началась активная деятельность по созданию сети музеев-заповедников и музеев под открытым небом.

Не совсем удачно ситуация складывается в нашем регионе. На территории Красноярского края существует множество уникальных археологических объектов, в том числе, памятников наскальной живописи (например, Шалаболинская писаница, Ленкова гора, петроглифические комплексы Тепсей, Суханиха и др.), которые нуждаются в проведении ряда охранно-спасательных работ, предотвращении разрушения. Значимым объектом древнего наскального творчества на территории северо-запада Минусинской котловины является писаница Каратаг. Петроглифы охватывают широкий временной интервал: от энеолита – эпохи бронзы до эпохи Средневековья, являются важным историческим источником, иллюстрирующим различные стороны жизни древнего населения региона. Многие сюжеты писаницы имеют культовый характер. Петроглифы являются не просто древней художественной галереей, а древним святилищем, с которым сопряжены погребальные комплексы в подножии писаницы, одиночные камни с петроглифами на берегу озер, крепость на соседней горе Свялик. В комплексе с памятниками наскального искусства они формируют историко-культурное пространство древних святилищ, которые должны занять достойное место в культурно-просветительских проектах и обрести защиту от невежества и вандализма.

Идея музеефикации археологических памятников на территории северо-запада Минусинской котловины (Шарыповского района) витала в умах еще в 90-е гг. XX столетия, когда здесь проводила свои работы археологическая экспедиция ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Этот проект был поддержан грантом Президента Российской Федерации, выдаваемым на мероприятия, проводимые в области сохранения культурного наследия Российской Федерации. Участниками экспедиции (Вл.А. Семенов, М.Е. Килуновская, С.В. Красниенко,

А.В. Субботин) был предложен проект «Охрана культурного наследия северо-западной части Минусинской котловины (петроглифы, изображения на плитах курганов)». Одной из важнейших причин разработки данного проекта являлось стремительное разрушение археологических памятников под воздействием антропогенного фактора.

Согласно Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации предполагалось до 2015 г. создать систему историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в субъектах РФ, в том числе на территории Красноярского края, в Шарыповском районе (Музей-заповедник «Шарыпово») [1, с. 21–22.]. Несмотря на проводимый комплекс мероприятий по сохранению объектов древнего историко-культурного наследия на территории нашего края, реальных действий, направленных на музеефикацию памятников археологии вообще и наскальных рисунков, в частности, в настоящее время, к сожалению, пока не наблюдается [2].

В 2014 и 2015 гг. в рамках музейно-экскурсионной практики студентами КГПУ им. В.П. Астафьева было проведено внешнее обследование памятников с целью выявления и определения современного состояния петроглифов, также была проведена фотофиксация, топосъемка и выборочная копировка наскальных рисунков. В результате работ были определены границы распространения петроглифов, уточнена информация об известных композициях и выявлены новые наскальные изображения, подготовлены предложения по музеефикации исследуемых памятников [7].

На писанице Каратаг рисунки встречаются на протяжении 454 метров, сгруппированы на трех участках, разделенных скальными обнажениями и осыпями шириной 113 и 40 метров. Все плоскости обращены на запад и северо-запад, реже – на север. Рисунки зафиксированы нами как на скале,

так и на обвалившихся блоках. Выполнены путем выбивки, реже – гравировки.

По результатам исследований можно сделать определенные выводы по поводу датировки наскальных рисунков. Петроглифы предварительно могут быть разделены на два хронологических пласта. Одни рисунки выбиты на более древних плоскостях, отличаются не только по расположению, но и по технике выбивки, общей стилистике, содержанию. Данные изображения, по всей видимости, появились в период позднего неолита – ранней бронзы.

Другие рисунки появились на «новых» плоскостях, образовавшихся в результате обрушения скальных пород (землетрясения). Датируются эпохой раннего железа – Средневековья.

Курганы и курганные группы, расположенные в подножии горы Каратаг (Апрельев Лог 1-4, Малое Озеро 2-10, Свялик 4-6, све Свялик) датируются тагарской культурой (VI–II вв. до н.э.) [4, с. 62–85]. Каменное изваяние Малое Озеро (Тигер-Тас-Обаа) и менгир Большое Озеро датируются окуневской культурой (II тыс. до н.э.) [3].

В настоящее время памятники находятся в аварийном положении. Они подвергаются как природному, так и антропогенному негативным воздействиям. Одной из наиболее эффективных мер по приостановке разрушения объектов историко-культурного наследия является создание особо охраняемых территорий природного и историко-культурного значения.

Территория предполагаемого музея-заповедника «Каратаг» должна охватывать скальный массив Каратаг с наскальными рисунками и прилегающую к нему местность, где расположены другие археологические памятники: курганные могильники Апрельев Лог 1-4, Малое Озеро 2-10, Свялик 4-6, све Свялик, каменное изваяние Малое Озеро (Тигер-Тас-Обаа), менгир Большое Озеро (всего 22 объекта). С запада территория предполагаемого музея-заповедника ограниче-

на восточным берегом Большого и Малого озера, с востока – восточным склоном верхней части хребта Каратаг, с юга – автодорогой с. Малое Озеро – г. Ужур. На севере заповедная территория выклинивается на месте прижима Большого Озера к крутым горным склонам Каратага. Протяженность площади заповедника в направлении север–юг составит 11 км, в направлении запад–восток – 6 км и составит 66 кв. км.

Успешное решение вопросов об организации историко-культурного заповедника и археолого-этнографического музея «Писаница Каратаг» позволит решить задачи научного, образовательного, воспитательного, просветительского характера: пропаганда и популяризация историко-культурного наследия; развитие научно-познавательного интереса к древнему искусству; повышение общеобразовательного исторического уровня у молодежи; развитие научного и других видов туризма на территории края; изучение и сохранение древнего историко-культурного наследия.

Библиографический список

1. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников Российской Федерации. М., 2009.
2. Заика А.Л., Дорохина А.А., Кочкина Е.И., Пахомова Т.А., Ануфриева Е.И. Шалаболинская писаница (вопросы музеефикации) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 1 (27). С. 184–187.
3. Заика А.Л., Краснолуцкий С.А., Рыбаков Н.И., Березовский А.П. Новые данные об окуневских изваяниях севера Минусинской котловины // Мартыановские краеведческие чтения. Красноярск: РИО КГПУ, 2008. Вып. V. С. 58–63.
4. Красниенко С.В., Субботин А.В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 62–85.
5. Красниенко С.В., Субботин А.В., Семенов Вл.А., Килуновская М.Е. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ИИМК РАН, 2000. 85 с.

6. Красниенко С.В., Субботин А.В., Семенов Вл.А., Килуновская М.Е. Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 121 с.
7. Лыкова О.А. Петроглифы северо-запада Минусинской котловины // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 23–27 марта 2015 г. / науч. ред. Г.И. Медведев, Е.А. Липнина. Иркутск, 2015. С. 264–265.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

VIRTUAL EXCURSION OF THE EDUCATION

А.Н. Николаева

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент А.Л. Заика

Виртуальная экскурсия, информационное общество, информационные технологии, образование.

Virtual excursion, information society, information technology, education.

В настоящее время лидирующее положение занимают методы и приемы компьютерного обучения. С внедрением в обучение информационных технологий возросло значение информации. Одним из вариантов применения новых информационных технологий стала виртуальная экскурсия.

Currently, the leading position is occupied by methods and techniques computer aided learning. With the introduction of training in information technology increased the value of the information. One of the applications of new information technologies – virtual excursion.

XXI век – век новых информационных и коммуникативных технологий. И не вызывает сомнения то, что современному учителю необходимо быть компетентным в области ИКТ и внедрять их в учебный процесс. Уроки с применением мультимедиа и Интернета повышают интерес к изучаемому материалу, возрастает эффективность

самостоятельной работы, появляется возможность шире реализовать свои творческие возможности [2].

Информационное общество – это общество, основой развития которого становится не материальное производство, а производство знаний и информации на базе передовой информационной технологии, т.е. информативность [4].

В связи с введением ФГОС и быстрым развитием инновационных технологий одной из актуальных проблем, обсуждаемых на страницах профессиональных журналов, адресованных педагогической аудитории, является проблема применения инновационных педагогических технологий. В настоящее время лидирующее положение занимают методы и приемы обучения, основанные на использовании современных компьютеров, что привело к коренным изменениям в теории и практике образования. Поэтому в современных условиях для успешной организации учебного процесса перед педагогом встает необходимость поиска новых форм, методов и средств подачи материала. И в связи с тем что и персональный компьютер, и Интернет очень прочно вошли в нашу жизнь, а современная молодежь проявляет к ним значительный интерес, задача учителя заключается в том, чтобы данные средства появились и в системе образования. ИТ и Интернет могут выступать в роли непосредственного помощника учителя.

Рассмотрим один из вариантов применения новых информационных технологий в учебном процессе – виртуальную экскурсию, как с помощью подключения к сети Интернет, так и без него.

В связи с внедрением новых информационных технологий в процесс образования существенно изменился подход к экскурсиям, возникли новые виды экскурсий – виртуальные, интерактивные.

Термин «виртуальный» происходит от английского слова *virtual* – похожий, неотличимый. Первые виртуальные му-

зеи стали появляться в Интернете с 1991 г. Они представляли собой небольшие сайты с информацией о самом музее, о его географическом положении и режиме работы. В дальнейшем на страницах виртуальных музеев стали появляться виртуальные экспозиции. Многие музеи создавали несколько виртуальных экспозиций и объединяли их в виртуальные экскурсии. В настоящее время количество и глубина изложенного материала, доступного через сеть Интернет, непрерывно растет, и возможно, уже через несколько лет свои собственные виртуальные экскурсии будут иметь все музеи мира [5].

Виртуальные экскурсии можно условно разделить на несколько видов:

- естественнонаучные – экскурсии в поле, лес, на луг, к речке, озеру, в зоопарк, музей;

- краеведческие – экскурсии с целью изучения природы и истории родного края;

- историко-культурные – экскурсии по историческим местам, в музеи, картинные галереи, выставочные залы, раскрывающие определенные периоды истории развития государства и русской национальной культуры;

- биографические – экскурсии по местам, которые связаны с жизнью и творчеством знаменитых людей, хранят память о них:

- литературно-биографические – экскурсии, связанные с жизнью и биографией писателя;

- литературно-краеведческие – экскурсии по местам, которые хранят память о жизни и творчестве писателя, поэта, драматурга;

- историко-литературные – экскурсии, раскрывающие определенные периоды развития русской национальной культуры и литературы;

- литературно-художественные – экскурсии по мировым выставочным залам;

– обзорные сайты, где собрано несколько виртуальных экскурсий в рамках знакомства с одним писателем [1].

На практике деление экскурсий на четко определенные группы носит условный характер, и они могут переплетаться с другими предметами, такими как: история России, история края, мировой художественной культуры и т.д.

Проведение виртуальной экскурсии проходит так же, как и начало обычного урока, ее следует начинать со вступительной беседы с учащимися, где педагог определяет цели и задачи экскурсии, раздает маршрутные листы. Особое внимание учащихся следует обратить на способы навигации по сайту, от одной экспозиции к другой.

Огромную роль в активизации деятельности учащихся во время виртуальных экскурсий играет поисковый метод. Ученики не просто знакомятся с материалами экспозиций, но и занимаются активным поиском информации. Это достигается путем постановки проблемных вопросов перед экскурсией либо получением определенных творческих заданий. Во время проведения экскурсии учащиеся могут записывать тезисы в тетрадь, копировать материалы с сайта в свои папки, делать пометки.

Заканчивается экскурсия итоговой беседой, в ходе которой учитель совместно с учащимися обобщает, систематизирует увиденное и услышанное, выделяет самое существенное, выявляет впечатления и предварительные оценки учащихся; намечает творческие задания для них: написать сочинения, подготовить доклады, составить альбомы.

Виртуальная экскурсия имеет свои плюсы и минусы:

Плюсы:

– Доступность. С помощью виртуальной экскурсии многие недоступные места и музеи можно показать без реального посещения.

– Возможность более детального и продолжительного осмотра объектов.

– Не требуется квалифицированный экскурсовод, информация об объекте находится в аудио/видеоформе, либо по ссылке над объектом.

– Возможность выбора объектов, которые соответствуют школьной программе.

– Возможность просматривать объекты в той последовательности, в которой удобно учителю.

– Активное участие учеников в экскурсии (они могут самостоятельно по маршрутным листам просматривать объекты и находить нужную информацию, если это требуется).

Несмотря на кажущуюся простоту проведения виртуальных экскурсий на уроке, учитель может столкнуться с рядом проблем. Первая и главная проблема – это отсутствие подключения школы к сети Интернет (сейчас это проблема почти решена, так как все школы Красноярского края, особенно находящиеся в сельской местности, подключены к сети Интернет). Следующей проблемой может быть ограниченное количество компьютеров и компьютерных классов в школе.

С возникновением этих проблем учитель может перейти к интерактивным, мультимедийным экскурсиям, которые может разработать сам, либо найти в сети Интернет подходящую экскурсию. Такие мультимедийные экскурсии также относятся к разряду виртуальных, но для их организации нет необходимости подключения к сети Интернет. Достаточно иметь в кабинете компьютер и мультимедийный проектор. Достоинства данных экскурсий в том, что учитель сам отбирает нужный ему материал, составляет необходимый маршрут, изменяет содержание согласно поставленным целям. Составляющими данной экскурсии могут выступать видео, звуковые файлы, анимация, а также репродукции картин, изображения природы, портреты, фотографии. В материалы таких экскурсий могут быть включены литературоведческие термины и определения, исторические карты, тезисы по теории литературоведения.

Даже имея те или иные сложности с применением виртуальных экскурсий на уроке, использование инновационных технологий сделает процесс обучения и преподавания более разнообразным и интересным, а значит, и более эффективным образовательный процесс, поможет реализовать принципы наглядности и научности обучения, будет способствовать развитию наблюдательности, навыков самостоятельной работы учащихся.

В связи с внедрением в учебно-воспитательный процесс информационных технологий возросло значение информации как важнейшего фактора, определяющего характер и направленность развития педагогического процесса, изменились образовательные цели. Акцент сместился с «усвоения знаний» на формирование «компетентностей».

Являясь специфической формой познания, виртуальная экскурсия дает возможность учащимся получить значительный объем информации; формирует способы мыслительной деятельности: всестороннее восприятие объекта, наблюдение, изучение, исследование; вызывает повышенный интерес к работе и на основе этого более углубленное и прочное усвоение материала.

В основе подготовки виртуальной экскурсии лежит определенный алгоритм действий, позволяющий учителю добиться успешного результата:

- определение цели и задач экскурсии;
- выбор темы;
- отбор литературы и составление библиографии;
- определение источников экскурсионного материала;
- отбор и изучение экскурсионных объектов;
- сканирование фотографий или других иллюстраций, необходимых для представления проекта;
- составление маршрута экскурсии на основе видеоряда (визуального ряда);

- подготовка текста экскурсии;
- определение техники ведения виртуальной экскурсии;
- показ экскурсии;
- подведение итогов экскурсии [3].

При составлении виртуальной экскурсии нужно из множества объектов отобрать 10–20 самых интересных по внешнему виду, и по той информации, которую они несут. Правильная подборка объектов обеспечивает зрительную (визуальную) основу восприятия материала и глубокое развитие темы. Маршрут виртуальной экскурсии строится по принципу логической последовательности осмотра объектов. Материал может излагаться как в хронологической, так и в тематико-хронологической последовательности. Текст экскурсии должен обеспечивать тематическую направленность рассказа и раскрывать все подтемы (детали). Текст должен отличать краткость, четкость формулировок, наличие информации по теме, достаточное количество фактического материала и литературный язык. При этом учитель всегда должен иметь дополнительно несколько фактов по данной теме экскурсии. Итогом экскурсии может стать обобщающая беседа, тестирование, мини-сочинение, выставка рисунков, презентация. В зависимости от класса, его возможностей и темы проведенной экскурсии.

Такие средства обучения обладают большой информативностью, достоверностью, позволяют проникнуть в глубину изучаемых явлений и процессов, повышают наглядность обучения, способствуют интенсификации учебно-воспитательного процесса, усиливают эмоциональность восприятия учебного материала. Это усиливает положительную мотивацию обучения, активизирует познавательную деятельность учащихся, способствует осознанному усвоению знаний.

Используя виртуальные путешествия как форму проведения учебных занятий, учитель продумывает возможность их применения либо в конкретном разделе имеющейся програм-

мы внеурочной деятельности, либо выстраивает саму программу как цепь виртуальных путешествий (экскурсий), которые совершают обучающиеся и которые они создают сами.

Библиографический список

1. Александрова Е.В. Виртуальная экскурсия как одна из эффективных форм организации учебного процесса на уроке литературы // Литература в школе. 2010. № 10. С. 22–24.
2. Гейман Г.Н. «Современный учитель 21 века». [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/statya-sovremenniy-uchitel-veka-429890.html> (дата добавления: 22.09.15).
3. Черникова Н.Н. «Виртуальная экскурсия – эффективное средство повышения информационной грамотности учащихся». [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/statya-virtualnaya-ekskursiya-effektivnoe-sredstvo-povisheniya-informacionnoy-gramotnosti-uchaschihsya-505006.html> (дата обращения: 7.02.17).
4. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5780951/page:4/>
5. URL: <https://sites.google.com/site/virtualnyeeskursiisvenerockojcto-takoe-virtualnaa-ekskursia> (дата обращения: 1.06.2015).

ПЕТРОГЛИФЫ НА ОЗЕРЕ ТУС В ХАКАСИИ. НОВЫЕ ДАННЫЕ

PETROGLYPHS ON THE LAKE. TUS IN KHAKASSIA. NEW DATA

Т.А. Пахомова

Научные руководители

кандидат исторических наук, доцент А.Л. Заика

кандидат исторических наук А.С. Вдовин

Музейно-экскурсионная полевая практика, историко-культурное наследие, петроглифы, Хакасия.

Museum tour field practice, historical and cultural heritage, petroglyphs, Khakassia.

Летом 2013 г. во время проведения музейно-экскурсионной полевой практики студентов исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева было проведено обследование известных объектов историко-культурного наследия на территории Хакасии и юга Красноярского края. В спектр внимания попали археологические памятники в виде стоянок, могильников, наскальных рисунков. На них отработывалась методика фиксации в полевых условиях, в контексте решения задач охраны и музеефикации. Одним из пунктов исследования стали петроглифы на оз. Тус. Была проведена их топосъемка, фотофиксация, копировка наскальных рисунков. В 2014 г. в результате повторных полевых исследований этих петроглифов, работы с фондами и архивами в Красноярском краевом краеведческом музее, Хакасском республиканском национальном музее им. Л.Р. Кызласова, Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартянова, непосредственного общения с Н.В. Леонтьевым, Э.А. Севастьяновой и Н.В. Нащекимым была уточнена и расширена известная информация о памятнике.

История исследования. Наскальные рисунки на оз. Тус были случайно обнаружены студентами Красноярского сельскохозяйственного института в июне 1968 г., о чем сообщили сотруднику Красноярского краеведческого музея Н.В. Нащекину, который в это время руководил археологическими раскопками в окрестностях с. Соленоозерное. В результате обследования местонахождения им и сотрудником Абаканского краеведческого музея А.Н. Липским было обнаружено «семь камней с рисунками» (Н.В. Нащекин в архивной документации КККМ того времени фигурирует под фамилией «Нащокин»). Исследователями были произведены: копировка, фотофиксация, описание петроглифов. О найденных рисунках Н.В. Нащекин сделал доклад на за-

седании секции железного века сессии ИА АН СССР, посвященной итогам полевых работ 1968 г. В следующем году им было продолжено обследование памятника, в результате которого были найдены еще «2 камня с рисунками». Исследователь отметил, что петроглифы разрушаются, часть выпавших плит и отслоившихся фрагментов петроглифов им была доставлена в КККМ [4; Л. 23; 5].

Позже, в 1975 г., на памятнике работали красноярский художник М.М. Бирюков и сотрудник Минусинского краеведческого музея Н.В. Леонтьев [4, Л. 27-32]. Ими было отмечено 6 плоскостей с рисунками (нумерация которых проводилась, в отличие от Н.В. Нащекина, с севера на юг). По словам Н.В. Леонтьева, уже тогда встречались обломки выпавшей одной плоскости (камень № 4, по Н.В. Нащекину). Петроглифы были сфотографированы и скопированы на микалентную бумагу. Отслоившиеся фрагменты Н.В. Леонтьев передал в Абаканский краеведческий музей. По информации Э.А. Севастьяновой, она вместе с художником В.Ф. Капелько в 1980-х гг. выезжала на писаницу, где копировали петроглифы, также собирали обломки камней с рисунками. Позже фрагменты были склеены В.Ф. Капелько и в настоящее время экспонируются в Хакасском республиканском национальном музее им. Л. Р. Кызласова.

В 2002 г. рисунки на оз. Тус выборочно копировались петроглифическим отрядом Тувинской экспедиции Государственного Эрмитажа [1]. В 2012 г. памятник обследовался отрядом Хакасского отделения ВООПИК под руководством сотрудника Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова А.И. Поселяниным с целью его паспортизации. Н.В. Нащекин повторно посетил петроглифы оз. Тус в 2012 г. и сообщил авторам статьи, что рисунки интенсивно разрушаются. Это послужило одной из причин обследования их в 2013–2014 гг. и определения состояния.

Характеристика петроглифов. Петроглифы находятся в верхнем ярусе скальных обнажений горы, расположенной на юго-западной оконечности оз. Тус, в окрестностях с. Соле-ноозерное (Ширинский район, Республика Хакасия). Рисунки выполнены путем гравировки, реже – выбивки, протирки, встречаются на протяжении 500 м. Зафиксированы на 10 плоскостях, экспонированных на юго-восток, восток и юго-запад.

Плоскость № 1 (камень № 9, по Н.В. Нащекину) (в отличие от авторов статьи, индексация петроглифов Н.В. Нащекиным проводилась в обратном направлении – с юга на север) находится на северной окраине писаницы. Плоскость вертикальная (длина – 1,4 м, высота – 0,9 м), обращена на юго-восток (азимут 230°). Рисунки выполнены путем гравировки, расположены в нижней части плоскости (верхняя половина ее отслоилась). Представлена сцена охоты с участием всадников и копытных животных (олени, косули). Выявлены фрагменты изображений двух котлов на поддоне.

Плоскость № 2 (камень № 8, по Н.В. Нащекину) (высота – 1,25 м, длина – 1,6 м) смежная с предыдущей, под небольшим положительным наклоном обращена на северо-восток (азимут 5°). Она обильно покрыта лишайниками. В правой нижней половине плоскости выявлено два горизонтальных ряда из семи котлов на поддоне, выполненных широкой, глубокой резной линией.

Плоскость № 3 (камень № 7, по Н.В. Нащекину) смежная с предыдущей, обращена на юго-восток (азимут 125°), узкая (0,5 м), длинная (3,65 м), находится под скальным навесом и сама является скальным карнизом, нависающим над подножием на высоте 0,4 – 0,5 м. В правой части плоскости зафиксированы олени, выполненные широкой резной линией и протиром. В центральной и левой части глубокой резной линией и тонкой гравировкой выполнены изображения копытных животных, всадников. Также выявлены рисунок котла на поддоне и схожие перевернутые изображения.

Плоскость № 4 (обнаружена авторами в 2013) находится в 15 м южнее плоскости № 3, обращена на восток (азимут 0°). Высота ее 0,7 м, длина – 1 м. Поверхность камня волнистая, покрытая многочисленными горизонтальными трещинами. В левой части плоскости выявлено гравированное изображение котла на поддоне, правее более свежей гравировкой выполнено портретное изображение человека с длинными «ушами».

Плоскость № 5/4 (камень № 4, по Н.В. Нашекину). Большая часть изображений утрачена. На склоне горы летом 2014 г. был обнаружен обломок скалы, на котором отмечены рисунки нижней части первоначальной композиции. На нем изображены: в левом нижнем углу юрта с сосудом на поддоне внутри ее, в центре – антропоморфная фигура в одежде с сетчатым орнаментом и в крайнем правом углу – олень. Утраченную часть плоскости можно воспроизвести по копии Н.В. Леонтьева, выполненной в 1975 г., и описанию Н.В. Нашекина: «...камень... имеет, пожалуй, наибольшее количество рисунков. Наиболее интересны фигуры воинов в остроконечных головных уборах с луками в руках и боевыми молотами у пояса. Воины одеты в кафтаны, туго стянутые в талии, облегающие штаны с бахромой и узкие сапоги. От пояса к паху и частично на верхнюю часть ног свешивается какой-то предмет ромбической формы (сумка или украшения). Конные воины, некоторые из них одеты в пластинчатый доспех. В середине, ближе к левому краю камня, изображено несколько котлов на поддоне. В левом нижнем углу, по-видимому, изображена юрта, а в ней кубковидный сосуд на поддоне и ромбический заштрихованный сеткою предмет, по-видимому, аналогичный украшениям воинов, и бочонок пробкой (аналогичные бочонки известны в таштыкских комплексах)» [6].

Часть плит, составляющих поверхность камня, была сброшена много лет назад, по словам Н.В. Нашекина,

«могильниками-пастухами» вниз по склону. Все плиты найти ему не удалось. На найденных фрагментах наиболее интересно, по его мнению, изображение «шамана с бубном и одной стрелой в другой руке». Данная плита была доставлена Н.В. Нащекиным в Красноярский краеведческий музей. В настоящее время ее нижний фрагмент находится в фондах КККМ.

Плоскость № 5 (камень № 3, по Н.В. Нащекину) расположена в 3 м к западу от предыдущей, под небольшим положительным углом наклона обращена на северо-восток (азимут 154°). Высота ее 0,9 м, длина – 2,3 м. Плоскость неровная, вогнутая. В центре ее представлена сцена охоты с участием всадников и лося, пораженного стрелами. Присутствуют также решетковидная фигура, мужская и женская фигуры в широких орнаментированных одеяниях, перевернутое изображение котла на поддоне (жилище?). Рисунки выполнены как широкой, так и тонкой резной линией.

Плоскость № 5а (камень № 5, по Н.В. Нащекину) горизонтальная, находится у подножия плоскости № 5. На ее поверхности фрагментарно сохранилась верхняя часть гравированного изображения лошади.

Плоскость № 5б нашел Л.Р. Кызласов в 1986 г. и скопировал ее. До наших дней сохранилась только нижняя часть плоскости, которая находится в КККМ. При копировке выявились новые детали известной композиции. В левой части камня представлена решетковидная фигура треугольной формы. В центре нижняя часть одеяния фигуры шамана в виде трапециевидного контура, заполненного параллельными и диагональными пересекающимися линиями (элемент одежды?). В руке шамана показана стрела и веерообразные отростки прямых линий (кисть руки?). Между решетчатой фигурой и фигурой шамана выявлена грудная антропоморфная фигура, которая держит прямой длинный предмет. Под линией рук контур туловища пересекает

двойная линия с перемычками и вертикальными отростками в нижней части (пояс с подвесками?).

Между антропоморфной фигурой и шаманом находятся вертикальные и горизонтальные прямоугольные контуры. У горизонтальных сверху обозначен прямоугольный выступ (сосуд с пробкой?). Другую фигуру сложно трактовать.

В правой части камня показана вертикальная линия с прямоугольным навершием и боковыми отростками. Правее его неясная конфигурация прямых линий.

На копии Л.Р. Кызласова изображена фигура шамана, которая держит в одной руке стрелу, а в другой бубен. Также выявлен топорик и пораженное стрелой животное.

Плоскость № 6 (обнаружена авторами в 2013) расположена в 4 м южнее плоскости № 5 за поворотом скалы, обращена на восток (азимут 4°). Глубокими гравированными линиями выполнена контурная антропоморфная крестовидная фигура. В нижней части к ней примыкает пара тройных сходящихся прочерченных линий. В области «рук» веерообразно расположены «перьевидные» контуры («крылья»?). Над головной частью находится трудно читаемая грудная антропоморфная фигура.

Плоскость № 7 (обнаружена авторами в 2013) длиной 2 м, находится в 1 м южнее плоскости № 6, обращена на восток (азимут 4°). На ее поверхности выявлены неопределенные резные линии различных конфигураций.

Плоскость № 8 (камень № 2, по Н.В. Нащекину) расположена в 3 м к юго-востоку от плоскости № 7, за поворотом скалы. Высота ее 1 м, ширина – 2,3 м, обращена на юго-восток (азимут 50°). Левая часть плоскости сильно разрушена. Отслоившийся фрагмент композиции передан Н.В. Нащекиным в КККМ, в настоящее время реставрируется. В сохранившейся верхней правой части плоскости глубокими и тонкими резными линиями выполнено изображение копытных животных (олень, косуля?), оперения стрел, миниатюрное изображение

котлов на поддоне. В нижней части зафиксированы: резное портретное изображение человека с длинными «ушами», неопределенные тонкие гравировки.

По восстановленным фрагментам были выявлены изображения косуль, лосей. Животные были поражены стрелами. Изображены наконечники стрел, оперения. Отражена сцена конной охоты. Также встречаются изображения птиц. Некоторые выполнены глубокой резной линией и присутствуют изображения, выполненные тонкой гравировкой (лучник).

Плоскость № 9 (камень № 1, по Н.В. Нашекину) смежная с предыдущей, под большим положительным углом наклона (60°) обращена на восток (азимут 358°). Длина ее 1 м, высота – 1,2 м. Поверхность обильно покрыта лишайниками, повреждена горизонтальными трещинами. В центральной ее части выбивкой выполнены изображения двух животных (козел и хищник?), над ними – два округлых контура («глаза» личины, солярные символы, тамги?).

Плоскость № 10 (обнаружена авторами в 2013) находится на южной окраине писаницы в 12 метрах к юго-западу от предыдущей. Плоскость небольшая (длина – 0,6 м, ширина – 0,7 м), обращена на юго-восток. На ней тонкой гравировкой выполнен контур изображения креста, рядом с ним – короткая ломанная линия, напоминающая письменный знак (руна?).

Вопросы хронологии и интерпретации

С учетом стилистических особенностей, иконографии рисунков, техники исполнения петроглифов, степени скального загара и результатов анализа палимпсестов, привлекаемая археологические параллели и датированные аналогии, можно сделать следующие выводы по поводу культурно-хронологической принадлежности наскальных рисунков на оз. Тус.

Основная масса петроглифов (плоскости № 1, 3, 5/4, 5, 5а, 8) соотносится с рисунками таштыкской культуры (сцены конной охоты и др.). На это указывает и их первооткрыватель: «Техника нанесения рисунков (резьба по контуру) не характерна для тагарского времени, сюжеты и особенности художественного стиля: сцены конной охоты, скифские сложные луки, сферические котлы на поддонах, особенности строения наконечников стрел и оперение последних, очень характерное изображение бочонка, особенности изображения лошади (с распушенными по ветру хвостами и ногами, развернутыми в фас) позволяет датировать памятник таштыкским временем. О той же дате говорят и прямые аналоги рисунков дощечек с рисунками, обнаруженными М.П. Грязновым в таштыкском склепе могильника «Тепсей», и таштыкских рисунков, обследованных Л.Р. Кызласовым у улуса Подкамень» [4, Л. 25].

К тагарской культуре могут относиться изображения оленей, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле. «Клювовидная морда» одного из них свидетельствует о ранних традициях, но своеобразная трактовка ветвистых рогов и богатая спиралевидная орнаментация туловища в большей степени характерна для тесинского времени. К тагаро-таштыкскому времени может относиться изящная гравировка фигуры лошади.

Изображения котлов встречаются как самостоятельно, так и в многофигурных композициях. Они могут датироваться как тагарским, так и таштыкским временем. Данный вопрос требует отдельного исследования. Своеобразны фронтальные антропоморфные фигуры, которые соседствуют с таштыкскими рисунками, но по стилю и иконографии отличаются от них.

Более поздними являются портретные изображения человека с длинными «ушами», антропоморфная крестовидная фигура с перьевым оформлением рук и ряд графических знаков (этнографическая современность?).

Проблематична датировка композиции с участием животных и двух округлых знаков над ними, выполненных путем выбивки (плоскость № 9). О.В. Ковалева относит их к эпохе поздней бронзы [4, Л. 26], того же мнения придерживается Н.В. Леонтьев (устное сообщение). Вместе с тем подобные статичные фигуры животных с сегментовидным туловищем встречаются и среди более поздних петроглифов, например, на Шалаболинской писанице [3]. По мнению Н.В. Нащекина: «По стилю исполнения рисунок похож на современные «палочные» детские рисунки. По-видимому, это довольно позднее произведение. Аналогии ему можно найти среди других позднейших рисунков Минусинской котловины» [2]. Соответственно, вопрос о датировке данных петроглифов в настоящее время – дискуссионный. И нельзя исключать как средневековый их возраст, так и принадлежность к карасукской культуре эпохи поздней бронзы.

Таким образом, петроглифы на оз. Тус могут охватывать широкий временной интервал от эпохи поздней бронзы до этнографической современности. Они требуют дальнейшего исследования.

Список сокращений

1. ГЭ – Государственный Эрмитаж.
2. ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
3. КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
4. ККМ – Красноярский краеведческий музей.

Библиографический список

1. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 160–161.
2. Заика А.Л., Березовский А.П., Матвеев В.Е., Техтереков А.С. Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. // Мартыановские краеведческие чтения. Красноярск: РИО КГПУ, 2008. Вып. V. 46 с.

3. Ковалева О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 86 с.
4. Нащекин Н.В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1969 г. // НА КККМ. Оп. 05. Д. 159.
5. Панкова С.В., Архипов В.Н. Работы петроглифического отряда Тувинской экспедиции // Отчетная Археологическая сессия за 2002 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 26 с.

К ИСТОРИИ АЧИНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

ON THE HISTORY OF ACHINSK LOCAL STUDIES

М.М. Федотова, В.А. Конохов

Научный руководитель

кандидат исторических наук А.С. Вдовин

Краеведение, Музей Причулымского края, Общество краеведения, Ачинский округ, экспедиции, экскурсии, экспонаты.

Museum of Chulim region, local studies society, Achinsk district, expeditions, excursions, showpieces.

Рассматриваются основные моменты развития краеведения в Ачинском регионе в 1920–1930-е гг. Освещается вопрос возникновения и основной деятельности Музея Причулымского края, состав его сотрудников, поступление денежных средств для проведения научно-исследовательских работ и способ систематизации и исследования коллекций музея. Кроме того, в статье рассматривается вопрос сотрудничества музея с Ачинским обществом краеведения, проведение совместных научно-исследовательских экспедиций и их результаты работ.

The article studies major points of local history development in Achinsk district in 1920–30s. It also illustrates an issue of creation and functioning of the Chulim region museum, its stuff, research activities budgeting, and ways of arrangement and studying of local collections. The issue of collaboration of the museum with Achinsk local studies society, their joint expeditions and following results is analyzed.

В 1887 г. в г. Ачинске по инициативе учителя Д.С. Каргополова при уездном училище был основан музей [2; 4].

После ликвидации Енисейской губернии и организации Ачинского округа в октябре 1925 г. музей получил название «Ачинского окружного музея краеведения», а по результатам первого Сибирского съезда научно-исследовательских работников, проходившего в г. Новосибирске в 1926 г., с января 1927 г. Ачинскому музею присвоено название «Музей Причулымского края» (АГА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 17. Л. 1).

В начале штат музея состоял из одного заведующего музеем А.В. Блуменау, местного краеведа и исследователя, затем с 1925 г. в музей был приглашен в качестве постоянного сотрудника П.Е. Чернявский [1].

Изначально экспонаты музея были размещены на первом этаже, в двух смежных залах, соединенных аркой с одной комнатой для занятий, в помещении городского театра. Однако после неоднократных просьб сотрудников музея к Главнауке, оказать им возможное содействие в предоставлении музею отдельного соответственного здания, так как предыдущего помещения из-за роста экспонатов стало не хватать (АГА. Ф. 275. Оп. 1. Д. 99. Л. 4), музей получил хорошее двухэтажное каменное здание в центре города (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 4). Кроме того, при здании музея имелась небольшая лаборатория, с небольшим количеством инвентаря и химикалий, а также припарировочная, фотокомната с небольшим количеством оборудования (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 4).

Средства, выделяемые музеем из окружного бюджета, главным образом затрачивались на приобретение витрин, щитов, шкафов и на необходимый мелкий инвентарь для экспонирования. А денежные поступления, которые поступали из других источников, расходовались исключительно на проведение летних исследовательских работ. Сотрудниками музея неоднократно отмечался факт недостаточности ассигно-

ваний на хозяйственные нужды, таких как свет и отопление. Так, П.Е. Чернявский в отчете о деятельности музея за 1932 г. отмечает, что «Недостаток средств на отопление заставляет доводить температуру в помещении музея до 5–10 градусов ниже нуля и закрывать последний в зимние месяцы для обозрения» (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 3). Основных отделов в музее было организовано три: 1) естественноисторический; 2) культурно-исторический; 3) общественно-экономический.

Источники поступления коллекций были различны: часть экспонатов, таких как орнитологический, палеонтологический и зоологический, поступили от прежнего музея. Большая часть коллекции была получена в результате летних исследовательских работ сотрудников музея, незначительная часть поступила в музей от различных лиц и организаций и отдельные экспонаты были приобретены на деньги сотрудников музея, так как в районном бюджете на приобретение коллекций и экспонатов для музея специальных средств не выделялось.

Учет экспонатов велся следующим образом: при поступлении экспонат вписывался в дневник, из которого при обработке записывался в инвентарную книгу соответствующего отдела. Кроме того, экспонат мог поступить в запасной фонд, где также имелся обменный фонд и фонд для посылки на анализы и апробирование. Определение экспонатов производилось путем их посылки специалистам. Обработанный материал хранился в витринах и шкафах, а необработанный и фондовый – в соответствующих ящиках, которые находились в кладовых (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 4).

Обработка коллекций и экспонатов проводилась в основном сотрудниками музея. В 1929 г. ими была проведена перерегистрация всех отделов, приведены в порядок коллекции по отделам, заведены соответствующие книги и картотеки.

За весь период существования музея его сотрудниками совместно с Ачинским обществом краеведения, которое

было организовано в конце 1924 г., каждое лето проводились экскурсии и экспедиции, а также отдельные поездки по изучению Причулымского края. Работы эти в основном заключались в комплексном изучении природных богатств края. Иногда работы носили первоначальный и рекогносцировочный характер по изучению малоизвестных районов или более углубленный на небольших площадях.

Все материалы летних исследовательских работ имеются в музее в виде напечатанных на машинке отчетов со всеми чертежными материалами, а также коллекции, которые составляют значительную часть отделов и являются наиболее полными коллекциями.

Так, в 1925 г. проводились небольшие регистрационно-обследовательские работы в окрестностях города и на хребте Арга. Руководителем работ был назначен А.В. Блуменау.

В 1926 г. обследования охватили большое количество старинных горных выработок, расположенных частью на юге округа. По окончании работ в музей были привезены значительные коллекции и образцы горных пород. Руководителем был также назначен А.В. Блуменау.

Как отмечал П.Е. Чернявский: «Самая активная увязка в работе музея была в 1926 г. с Ачинским Окружным обществом краеведения. Вся работа последнего проходила в стенах музея, исследовательские работы велись совместно» (АГА.Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 7).

Летом 1927 г. состоялась Больше-Кемчугская рекогносцировочная экспедиция в составе А.В. Блуменау, П.Е. Чернявского, члена общества краеведения А.А. Скворцовой и практиканта музея А. Донченко. Работа экспедиции заключалась в геологическом, этнографическом и археологическом обследовании реки Большой Кемчуг. В результате работ выявлен и зарегистрирован ряд местонахождений полезных ископаемых: уголь, бурые железняки, строительный камень, а также ряд древних городищ [3, с. 178].

В том же году состоялась Учумская экспедиция на юг Ачинского округа, цель которой заключалась в регистрации и обследовании археологических памятников и сборов геологического материала. Участниками экспедиции были заведующий музеем А.В. Блуменау и художник Б.Ф. Астауров. По окончании экспедиции были привезены значительные коллекции и зарисовки.

Зерцальская экспедиция, которая проходила в районе с. Зерцалы, расположенной в 12 км от г. Ачинска. Ее целью было проведение раскопок кургана, который, по сведениям местных жителей, неоднократно расхищался новопоселенцами. В экскурсии участвовал сотрудник музея П.Е. Чернявский, художник Б.Ф. Астауров, член общества краеведения А.А. Абрамов и 22 учащихся от городских школ 2-й ступени. Материалы раскопок дополнили фонды музея.

Также летом 1927 г. А.В. Блуменау была проведена Гляденская поездка, на станцию Глядень, Ачинско-Минусинской железной дороги, по заданию ОкрОНО. Ее цель заключалась в изучении вопроса охраны археологических памятников, расположенных в черте населенных пунктов и расхищаемых местным населением (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 5).

В 1928 г. по заданию музея была организована поездка по обмеру и заснятию на план Айдашинского озера. Руководителем был назначен преподаватель четвертой школы С.И. Кузнецов, которого сопровождало 8 учеников.

В том же году по заданию музея организована поездка в д. Айдашки по этнографическому и экономическому обследованию. В поездке участвовали член общества краеведения А.А. Скворцова и П.А. Ипполитова, а также 10 человек учащихся четвертой школы.

Кроме того, сотрудниками музея была организована экспедиция в Боготольский район на хребет Арга с целью исследования состояния археологических памятников, рас-

положенных на скале «Аржаковых». Участниками экспедиции были сотрудники музея: А.В. Блуменау, П.Е. Чернявский, археолог С.В. Киселев и преподаватель Боготольской школы Ложкина (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 5).

В том же году была организована экспедиция в южную часть Ужурского района с целью обследования и регистрации археологических памятников по заданию Общества изучения Сибири. Руководителем экспедиции был назначен П.Е. Чернявский (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 5об).

Летом 1929 г. сотрудниками музея и Ачинского общества краеведения была продолжена работа предыдущих лет по обследованию и регистрации археологических памятников, в связи с чем было организовано 4 экспедиции: 1) на берег р. Чулыма, где было обнаружено два городища; 2) на юго-восток от г. Ачинска между берегами р. Тептятки, станции Ачинск-2 и Мало-Улуйским трактом, где было обнаружено два кургана поздней татарской культуры и 3) на юго-западную часть Ужурского района, где в задачу экспедиции входило проведение раскопок и организация мероприятий по охране археологического памятника; 4) произведены раскопки Ачинских городищ археологом В.Г. Карцевым, П.Е. Чернявским и учащимися Ачинских городских школ (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 6).

В 1930 г. все научно-исследовательские работы проводились единственным сотрудником музея П.Е. Чернявским и двумя практикантами Смирновой и Луферчик. Так, были проведены работы по раскопкам у д. Покровка Тюхтетского района, в результате которых был обнаружен так называемый «археологический клад», который был датирован концом VIII–IX вв. В результате раскопок была получена коллекция из 270 предметов, состоящих из бронзы, железа, меди и других сплавов. По словам П.Е. Чернявского «данный клад был аналогичен «Ишимскому», хранящемуся в Красноярском краеведческом музее» (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 6).

В 1931 г. самостоятельных работ музеем не проводилось. Заведующий музеем П.Е. Чернявский на летний период был временно прикомандирован в Ачинско-геологическую разведывательную партию, где проводил практические работы геосъемки на протяжении двух месяцев и геолого-разведывательные работы на марганец в районе рек Таловка-Бобровка, на санполевые угли в районе станции Соболевка, на бурые угли у д. Бобровка, на цементное сырье в районе с. Покровское.

Примечательно, что музеем были предоставлены все материалы по полезным ископаемым, а также был составлен план разведывательных работ Ачинско-геологической разведывательной партии, которая вела работы на территории частей Ачинского и Козульского районов (АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 60б).

В результате проводимых научно-исследовательских работ музей приобрел значительный материал. На основании регистрационно-обследовательского материала составлено по учету полезных ископаемых Причулымского края более 300 карточек, которые сотрудниками музея планировалось использовать в деле хозяйственного освоения края. По археологии было зарегистрировано более 2000 памятников. Собраны значительные материалы по археологии, этнографии, экономике, историко-революционному движению. Основная часть материалов, полученных в этот период активных исследовательских работ музея и краеведческого общества, так и осталась неопубликованной.

Список сокращений

1. Ачинский городской архив (АГА).
2. Окружной отдел народного образования (ОкрОНО).

Список источников

1. АГА. Ф. 275. Оп. 1. Д. 99.
2. АГА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17.

Библиографический список

1. Вдовин А.С. К биографии и научной деятельности Павла Елисеевича Чернявского // Енисейская провинция. Красноярск: РИО КГПУ, 2006. Вып. 2. С. 44–48.
2. Демина М.Н., Баташев М.С., Вдовин А.С. Каргополов Д.С. – основатель Ачинского и Канского музеев // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 20–22.
3. Федотова М.М. К истории краеведения Большекемчугская экспедиция // Россия – Сибирь – Красноярский край: сборник материалов VIII Краеведческих чтений. Красноярск, 6 декабря, 2016 г. С. 178–181.
4. Хорина В.В. К истории создания Ачинского и Канского городских музеев Енисейской губернии // Региональные социо гуманитарные исследования. История и современность: материалы международной научно-практической конференции 25–26 января 2012 года. Пенза – Прага – Семей: Социосфера, 2012. С. 18–26.

РОЛЬ И МЕСТО АРХЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ROLE AND PLACE ARCHEOLOGY IN MODERN GENERAL HISTORY SCHHOL PROGRAM

А.А. Чебыкин

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Е.В. Акимова

Археология, педагогика, школа, образование.

Archeology, pedagogics, school, education.

В статье рассматриваются возможности и проблемы использования археологических знаний в контексте базовой школьной программы. Проводится анализ современных российских учебников

на предмет объемности материалов, с помощью которых ребенку можно дать максимальное количество знаний по предмету, а также привить интерес к изучению истории в целом.

There are considering of possibilities of using archeology in basic school program in the article. Some modern Russian historical school-books are analyzing for materials, which can give student knowledges about Primeval world, and give an interest to study history.

Археология – одна из важнейших исторических дисциплин, которая занимается изучением человеческой истории по вещественным источникам. Важность археологии обусловлена тем, что она позволяет изучать бесписьменные эпохи, а также истории народов, у которых письменность не сформировалась и в поздние исторические периоды (Арциховский). Не менее важным является огромный педагогический потенциал археологической науки. В первую очередь через археологию ребенок имеет возможность более углубленно изучать историю своей страны. Кроме того, занимаясь археологией, учащийся приобретает умения анализировать и интерпретировать, а также развивает в себе навыки проектной деятельности. Помимо этого, в ребенке воспитывается бережное отношение к памятникам истории и культуры [4].

Археология также имеет высокое значение как часть процесса формирования исторической картины мира в целом. В первую очередь археологические материалы играют высокую роль при изучении первобытного мира. Занимаясь изучением истории с использованием археологических материалов, учащиеся гораздо легче усваивают и упорядочивают новые знания. Также развивается логика мышления, умение индивидуальной работы, создаются навыки самостоятельного поиска информации [6].

Несмотря на то, что археология имеет высокую значимость для изучения истории, поскольку является одним

из базовых столпов, на которых строится историческая наука, педагогическая археология развивается по большей части как направление дополнительного образования [2]. Непосредственно в школьной программе археология представлена в контексте изучения бесписьменных исторических периодов. Однако достаточно ли полная информация дается в современных школьных учебниках? Для ответа на этот вопрос необходим анализ современных школьных учебных пособий. Первый взятый на рассмотрение учебник «Всеобщая история. История Древнего мира» под редакцией А.А. Вигасина, Г.И. Годер, И.С. Свенцицкой. Данный учебник был впервые издан в 1997 г., выдержал несколько переизданий и до сих пор используется на уроках истории в общеобразовательных школах. Как и в советских учебниках, здесь археологические материалы используются в контексте изучения бесписьменных исторических периодов: первобытная эпоха и частично Древний мир. Во введении авторы подчеркивают важность работы археологов для мировой истории и изучения цивилизации до появления письменных источников. Далее, в первой и второй главах, авторы используют большое количество археологических материалов. Причем ведется повествование не просто об использовании каменных орудий труда, уделяется внимание также и механизмам их создания. Кроме того, на протяжении двух глав, посвященных первобытной эпохе, можно проследить эволюцию развития орудий труда, использовавшихся древними людьми.

Особое внимание уделено наскальной живописи: ее описание занимает целый параграф, в котором авторы рассказывают об истории обнаружения первых наскальных рисунков, а также подчеркивают их важность в эволюции от животного-примата к полноценному человеку. В целом этот параграф дает очень хорошее представление о связи между наскальными рисунками и возникновением религиозных воззрений.

Если в первой главе авторы, по сути, вводят детей в понятие первобытности, то вторая глава рассказывает уже непосредственно о дальнейшем развитии первобытного человека – переходе от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Завершается глава переходом от первобытности к появлению цивилизаций.

К положительным особенностям учебника можно отнести весьма простой для восприятия пятиклассником язык, а также большое количество наглядных иллюстраций. Каких-либо серьезных недостатков, которые могли бы повлиять на формирование исторической картины мира у учащихся, выявлено не было.

В целом, можно утверждать, что учебник А.А. Вигасина, Г.И. Годер, И.С. Свенцицкой с опорой на археологический материал довольно полно показывает картину истории первобытного мира, а также дает хорошую базу для изучения дальнейших исторических периодов.

Вторая встреча с изучением первобытной истории происходит у детей в 10 классе, во время общего повторения и частичного углубленного изучения истории. Поэтому следующий анализируемый учебник – пособие «Всеобщая история, 10 класс», авторы: В.И. Уколова, А.В. Ревякин, под ред. А.О. Чубарьяна. Первая глава учебника рассказывает о происхождении и развитии человека в целом, а также о конкретных вещах, таких как археологическая периодизация. Для улучшения восприятия материала повествование ведется от простого к сложному, с переходами от древних эпох, где человек был наименее развит, к поздним, где произошла неолитическая революция. В контексте рассказа об археологической периодизации встречается больше всего ссылок на археологические материалы: используются ссылки на исследования ученых-археологов, а также специальная терминология, включающая в себя научные названия доисторических эпох камня, а также краткие упоминания

о каменных орудиях труда. Дан подробный рассказ о переходе от присваивающего хозяйства к производящему и его последствиях; на мировой карте отмечены основные центры неолитической революции, что плавно подводит учеников к возникновению первых цивилизаций. На этом повествование о бесписьменной эпохе истории человека заканчивается, и обучающиеся переходят к изучению истории Древнего мира.

Важной положительной особенностью данного учебного пособия является четкое последовательное повествование со ссылками на археологические исследования. Тем не менее в учебнике практически отсутствуют наглядные иллюстрации, без которых у детей не может сформироваться достаточно полная картина мира, а различные археологические термины, которые в изобилии присутствуют в тексте, без иллюстраций остаются просто словами, малопонятными для обычного десятиклассника.

Однако со своей главной целью – повторением и углублением знаний по изучаемому периоду – этот учебник справляется, давая развернутое объяснение практически всем сферам изучения первобытного мира.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что в российских учебниках введение в первобытную историю через использование археологических знаний и материалов реализовано достаточно полно, однако не без недостатков. Проанализированные учебники в своих первых главах позволяют заложить в головах учащихся хорошую базу для дальнейшего изучения всеобщей истории.

Тем не менее педагогам не стоит ограничиваться текстом учебника в изучении первобытного мира. Поскольку педагог – профессия творческая, то учитель может преподнести данную информацию в ходе различных игровых уроков, что позволит привить детям интерес к дальнейшему изучению истории.

Библиографический список

1. Арциховский А.В. Основы археологии. 2-е издание. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 275.
2. Бровко Д.В. Феномен педагогической археологии // Уссурийский краеведческий вестник. Уссурийск, 2004. Вып. 3. С. 5–9.
3. Вигасин А.А., Годер Г.И., Свенцицкая И.С. Всеобщая история, 5 класс: учебник. М.: Просвещение, 2014. 303 с.
4. Смоляк А.Р. Педагогическая археология и ее понятийный аппарат в образовательном пространстве // Российский психологический журнал. 2007. С. 74–77.
5. Уколова В.И., Ревякин А.В. / под ред. А.О. Чубарьяна. Всеобщая история, 10 класс: учебник. М.: Просвещение, 2012. 367 с.
6. Фролов И.В. Педагогический потенциал археологии (к вопросу использования археологического материала на уроках истории) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rezerv.narod.ru/frolov.html> (дата обращения: 08. 05. 2017).

СЕКЦИЯ 3. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

ВНЕШНИЙ ВИД СТУДЕНТА 1920-х гг. В СССР

THE STUDENT'S APPEARANCE IN THE 1920S IN THE USSR

К.В. Башкова

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент Л.Э. Мезит

Студент, СССР, рабфаковец, молодежь, повседневная жизнь, одежда, пролетариат, мода.

Student, USSR, «rabfak» student, youth, daily living, dress, proletariat, fashion.

В статье предпринимается попытка реконструировать внешний вид студента 1920-х гг. в СССР на основе записок, художественной литературы, фотографий и советского плаката.

This article attempts to reconstruct the appearance of the student 1920-ies in the USSR on the basis of notes, literature, photos and Soviet posters.

Советская Россия 1920-х гг. вызывает ныне повышенный интерес у части исследователей как исторический опыт переходного, динамично изменяющегося (транзитивно-го) общества, во многом схожий с современной российской действительностью. Молодежь 1920-х гг. являлась первым поколением советской истории, во многом определившим дальнейшее развитие общества и государства. Поэтому изучить и понять жизненный мир студента раннего советского общества – значит существенно приблизиться к пониманию понятия «советский человек». Данная тема является несо-

менно актуальной, так как через нее можно проследить трансформацию повседневной жизни студенчества из досоветского общества в рамки советского.

Цель данной статьи – реконструкция внешнего вида студентов в 1920-е гг. в СССР как элемента повседневности.

Стоит отметить, что в историографии такой аспект повседневной жизни студенчества, как внешний вид, изучен недостаточно. Можно выделить работы: А.Р. Маркова¹, Е.Э. Платовой². Отдельно хочется выделить работу А.Ю. Рожкова³, в которой автор описал одежду и манеры студенчества.

Источниковой базой нашего исследования являются произведения художественной литературы, советский плакат и фотографии, созданные в исследуемый период.

Как известно, 1920-е гг. в СССР совпали с кризисным этапом «пролетаризации» высшей школы, связанной с открытием первых рабочих факультетов. Понемногу стала пополняться категория студенчества, за счет появления так называемого «нового студенчества» – рабфаковцев. Поэтому описывать студентов как преимущественно «молодежь», относительно 1920-х гг. в СССР не представляется возможным, так как данная категория людей охватывала обширный возрастной и социальный состав населения.

Некоторым категориям студентов, таким как члены партии и комсомола, командированные профсоюзами, получающим стипендию и особо неимущим, на получение одежды выдавали ордера. Большинство студентов в ту пору одевались по принципу «ношу, что имею» [5, с. 46].

Главным в то тяжелое время было просто выжить, и со страниц личных дел доносятся просьбы о помощи: «Из

¹ Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 336 с.

² Платова Е.Э., Пшенко К.А. Новое студенчество России: образ жизни. 20-е г. XX столетия. СПб., 1999. 415 с.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.

одежды имеем только то, что одето на нас, а из белья по две смены», «Одна пара ботинок на две девочки», «Я обносился до последней возможности: белье и обувь, которые я приобрел на скудный учительский заработок в прошлом году, требует замены: верхней одежды нет совершенно» [7].

В гардеробе у юноши насчитывалось в среднем 2,5 пары нижнего белья, у девушки – 3 пары. У многих не было даже такой нормы. В «Записках вузовки» говорится об одной студентке Марусе Чинаровой, которая носила лохмотья вместо нормального нижнего белья, и оставаясь у подруги ночевать, стыдилась перед ней раздеться [1, с. 130].

Вещевым довольствием снабжались только рабфаковцы и иногда слушатели совпартшкол. Однако белье чаще было некачественное и выдавалось нерегулярно. Одна женщина признается, что у нее имелось всего одна юбка и две фланелевые блузки, которые она по очереди стирала и отглаживала [2, с. 59–60].

Советский писатель Ю. Слепухин охарактеризовал наряд студентки из интеллигентной семьи: «...она носила деревянные подошвы, а верх тогда выкраивали из чего угодно – коврик, обрезки кожи, декоративная ткань. Платье ее, простенькое, с напуском на бедра по моде было пошито из занавески, а верх деревяшек был из выцветшего гобелена – скорее всего обивка кресла» [3, с. 329]. Настоящая кожаная обувь продавалась в то время уже в частных магазинчиках, но мало кому она была доступна.

По признанию рабфаковки, студентки часто голодали, чтобы потратить свою стипендию на платья. Живя по принципу «лишь бы одеться», на сэкономленные деньги покупали что-нибудь «приличное».

Нельзя не обратить внимание на абсолютное смешение стилей одежды – от ультрамилитаристского до абсолютно гражданского, от устаревшего деревенского до сверхмодно-городского. Вместе с тем можно выделить два основных

стиля одежды: преобладающая часть носила «толстовки», кожаные куртки и «юнгштурмовки», и относительно меньшинство было одето по европейскому стилю – в костюмы с галстуками.

Одним из популярных видов униформы стала дореволюционная «толстовка» – широкая холщовая блуза свободного покроя, соединившая в себе элементы военной гимнастерки и русской рубахи. «Толстовка» стала унифицированной одеждой, новым массовым костюмом студенческой молодежи, отразившей «стиль РСФСР». Черта этого стиля заключалась в сочетании или «примирении» вертикали (воротника) с горизонталью (поясом).

Кожаные куртки черного цвета были особо распространены среди рабфаковцев начала 1920-х г., но вскоре вышли из моды. Общество устало от длительной борьбы, и знаковое содержание «кожанки» как стиля беспокойной военной жизни вошло в противоречие со сложившейся обстановкой [6, с. 339–341]. Выглядела она как прямая куртка, с двумя рядами пуговиц, отложенным воротником, четырьмя карманами и заклепками на запястьях. Подтвердить это могут фотографии из архива 1920 г. и музейная реконструкция.

Место черной «кожанки» в гардеробе рабфаковцев и комсомольцев заняла «юнгштурмовка» цвета темного хаки, заимствованная у немецких «спартаковцев» и позиционированная в комсомольской среде как эталон новой молодежной униформы. «Юнгштурмовка» сочетала в себе военный костюм с прозодеждой: гимнастерка навыпуск, с отложенным воротником и двумя карманами, брюки галифе, сапоги или ботинки с гетрами, португепя. Эта униформа была удобной и доступной для студенческого бюджета. Но к 1930-м гг. данное увлечение стало проходить. Это связано с прекращением многолетней борьбы с нэпманской модой в целом [2, с. 46].

Например, на картине Ивана Семеновича Куликова «Девушка в юнгштурмовке» можно отметить наличие у де-

вухи всех вышеописанных составляющих юнгштурмовки и фуражку на голове. На фотографиях 1920 г., найденных в архиве, также присутствуют все черты данной униформы.

В период перехода к нэпу, девушки-студентки стали отходить от образов эмансипированных коротко стриженных пролетарок в кожаных куртках, опоясанных ремнями, курящими папиросу, ругающимися крепкими выражениями и отрицавших психотипы гимназической «кисейной барышни». Отпала надобность в кожаных куртках. К концу 1920-х гг. вновь обозначилось стремление демонстрировать свое равенство с мужчинами, нося «юнгштурмовку», но и это быстро улетучилось. Очевидно, что студентке в «юнгштурмовке» было сложнее реализовать мечту о семейном очаге, потому что юноши стали предпочитать им нарядно одетых девушек в шляпках и платьях [6, с. 333–335].

На картине «Рабфаковка» Николая Касаткина и «Рабфаковцы» художников из АХХР можно увидеть стремление студенток одеваться женственнее – в обиход вошла красная косынка, повязанная на шее либо завязанная ниже затылка (а не на подбородке, как было раньше), широкая рубаша без пуговиц с длинными рукавами или $\frac{3}{4}$ и широкая юбка в пол или ниже колена.

Не стоит так же забывать, что век «юнгштурмовки» оказался короток и по причине цивилизаторской программы большевиков по «гигиенизации» населения (насаждению практики постоянной заботы о собственном теле). В обычных условиях отдыха и труда «юнгштурмовка» не соблюдала требования гигиены в отношении правильного выбора ткани и покроя [4, с. 44–47].

Второй группой студентов были непролетарские студенты «жоржики», одетые «по-европейски». Модный галстук, фетровая шляпа или форменная фуражка. Стоит отметить, что резкая дифференциация по происхождению, что была в первые годы после революции, начала исчезать. Существова-

ла взаимная диффузия стилей одежды двух групп студентов, в «толстовках» можно встретить часть непролетарских студентов, а в цивильных костюмах – пролетариев и крестьян.

Пытаясь продемонстрировать свою «культурность», пролетарский студент зачастую надевал костюм и галстук, не изменяя при этом своих привычных норм образа жизни – например, ругаться матом и быть грубым с женщиной. Напротив, воспитанный и образованный студент из обеспеченной семьи, боясь прослыть «интеллигентом», относительно легко одевался в простую «толстовку», но с трудом мог освоить уличный жаргон простолюдина [5, с. 278].

Необходимо сделать вывод, что одежда в 1920-е гг. в СССР утратила функцию украшения своего хозяина. Напротив, она должна была помочь затеряться в толпе, скрыть социальную принадлежность, а по возможности подчеркнуть и лояльное отношение владельца к большевикам. Время сформировало свой эстетический тип предельной функциональности, при котором то, что напоминает об ушедшей насильственно отринутый бытовой культуре, воспринималось как враждебное. Процесс демократизации одежды нашел свое отражение и в студенческой сфере. Отказ от моды, простота и демократичность внешнего облика, отсутствие акцентирования различий между мужской и женской одеждой оставили глубокий след в костюме студенческой молодежи 1920-х гг.

Библиографический список

1. Азволинская Н. Записки вузовки // Октябрь. 1929. № 1. С. 128–138.
2. Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы. М.: НЛЮ, 2008. С. 45–61.
3. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в г. нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.
4. Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 годов. М: Новое литературное обозрение, 2005. 336 с.

5. Платова Е.Э., Пшенко К.А. Новое студенчество России: образ жизни. 20-е г. XX столетия. СПб., 1999. 415 с.
6. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
7. Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. 432 с.

**«РОЖДЕСТВО ТВОЕ, ГУБТРУД НАШ»:
СОВЕТСКИЙ БЫТ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПРАЗДНИКОВ
В КРАСНОЯРСКЕ (1923)**

**«THE BIRTH, O GUBTRUD OUR»:
SOVIET LIFE OF CHRISTMAS HOLIDAYS
IN KRASNOYARSK (1923)**

И.Е. Бобрик

Научный руководитель

кандидат исторических наук А.С. Вдовин

Енисейская губерния, церковь, комсомольское рождество, праздник, Рождество, антирелигиозная пропаганда, советский быт, Сибирь, Красноярск, выходной.

Yenisei province, church, Komsomol Christmas, Christmas, holiday, anti-religious propaganda, soviet everyday life, Siberia, Krasnoyarsk, nonworking day.

В статье на материалах региональной периодической печати 1923 г. рассматривается зарождение и развитие комсомольского рождества в Енисейской губернии. В 1923 г. местной властью Рождество было перенесено на 8 января, хотя основные праздничные мероприятия проводились 7 января. В работе воссоздается история празднования Рождества различными социальными группами, показано переплетение различных праздничных событий в одном дне.

The article explores the origin and development of Komsomol Christmas in Yenisei province. The paper is based on the materials of the periodical press (1923). In 1923 the local authorities moved Christmas to January 8, although the main celebrations took place on 7 January. The work reconstructs the history of celebrating Christmas different social groups, shows the interweaving of the different festive events in one day.

Современная историческая наука все больше склоняется к изучению отдельных сторон человеческой жизни, конкретных ситуаций и локальных событий. История повседневности на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений в исторических исследованиях, число которых уже давно перешло за сотню.

Повседневность во многом является противоположностью празднику, поэтому данная работа анализирует именно праздничный день, а не трудовые будни. Праздничные дни в календаре и сегодня являются для нас неотъемлемой жизненной составляющей. Как и много веков назад, календарные праздники делают нашу жизнь ярче. Не случайно культурологи утверждают, что *Homo Sapiens* всегда был не только *Homo Ludens* (человеком играющим), но и *Homo Feriens* (человеком празднующим) [1, с. 125]. Праздник – не что иное, как естественная потребность разрыва от повседневности. По сути, сам праздничный день ничем не отличается от будничного, и только некая договоренность между людьми делает его необычным.

Проблема становления советской праздничной культуры в первое послереволюционное десятилетие привлекает исследователей на протяжении длительного времени, однако ее антирелигиозный аспект стал объектом пристального изучения лишь в постсоветской России. 1920-е гг. характеризуются антирелигиозным давлением на церковные праздничные традиции путем введения «комсомольских» Рождества и Пасхи.

Исследователи религиозной жизни Приенисейской Сибири в 1920-е гг. делают акцент на антирелигиозной стороне указанных праздников. Так, А.П. Дворецкая отмечала, что религиозные праздники в регионе являлись объектом пропаганды и «краткосрочных массовых кампаний» [2, с. 81], М.В. Холина особо подчеркивала угнетающий характер этих акций для религиозных традиций населения «хулиганскими уличными карнавалами» [6, с. 33], хотя само «празднование» в неразрывной связи с конкретным днем и жизнедеятельностью определенных социальных групп на сегодняшний день так и не стало предметом исследования. Хотя стоит признать, что такое исследование является актуальным, поскольку сейчас мы слышим обратные призывы пересмотра советской праздничной культуры. Поэтому исторический опыт наполнения традиционных праздников новым содержанием представляется интересным.

До 1917 г. Русская православная церковь ритмизировала время населения. Она определяла время праздников и будней, запрещая работать по праздникам, тем самым позиционируя их как отдых. Это наложило свой отпечаток и на дальнейшую судьбу церковных праздников: до 1925 г. некоторые церковные праздники являлись гражданскими. В календаре за 1923 г. они числятся под названием «местные дни отдыха».

В июле 1923 г. Л.Д. Троцкий писал, что церковь «украшает» ключевые события «монотонной жизни трудовой семьи» [5]. Аналогичные суждения мы увидим и в газете «Красноярский рабочий»: «Церковь давала и дает и сейчас то, чего в обычной жизни мы лишены. Она дает пищу воображению, она дает приятные впечатления и ощущения (сеет праздничную торжественную обстановку, хор и т.д.), она разнообразит бедную впечатлениями жизнь» (Красноярский рабочий. 1924. № 6. 8 января).

Первые попытки вложить антирелигиозное содержание в традиционные праздники были связаны с двумя важ-

нейшими христианскими праздниками – Рождеством и Пасхой, наполняя прежние формы «новым социальным осмыслением их содержания», предварительно детально их изучая и «подгоняя под революционные» даты [3, с. 194].

22 декабря 1922 г. на собрании первого Красноярского горрайкома было объявлено о начале спланированной антирелигиозной пропаганды, отметив, что местным комсомолом подготавливается «антирождество», включающее в себя «религиозный диспут, митинг, антирелигиозную демонстрацию» [4]. 26 декабря состоялась конференция молодежи, посвященная грядущему Рождеству. «Не признавая религии, этого дурмана, веками отравлявшего сознание рабочих масс, мы все же и до сих пор поддавались обрядовой стороне религии» – докладывал т. Тяжельников (Красноярский рабочий. 1922. № 293. 29 декабря). С наступлением нового 1923 г. предполагалось «устроить торжественные похороны отжившим суевериям», т.е. религиозным праздникам. 31 декабря на праздновании годовщины создания РКСМ было объявлено, что «комсомольское рождество будет первой атакой, первым ударом» по религии (Красноярский рабочий. 1923. № 3. 4 января).

Пока комсомол готовил антирелигиозную акцию, Енисейский губернский отдел труда в этот же день перенес Рождество на день позже, о чем было сообщено в губернской газете: «Ввиду того, что предстоящий праздник Рождества совпадает с днем еженедельного отдыха трудящихся – воскресным днем, губернский отдел труда по соглашению с губпрофсоветом постановили: считать первым днем праздника Рождества понедельник 8 января и вторым вторник 9 января» (Красноярский рабочий. 1923. № 2. 3 января). Причины данного поступка, невзирая на то, что в календаре Рождеству полагается быть 7 января, хоть и в воскресенье, были обозначены сразу. «Еженедельный отдых трудящихся», по мнению отдела труда, не может совпадать с Рождеством, поэтому «не совпало бы Рождество с воскре-

сеньем – не было бы никаких вопросов» (Красноярский рабочий. 1923. № 4. 6 января).

Таким образом, 7 января в ожидании традиционно принимающих этот день граждан – Рождество Христово, для красноярского комсомола – «День революционной молодежи, освободившейся от религиозных предрассудков» (Красноярский рабочий. 1923. № 5. 7 января), а, по мнению губтруда, 7 января и без того праздник, поскольку является воскресеньем. Кроме того, 7 января для красноярцев было связано с другим событием – годовщиной занятия Красноярска красными войсками, которую отмечали к тому времени третий год подряд.

Местная пресса встретила торжественный день 7 января 1923 г. всевозможными заметками: о Рождестве, о Колчаке, о комсомольцах и антирелигиозной пропаганде. Особо подчеркивалось, что занятие красными Сибири состоялось «как раз накануне Рождества» (Красноярский рабочий. 1923. № 5. 7 января).

Комсомольцы, как и верующие, начали «праздновать Рождество» 6 января. В двух районах РКСМ торжества начались поздним вечером. В первом районе мероприятие, проходящее в театре, открылось лекцией о сущности празднования комсомольского рождества, затем был дан концерт в виде «рождественской всенощной», с пением тропарей «рождения Красного октября» и пародий на молитвы. К 3 часам ночи «программа» была окончена, и комсомольцы двинулись во второй район РКСМ, в котором «веселье» продолжалось до 7 утра. В одно время с вечерней демонстрацией, посвященной освобождению Сибири от белых, комсомольцы организовали антирелигиозную демонстрацию в форме похорон, с «красными звездами» и «знаменами», картонными «русским батюшкой и раввином Шмерковичем [раввин Красноярской синагоги – И.Б.]», макетом синагоги и православной церкви на катафалке, предназначенными для сожжения (Красноярский рабочий. 1923. № 6.

8 января). Шествие сопровождалось различными песнями, в том числе исполнялась переделанная песня «Смело товарищи в ногу»: «Праздник Христова рожденья, чужд нам отныне всегда, мы, молодежь, воплощение – праздников новых труда» (Красноярский рабочий. 1923. № 5. 7 января).

Что касается партийных структур, на 7 января было запланировано совещание секретарей красноярского горрайкома, невзирая на праздники. Но ни 7, ни 8, партсобрания не состоялись, ввиду того, что члены партии «увлеклись праздниками» (Красноярский рабочий. 1923. № 8. 13 января).

Напечатанные в газете фельетоны довольно остро отметили сложившуюся ситуацию с праздничными рождественскими днями в Красноярске. Так, в фельетоне «Рождество твое, губтруд наш» указывалось: «Рождество по живой церкви, рождество по мертвой, рождество по-комсомольски и... рождество по губтрудру» – «следовало бы праздновать два дня, но мы воскресенье в счет не берем, вот и три дня получается. Пусть себе Церковь два дня празднует, нам какое дело» (Красноярский рабочий. 1923. № 4. 6 января).

Таким образом, в Красноярске прошло Рождество и по церковным традициям, «и по губтрудру, и по календарю» (Красноярский рабочий. 1923. № 6. 8 января). При рассмотрении комсомольского рождества в неразрывной связи с конкретным днем видно, что данная антирелигиозная акция являлась лишь частью общих празднеств, запланированных 7 января. Можно сказать, что комсомольское рождество стало новой рождественской праздничной культурой «революционной молодежи», которая сама понимала данный праздник как «день освобождения от предрассудков».

Библиографический список

1. Вереитинова Т.Ю., Галиченко А.Ю., Азарова Л.И. Праздник как историко-антропологический феномен // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). Т. 28. С. 124–128.

2. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск: СФУ, 2015. 188 с.
3. Кукина И.В. Церковный календарь и народный месяцеслов. Православные праздники и народные обычаи в Курской области в период антирелигиозной пропаганды и агитации 20–30-х гг. XX в. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 6. С. 192–196.
4. Религия и власть на территории Красноярского края. 1920–1991. Сборник архивных документов и материалов. Книга 1. 1920–1941. Красноярск, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2002Dvorecka/03.htm> (дата обращения: 27. 04. 2017).
5. Троцкий Л.Д. Семья и обрядность // Правда. 1923. № 156. 14 июля.
6. Холина М.В. Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. С. 31–41.

ТЕМА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В КИНЕМАТОГРАФЕ СЕРЕДИНЫ 1940-х – СЕРЕДИНЫ 1980-х гг.

THEME OF MILITARY CHILDHOOD IN THE CINEMATOGRAPHER. MIDDLE 1940 – MIDDLE 1980

Н.А. Быканова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Н.В. Ворошилова

Визуалистика, история, кинематограф, Великая Отечественная война, детство, советское кино, советская культура, образ детей. Visualistics, history, cinematography, The Great Patriotic war, childhood, Soviet cinema, Soviet culture, the image of children.

Статья посвящена исследованию темы военного детства в рамках визуальной истории. В работе прослеживается эволюция репре-

зентации военного детства в советском кинематографе, выделены ее этапы и характерные особенности каждого из них. Выявлены основные факторы, влиявшие на изменение кинематографа, эволюцию темы военного детства. Дана оценка кинематографу как историческому источнику.

The article is devoted to the study of the theme of military childhood in the framework of visual history. The work shows the evolution of the representation of military childhood in Soviet cinema. The main stages of the representation of this topic are highlighted. The characteristic features of each stage are analyzed. The main factors influencing the change in cinematography, the evolution of the theme of military childhood, are revealed. An estimation is given to cinematography as a historical source.

Великая Отечественная война народов СССР против фашистской Германии – значимая веха в истории XX в., событие, вычеркнуть которое из истории невозможно. Она принесла и Великую Победу, и невосполнимые потери. Однако среди неисчислимого количества бед самой тягостной и трагичной оказалась обездоленность подрастающего поколения военных лет. Миллионы детей, начиная с грудных младенцев и заканчивая подростками, так или иначе пострадали от войны. У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря прекрасного мира детства.

Тема военного детства является одной из самых малоисследованных в истории, и в частности, в визуальной истории. Специфика кинематографа как исторического источника мало изучена в отечественной историографии. На данный момент изучением кинематографа занимается визуалистика – новое современное направление гуманитарной науки.

В этом направлении вели свои исследования А. Талавер [5], рассмотревшая репрезентацию мифа о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе, Е.И. Щербакова [2] и другие авторы. Серьезный вклад в разработку теоретических подходов и прикладных методов визуалисти-

ки внесли авторы сборников «Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия» [3] и «Визуальная антропология: настройка оптики» [1]. Нельзя не отметить и второе издание специального выпуска журнала «Неприкосновенный запас» [4]. Уже из названия сборника «Память о войне 60 лет спустя» понятна его актуальность.

Источниковой базой для работы послужили кинофильмы о войне, снятые за период с середины 1940-х до середины 1980-х г. Советское кино о войне прошло в своем развитии несколько этапов. Это было связано с рядом причин, например, изменениями в партийно-государственной идеологии и политике в целом, и по отношению к кинематографу, в частности. Также влияли с различной степенью интенсивности культурные контакты страны с зарубежной, в частности, западной культурой, оказывавшей определенное влияние на наше кино. Менялись поколения кинематографистов. Все это предопределяло и изменения взгляда кинематографистов на войну. А. Талавер в работе «Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого» также выделяет основные этапы развития отечественного кино о войне [5, с. 26]. Нужно отметить, что в целом используемая нами в работе периодизация совпадает с предложенной А. Талавер.

На наш взгляд, в эволюции репрезентации военного детства в советском кинематографе можно выделить 3 этапа.

В киноискусстве послевоенного времени (середина 1940-х – середина 1950-х) особый акцент ставился на утверждении военного опыта как источника истинных ценностей, которые объединяют людей и общество: советский народ выступает единым и непоколебимым фронтом против фашизма.

В первые же годы войны начала складываться определенная интерпретация событий, которая во многом служила задачам военной агитации. О проблематизации этого взгляда в рамках официальной историографии не могло идти

и речи. Произведения, в которых проблематизировался трагический опыт, долгое время были табуированы.

Фильмы этого периода завершаются уверенностью главных героев в победе, разгроме немцев. Победа придает смысл всем тяготам и страданиям. Война рассматривалась как грандиозный триумф, достигнутый благодаря героизму именно советского народа. Потерянное детство в кинолентах этого времени перекрывается триумфом победы.

В этот период вышли в свет такие киноленты, как «Жила была девочка» (реж. В. Эйсымонт, 1944), «Молодая гвардия» (реж. С. Герасимов, 1948). Они характеризуются патриотичностью, отражением героизма и отваги, это подчеркивает, что кинематограф в этом периоде выступал в качестве мощного средства пропаганды, воодушевлявшего людей, призывавшего их к объединению.

В военных фильмах «оттепели» жертвы, страдания, полнотные судьбы людей выходят на первый план. И если в фильмах 1950-х, таких как «Орленок» (реж. Э. Бочаров, 1957), «Девочка ищет отца» (реж. Л. Голуб, 1959), и существует некая недосказанность, утрированность и идеализация героев, которые можно рассматривать как наследие предыдущего этапа становления военного кино, то в фильмах 1960-х – «Иваново детство», «Через кладбище» – все внимание зрителя приковано к переживаниям героев, их судьбе. В период «оттепели» в военных фильмах страдания и тяготы выходят на первый план, сложная психология человека и его судьба на войне становятся предметом внимания многих кинорежиссеров. В кинофильмах явно заметен «поворот к человеку».

Отечественный кинематограф, благодаря кинофильмам времен «оттепели», завоевал призы на престижных международных кинофестивалях. Фильм А. Тарковского «Иваново детство», снятый в 1962 г., получил престижные призы на крупных кинофорумах. В общей сумме «Иваново детство» удостоилось почти двадцати разных призов, среди которых

главные призы МКФ в Венеции и Сан-Франциско. Фильм о войне «Через кладбище» 1964 г. Виктора Турова в 1995 г. он был внесен ЮНЕСКО в список ста лучших фильмов о войне.

И наконец, последний этап – кинематограф середины 1960-х – середины 80-х гг. Он представлен такими фильмами, как «Пятнадцатая весна» (реж. И. Туманян, 1971), «Иди и смотри» (реж. Э. Климов, 1985). Тема военного детства раскрыта в нем наиболее полно в сравнении с предыдущими периодами. В картинах нет лишнего пафоса и идеологической подоплеки.

Фильмы, безусловно, отличаются большим психологизмом. Акцент делается на людях, в нашем случае – детях, прошедших войну. Фильмы ставят вечные вопросы бытия. В фильме Климова «Иди и смотри» зарождается одна явная тенденция, которая потом закрепились в отечественном киноискусстве в перестройку и постсоветский период – гиперреализм, даже можно сказать натурализм в показе ужасов войны. Именно в этих фильмах можно увидеть старые документы и фото войны как подтверждение истинности повествования.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что советские кинофильмы являются ценным источником для изучения проблемы военного детства. Кинематограф позволяет проследить перемены в общественном сознании по отношению к проблемам детей военной эпохи, дает понимание глубоких психологических последствий войны для целого поколения, пережившего ее.

Библиографический список

1. Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 296 с.
2. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО XXI, 2011. С. 473–488.

3. Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / редкол.: И.В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 476 с.
4. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 784 с.
5. Талавер А. Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 56 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

THE PROVISION OF FOOD TO THE RESIDENTS OF KRASNOYARSK IN THE PERIOD OF CIVIL WAR AND WAR COMMUNISM

А.В. Валюнова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Л.Э. Мезит

Повседневность, Сибирь, Красноярск, гражданская война, «военный коммунизм», продовольственная политика, карточная система, голод, мешочничество, паек.

Everyday life, Siberia, Krasnoyarsk, the Civil War, «military communism», food policy, card system, hunger, bagging, ration.

В статье анализируется уровень обеспеченности продовольствием жителей Красноярск – одного из крупнейших городов Сибири. Рассматривается политика советской власти, с первых дней столкнувшихся с продуктовой проблемой, попытки стабилизации положения в городе, не давшее ожидаемого результата. Политика противоборствующей стороны, ощутившей на себе те же сложности с продовольствием, что и их предшественники, также не смогла справиться с голодом и спекуляцией, что в числе других факторов привело к известным результатам.

This article analyzes the level of food security of Krasnoyarsk residents – one of the largest cities in Siberia. We consider the policy of the Soviet government, from the first days faced with a food problem, attempts to stabilize the situation in the city, did not give the expected result. The policy of the opposing party, which experienced the same difficulties with food as their predecessors, was also unable to cope with hunger and speculation, which, among other factors, led to well-known results.

Период гражданской войны и военного коммунизма в Сибири до сих пор пользуется большой популярностью у исследователей. Но основная их масса посвящена военным действиям, политическим и экономическим шагам власти. Рассмотрение данного периода с позиции истории повседневности позволяет увидеть жизнь тыла, его каждодневные заботы и проблемы. В данной статье автором был выбран наиболее показательный аспект повседневности – уровень обеспечения населения продовольствием, на основе которого можно увидеть, как протекала жизнь города и человека в нем.

Цель данной статьи – анализ уровня обеспечения продовольствием населения города Красноярска в период 1918–1920 гг.

Стоит отметить, что повседневность города Красноярска в данный временной отрезок еще недостаточно изучена. При этом хочется обратить внимание на монографию В.Г. Кокоулина, где на материалах газет дан обширный материал по истории повседневности сибирских городов, в том числе и Красноярска, статью Я.В. Капустиной, в которой освещаются некоторые факты повседневности, и работу А.Ю. Давыдова, где дана характеристика такому распространенному явлению, как мешочничество.

С первых дней существования своей власти большевики столкнулись с проблемой обеспечения продуктами питания. В феврале 1918 г. были повышены цены на продовольствие. Выдача продуктовой нормы проводилась по книжкам

и в половинном объеме. Помимо хлеба, ощущался дефицит мяса, поэтому городская продовольственная управа в январе 1918 г. выпустила в продажу партию дичи, отпускавшуюся сверх нормы и вне книжек. В будущем власти намеревались еще более сократить норму выдачи [5].

В нехватке продуктов, прежде всего, обвиняли спекулянтов или мешочников. Феномен мешочничества зародился с появлением «хвостов» – очередей за хлебом, сахаром и табаком. Долгие часы ожидания в очередях и понимание, что время тратится впустую, приводили к мысли направить свою социальную энергию в область самоснабжения. Чтобы пресечь развитие данного явления, было принято решение ликвидировать все места частной торговли, а крупные партии товаров передать в распоряжение большевиков. На основные продукты намеревались установить твердые цены, но для этого первоначально необходимо было наладить строгий товарообмен между городом и деревней. Но на практике это выглядело следующим образом: все товары, поступающие в деревню из города, менялись только на хлеб. Таким образом, товарно-денежные отношения были фактически не развиты, главным средством обмена стал хлеб – мерило всех богатств [1, с. 36–37].

После смены власти большевиков новая власть столкнулась с точно такими же проблемами в экономической жизни города. Заготовка и распределение хлеба и мяса осталось в руках правительства. 6 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство принимает постановление о регулировании торговли мясом и хлебом. Регулирование торговли, а также закупку товаров для казны на местах осуществляли уполномоченные министерств продовольствия и снабжения. Ситуация на продовольственном рынке в июне 1918 г. была напряженной. На 25 июня 1918 г. в Красноярске наличие хлебных продуктов исчислялось в 44 тыс. пуда, на всех ссыпных пунктах губернии 150 тыс. пудов хлеба. Данного

количества не могло хватить для снабжения населения города и всей губернии. Запасами сахара губерния была обеспечена не более чем на 3 месяца. Неблагоприятной была ситуация и с мясом, поскольку поголовье скота в губернии сократилось, а крестьяне не спешили продавать ту часть, которая у них осталась, чтобы самим выжить.

В годы нахождения у власти белых цены снова стали расти с августа 1918 г. Например, в сентябре 1918 г. цены на продукты питания за один пуд составляли: мука ржаная – 8 руб., сахар – 60 руб., соль – 6 руб. 80 коп. При этом увеличивалась норма пайка по продовольственным карточкам: мясо – увеличение до 4 фунтов на душу населения в месяц, муки до 30 фунтов (10 – ржаной, 15 – пшеничной, 5 – сеянки), масла экспортного до 4 фунтов в месяц [4].

После событий 18 ноября 1918 г. в Омске адмирал А.В. Колчак уже в качестве Верховного правителя России 10 декабря утвердил постановление Совета министров об отмене государственного регулирования торговли хлебом, мясом и маслом. Также вводилась торговля данными продуктами «свободно и по вольным ценам». В связи с этим власти проявляли беспокойство за обеспечение хлебными запасами населения Красноярска. Через прессу представители власти приглашали на совещание торговцев и промышленников города для решения вопросов по заготовке хлеба. Это была попытка стабилизировать ситуацию [2, с. 23–24].

В период гражданской войны ни красная, ни белая власть не смогли решить проблему продовольствия, что настраивало против них горожан и деревни.

В период военного коммунизма дефицит продовольствия продолжал оставаться болевой точкой сибирской повседневности. Если раньше проблематично было найти лишь некоторые виды продуктов, то теперь обыватель столкнулся с ситуацией, когда продукты фактически исчезают из свободной продажи по любым ценам, а получить продук-

товую норму в продовольственных лавках даже по карточкам было достаточно сложно. Кроме того, рост цен, с которым горожане сталкивались в 1919 г., казался уже не таким ужасающим по сравнению с 1920 г. Например, в декабре 1919 г. пуд муки стоил 290 руб., а уже в апреле цена остановилась на отметке 2500 руб. Некоторое понижение цен на рынке было связано с подвозом тех или иных продуктов из деревень, когда крестьянин все же решался продать часть своих запасов. Во время усиленного подвоза крестьянами в Красноярске в январе пуд муки подешевел до 167 руб. В связи с дефицитом выросли цены на товары у красноярских продавцов. Чай подорожал на 120 руб. и теперь стоил 150 руб. за фунт. Иностранцы, в частности, китайцы, видя проблему дефицита, также стали существенно повышать цены – табак вместо 300 руб. за фунт стал стоить 600 и даже 800 руб. Все это ставило перед жителем Красноярска первоочередную задачу не только «добыть» продовольствие, но и суметь за него расплатиться.

Весной 1920 г. рост цен продолжался. Этому способствовали активные боевые действия в районе Красноярска, приведшие к еще большему дефициту, поскольку армия, сначала белая, затем и красная, естественно нуждалась в продовольствии и фураже. Факты, подтверждающие неблагоприятную продовольственную ситуацию в городе, содержит телеграмма, отправленная из Красноярска в Омск 19 марта: «Красноярск находится в особо неблагоприятных условиях в смысле продовольствия<...> В настоящее время Красноярск находится в ближайшей прифронтовой полосе. Твердые цены не введены, рыночные цены небывало высоки, растут с каждым днем, так, фунт мяса стоит 70 рублей, фунт экспортного масла – 200 руб., сала – 150 руб., обувь и предметы обмундирования добываются с большим трудом по непомерным ценам. За отсутствие фуража наблюдаются массовый падеж скота, воз соломы является редкостью

и стоит 1200 руб.» [3, с. 247–248]. Таким образом, можно сказать, что военные действия, проходившие в окрестностях Красноярска, усугубили и без того сложную ситуацию в продовольственной сфере.

С упрочением советской власти в Красноярске дефицит продовольствия удастся преодолеть не сразу. Например, в сводке Красноярского губчека за 8–15 апреля 1920 г. отмечалось: «Продовольственное состояние Красноярска не в особенно благоприятных условиях. Цены на все продукты и предметы потребления быстро поднимаются. Две недели тому назад мука, стоившая 400 руб. за пуд, ныне дошла до 1000 руб., сапоги от 2000 до 6000 и 7000 руб.» [3, с. 248].

На такой «стратегический» продукт, как табак, махорка, папиросы и спички, в Красноярске в апреле 1920 г. торговцами, а это были главным образом китайцы, ежедневно прибавлялись цены. Например, цена на коробку спичек за три недели выросла с 6 до 20 руб. [3, с. 248].

Таким образом, можно говорить о том, что уровень обеспечения продовольствием в период гражданской войны и военного коммунизма зависел не только от политической и экономической ситуации, но и настроений деревни, которая являлась основным поставщиком продовольствия в годы войны.

Библиографический список

1. Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб.: Алетейя, 2007. 396 с.
2. Капустина Я.В. Экономическая политика «красной» и «белой» властей в Красноярске в г. гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30).
3. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные г. (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 385 с.
4. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 31 августа.
5. Красноярский рабочий (Красноярск). 1918. 14 января.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

PECULIARITIES OF ORGANIZING AND CONDUCTING MASS SOVIET HOLIDAYS FOR CHILDREN AND YOUTH

А.Д. Ванькова

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент Л.Э. Мезит

Идеология, массовый праздник, молодежь, общность, праздничная культура, социализация.

Ideology, mass holiday, youth, community, festive culture, socialization.

В статье рассматриваются особенности организации и проведения массовых советских праздников, а также, какие праздники, создаваемые советской властью, были нацелены на рассматриваемую возрастную категорию населения и восприятие ими проводимых праздников.

In this article, the features of organizing and holding mass Soviet holidays are discussed, as well as what holidays created by the Soviet authorities were aimed at the age category of the population under consideration and the perception of the holidays held by them.

Праздник всегда являлся значимым составляющим человеческой деятельности вне зависимости от эпохи и географического расположения. Исследование восприятия праздника в конкретный период истории помогает исследователям выяснить представления о порядке и укладе жизни, характерные для общества изучаемого периода времени.

В современном мире основой праздничного календаря являются официальные государственные (День народного единства, День российского флага, День независимости) праздники, нередко ожидаемые как просто дополнительный

выходной от работы день, религиозные праздники и праздники, сложившиеся в советскую эпоху (День победы, День всех трудящихся, профессиональные праздники, Международный женский день и т.д.). С учетом того что в наши дни идет процесс формирования новой системы праздников постсоветского периода, чрезвычайно необходимым является усвоение опыта, как положительного, так и негативного, организации праздников.

Цель настоящей статьи – выявить особенности проведения молодежных и детских массовых праздников в советский период.

Советская власть уделяла большое внимание организации праздников для детей и молодежи: создавались новые праздничные стандарты, осуществлялась выработка правильных (с точки зрения идеологии) форм праздничной деятельности.

По мысли организаторов, праздники были призваны обеспечить идеологическое воспитание молодых граждан. Организаторы не скрывали, что работать им приходится с «трудным контингентом», так как молодежь «испорчена с малых лет: курит, пьет, с детства испытывает всю тяжесть жизни, и холод, и голод, подвергается развращенному влиянию улицы, окончательно расстроив здоровье» [4]. Это приводило к указам власти касательно большей охвата торжественными мероприятиями, предоставив, таким образом, детям и молодым людям альтернативу пагубному времяпрепровождению. Полагалось, что проводимые торжества помогут юной части населения правильно расставить приоритеты и стать достойной частью общества.

Для граждан детского и юношеского возраста в «Красном календаре» обозначались свои торжества регулярного характера, главенствующими из которых являлись День ребенка и Международный юношеский день (МЮД) [1] – праздник, проводившийся в основном для комсомольцев и пионеров.

День ребенка проводился по большей степени в качестве пропаганды среди детей здорового образа жизни – накануне праздника проводились субботники. Развлечением во время праздничного дня для детей были спектакли и сценарии в кино, хороводы и карусели.

Международный юношеский день проходил в виде демонстраций и праздничных митингов, в которых принимали участие школьники, пионеры, комсомольцы.

На молодых людей также был ориентирован и праздник День допризывника, пропагандирующий службу в Красной армии. К официальной части праздника могли быть отнесены так называемые «парады допризывников», что являлось смотром будущего пополнения армии. Для юношей это было событие большой важности – первый парад в их жизни, ведь участие в параде армейского командования не позволяло относиться к нему как-то пренебрежительно. Также официальной частью праздников считались доклады и лекции: юным гражданам подробно объяснялось значение всех праздников, находящихся в «Красном календаре». Молодежь и дети, принимавшие участие в общегородской демонстрации, участвовали в торжественных собраниях вместе со взрослыми, а также в школах и в пионерских домах [2].

Дети обращали самое пристальное внимание на убранство улиц города, вследствие этого организаторы прилагали максимум усилий, дабы придать им торжественный и праздничный вид.

Планируя детские праздники, учитывалась и потребность детей в играх. Игра считается эффективным средством формирования личности, в ней реализуется желание влиять на окружающий мир, исходя из этого, разработка соответствующих игр занимала не последнее место в подготовке праздничных мероприятий. При этом в приоритете считались подвижные игры, так как считалось, что такие игры полезно влияют как на физическое развитие детей, так и на психическое здо-

ровые – развивают силу, выносливость, находчивость, сообразительность, волю; нежели интеллектуальные игры.

Нельзя не отметить также, что воспитание молодого поколения как граждан советского государства являлось приоритетной составляющей проводившихся праздников [4].

Таким образом, организаторы пытались сделать праздничные мероприятия доступными для восприятия, красочными для привлечения внимания и оптимистичными для лучшей поддержки праздников населением. Праздники создавались и проводились, дабы подчеркнуть то, как повезло юным гражданам родиться и жить в СССР.

Подрастающему поколению внушалось, что они будущая опора пролетариата. Концентрировалось внимание детей и молодежи на том, что им предстоит нести на себе ответственность за достижения советской власти.

Тем не менее юные представители общества видели в праздниках в большей степени возможность отдохнуть от рутины будней и разбавить серость повседневной жизни яркими красками. Исходя из этого, организаторы не могли не учитывать этот фактор для обеспечения большего процента посещаемости проводимых мероприятий. В целом праздники для детей и молодежи отличались чуть более качественной подготовкой, нежели торжества, проводимые исключительно для взрослого населения, тем, что к организации подростковых праздников привлекались сами представители молодежи, которые в силу возраста умеют предаваться радости, несмотря на все трудности жизни.

Библиографический список

1. Любич А. Международный юношеский день. М.: Молодая гвардия, 1927. 62 с.
2. Немиро О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л.: Художник РСФСР, 1927. 232 с.
3. Рюмин Е. Массовое празднество. Л.: ГИЗ, 1927. 78 с.

4. Шаповалов С.Н. Советские праздники и политическая социализация молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-prazdniki-i-politicheskaya-sotsializatsia-molodezhi>.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.

WEDDING CEREMONIES OF THE YENISEI PROVINCE IN THE XIX CENTURY

Ю.А. Леонидова

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент Л.Э. Мезит

Свадебные обряды, Сибирь, Енисейская губерния.

Wedding ceremonies, Siberia, Yenisei Province.

Рассматриваются основные особенности быта народов Енисейской губернии на основе свадебных обрядов.

The main features of the life of the people of the Yenisei province are considered on the basis of wedding ceremonies.

Историки, изучающие повседневность, зачастую обращаются к помощи этнографов, материалы которых позволяют реконструировать обычаи, поведение людей в конкретной ситуации, установить особенности их жизненного уклада, традиции.

Свадебные обряды являются одной из очень важных составляющих быта народов Приенисейского края. Тема свадебных обрядов в Енисейской губернии описывали такие этнографы, как А.П. Степанов [6], М.Ф. Кривошапкин [4], М.В. Красноженова [2] и другие.

Цель данной работы – проанализировать особенности бытового уклада народов, населяющих Енисейскую губернию, на примере свадебных обрядов.

В XIX в. свадьбы строго подчинялись традициям, обычаям, которые сохранялись с древних времен. М.Ф. Кривошапкин описал в своем труде свадебные обряды в Казачинской и Маклаковской волостях. Он отмечает, что свадебные обряды этих волостей сохраняли языческие корни и только наполовину имели христианское начало, так как наряду с молитвами в свадебных обрядах присутствуют заклинания. Это можно объяснить отдаленностью от центра и преобладанием старожильского населения в данных районах [4, с. 71].

Свадебные обряды сопровождались устоявшимися ролями: так, например, важную роль в сватанье играл сват, либо сватуня, которые должны были прийти в дом невесты и начать разговор с родителями невесты о свадьбе, если родители соглашались отдать невесту замуж, то сват давал платочек невесте, что подтверждало ее статус. Следующим участником свадьбы был тысяцкий, который был наиболее обеспеченным и смог бы взять некоторые расходы на организацию свадьбы. Дружка – особый знаток всех обрядов, на плечи которого ложилась обязанность управлять всем обрядом, также он выполнял роль знахаря «отвращал всякие привороты и отговаривал приговоры злых людей». Следующая роль закреплялась за полудружьем, который был помощником дружки и выполнял его приказы. Подобием свидетелей венчания были свахи, также исполнительную роль выполняли четыре боярина [4, с. 76–77].

Часто девушек могли выдавать замуж без их согласия, но в этом случае дочь могла повлиять на решение родителей девичьими слезами, которые могли образумить родителей [4, с. 55].

После сватовства начиналось второе действие – рукобיתье, которое происходило между отцами двух семей. Невеста находилась в другой комнате и после молитв и удара по рукам отцов, она должна была кинуться своему отцу в ноги, как бы умоляя ее не отдавать в другую семью. Дан-

ный ритуал мог быть лишь частью обряда, а мог быть и искренним отчаянием девушки, которую отдавали замуж не по любви. Следует отметить, что весь ритуал сватовства мог сопровождаться слезами и причитаниями невесты.

Само обручение могло проходить немного по-разному, в зависимости от устоявшейся традиции местности, в которой игралась свадьба. Первый вариант: жених и невеста вставали на одну половицу, что символизировало равноправие брака, однако «под председательством мужа, скрепляется клятвенной цепью, т.е. обручением, состоящим в мене колец – этом внешнем зарок с раздающимся затем звонким поцелуем, как зарок сердечным». Следующим вариантом обручения было: отец невесты зажигает свечи, все присутствующие молятся, затем подается платок, который «берется правой рукой отцом невесты, отцом жениха, самой невестой и женихом: двое последних сводят свои концы платка рука к руке и переменяются ими. Этим оканчивается обряд обручения, скрепляемый поцелуем» [4, с. 65].

Проанализировав труд А.П. Степанова, первого губернатора Енисейской губернии, можно сказать, что в отличие от кочевых татар, старожильские крестьяне как бы «продавали» свою дочь в другую семью, это можно аргументировать тем, что в день смотрения сват показывает жениху и его отцу товар, т.е. саму невесту, а в сам день бракосочетания платится откуп, только после этого старший семейства восклицает «место готово, место откуплено» и начинается пир вместе с пением песен [6, с. 112].

Следует отметить, что свадебные обряды сопровождаются этапами, детали и присутствие которых менялось. Это зависело от многих факторов: старожильское или переселенческое было село, из какой западной части России прибыли переселенцы и т.п. Некоторое несоответствие обрядности разных регионов Приенисейского края можно проследить в работе М.В. Красноженовой.

Мария Васильевна Красноженова, которая вошла в историю культуры Сибири как талантливый педагог, ученый, этнограф и фольклорист, занималась изучением быта населения Енисейской губернии, описывала самобытность народов Приенисейского края. С 1924 по 1929 г. она совершила 12 экспедиций по селам Приенисейского края, результатом которых стало уникальное собрание фольклорного материала. В целом коллекция фольклорного материала Красноженовой включает свыше 200 сказок, 171 заговор, тысячи различных песен, свыше 3000 частушек, около 200 произведений материнского фольклора (колыбельные, поскакушки, забавки), 417 произведений детской литературы (считалки, дразнилки), 589 загадок, 1282 пословицы, несколько былин [1, с. 22].

В своей статье мы обратимся к работе М.В. Красноженовой «Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной». В данном труде она выделяет следующие этапы свадебного обряда: торг, смотрины, девичник, бранье и выкуп косы, и отмечает, что свадебный обряд в данной деревне отличается, от тех, что она видела во многих других деревнях.

Первым этапом брачного обряда являлся торг, родители сторон торгуются и определяют цену невесте, после того как о цене договорились, то ставят в известность невесту, при этом жених и невеста могут быть совершенно не знакомы. На этапе смотра невеста сидит в кругу со своей свахой, а жених идет в круг, выпивает рюмку водки, после чего невеста дарит ему шаль, а он в ответ отдает деньги по уговору. После этого молодые целуются три раза и уходят в горницу, где накрыт стол. Кушанье проходит строго по определенному порядку, нарушать который запрещено. Жених должен угостить невесту сладостями, в процессе чего они и знакомятся ближе. После этого жених покидает дом [2, с. 2].

Что касается девичника, то в работе Марии Васильевны отмечается, что девичник – это девичий стол, это значит, что

после того как угощаются бояре (боярский стол) и покидают горницу, невеста приглашает к столу девушек. В других же работах по этнографии девичником чаще всего является процесс расплетания девичьей косы, которую расплетают либо подруги, либо подруги вместе с родственницами невесты.

Следующим этапом свадебного обряда в деревне Лапиной является бранье, так называется день отъезда под венец, в который проходит продажа братом косы, которая представлена палкой с лентой, покрытой платком и украшенная колокольчиками. В этот же день проходит сражение свах, которое состоит в том, что им наливают полную рюмку вина и в процессе чоканья, каждая сваха, со стороны невесты и жениха, старается либо перелить в рюмку другой, либо облить соперницу, победительница занимает место за столом около невесты [2, с. 3].

Следующим действием является продажа косы, оно состоит в том, что дружка наливает брату стакан вина, который брат выпивает не сразу. Дружка подкидывает вверх свою шапку, а брат невесты должен поймать эту шапку на лету украшенной «косой». Действие продолжается до тех пор, пока брат не промахнется, только после этого брат уступает место жениху рядом с невестой.

Заключительным действием является угощение «с ложечки» и «с вилочки», в зависимости от рода угощения. Следует отметить, что и здесь гости следуют четкому порядку действий, от которого нельзя отклоняться.

Прощание родителей с невестой происходит следующим образом: родители встают и идут вокруг стола по солнцу, после чего данное действие повторяют все родственники. Это все сопровождается наставлениями о том, как должна вести себя невеста в другой семье. После этого невесту забирает в свой поезд жених и увозит в свой дом. В доме его родителей происходят подобные обряды, после чего невеста получает статус жены [2, с. 4].

Таким образом, несмотря на повторяемость ряда обычаев в свадебном обряде жителей Енисейской губернии, сам свадебный ритуал отличался самобытностью в рамках одного региона, он эволюционировал в течение всего XIX в. Все это позволяет нам получить конкретные сведения об особенностях повседневности конкретного региона, отдельной социальной группы. Женщина в данный период (независимо от того, старожильческое или переселенческое село), была зависима от своих родителей, особенно отца, брата. Ритуал сватанья подразумевал демонстрацию достоинств суженной (трудолюбие, смирение и т.п.) и наличие у ней приданного, покорность воли старших в семье и мужу и т.п. Все это говорит о женском неравноправии, брак зачастую осуществлялся не по любви, а по воли родителей, масштабность свадебного ритуала свидетельствовала о том, что ему придавалось важное место в жизни социума (с этим связано продолжение рода, материальное благополучие семьи и др.). Таким образом, этнографические материалы являются весьма информативным источником для занимающихся исторической антропологией.

Библиографический список

1. Комарова Т.С. Не требуя наград за труд свой бескорыстный // Быт большого Сибирского тракта. Красноярск: Политколор, 2014. 191 с.
2. Красноженова М.В. Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной. [Б. м. : б. и., 1914]. 5 с.
3. Крахалева О.В. Некоторые материалы для изучения традиции русских старожилов Енисейского района Красноярского края // V Юдинские чтения. Красноярск: ГУНБ, 2008. С. 130–135.
4. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2014. Т. 1. 378 с.
5. Курчик Е.Н., Золотарева А.О. Образование семьи в Енисейской губернии // Студенческая наука – взгляд в будущее: ма-

териалы VII Всероссийской студенческой научной конференции, посвященной 60-летию КрасГАУ, Красноярск: КрасГАУ, 2012. Ч. 2. С. 358–359.

6. Степанов А.П. Енисейская губерния. Спб.: Типография Конрада Вингебера. 1835. Ч. 2. 276 с.

**БЫТ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ НАЕМНИКОВ
В ВОЕННОМ ПОХОДЕ
ПО «АНАБАСИСУ» КСЕНОФОНТА**

**THE DAILY LIFE OF GREEK MERCENARIES
DURING THE WAR CAMPAIGN ACCORDING
TO XENOPHON'S ANABASIS**

Д.С. Молодец

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Л.Э. Мезит

Классическая Греция, повседневность, наемники, Ксенофонт, Анабасис, одежда, питание, снаряжение.

Classical Greece, daily life, Xenophon, Anabasis, clothing, food and food providing, equipment.

На основе анализа сочинения Ксенофонта – «Анабасиса» – в статье рассматривается уровень организации древнегреческой армии конца V в. до н.э. Основное внимание уделено экипировке и организации питания греческих наемников во время военного похода.

Based on analysis of «Anabasis» by Xenophon, this article deals with the level of organization of Greek army during the late V century B.C. The emphasis of this work is on equipment and organization of food providing of Greek mercenaries during the war campaign.

«Анабасис Кира» – одно из главных сочинений древнегреческого писателя-историка Ксенофонта, состоящее из 7 книг, написанных им в IV в. до н.э. В них описывается поход 10 тысяч греков-наемников под руководством

Кира Младшего (младшего сына персидского царя Дария II) от западного берега Малой Азии вглубь Месопотамии, и отступление их на север, к берегам Черного моря. Целью похода было свержение персидского царя Артаксеркса II (старшего сына Дария II). Однако поражение при Кунаксе (401 г. до н.э.) и смерть Кира значительно изменили ситуацию. Греческие наемники, оставшиеся без нанимателя и стратегов, были вынуждены отступить из Персии.

«Анабасис», как и многие другие сочинения Ксенофонта, уже неоднократно изучались историками – как в специальных работах [1, с. 163–180; 4, с. 229–245; 7, с. 255–281; 9, с. 294–326], так и в исследованиях по отдельным проблемам позднеклассической Греции: развитию политической мысли [8, с. 108–124; 10, с. 29–111], военной истории [6], кризиса полиса [5]. Однако повседневный быт тех самых «десяти тысяч» во время похода до сих пор так и не стал темой отдельного исследования. Что довольно удивительно – этот поход, по сути завершившийся неудачей, и не принеший никаких непосредственных военных или политических результатов, тем не менее, произвел глубокое впечатление на современников [4, с. 229]. «Отступление десяти тысяч» и в самом деле было неординарным событием – путь войска Кира в общей сложности составил примерно 3300 километров, а длился поход более двух с половиной лет [2]. Кроме того, само сочинение Ксенофонта (к слову, непосредственного участника описанных им событий) пестрит картинками конкретной обстановки похода, как бы превращая читателя в участника экспедиции.

Реконструкция и анализ военного быта участников данного похода позволяет получить определенные представления об уровне социально-экономического развития Древней Греции, в т.ч. военного ремесла, и углубит наши представления об античной цивилизации. Предметом данного исследования выступает экипировка и организация питания солдат в течение длительного похода.

Анализируя экипировку воинов-наемников, Ксенофонт описывает одежду рядовых воинов и военачальников, пеших воинов и всадников, а также знати, сопровождавшей Кира. Он отмечает, что ряд элементов одежды были одинаковыми у разных групп военных. Так, во время первого военного смотра «на всех эллинах были медные шлемы, пурпурные хитоны и кнемиды» (I. II. 16). Кроме того, греками использовались и гиматии – плащи (IV. III. 10). Но в военной экипировке войска существовали и вполне определенные различия: например, всадники носили в довесок еще и кожаные нагрудники и панцири (III. III. 19-20; IV. I. 18). Знатные же персы, находившиеся в свите военачальника Кира, были одеты более богато: на них были «пурпурные кафтаны, роскошные хитоны и пестрые анаксириды (I. V. 8). Вне боя, при отсутствии опасности сражения, основная часть войска шла пешком и налегке (вооружение везли на повозках и выючных животных), а военачальники перемещались на колесницах» (I. VII. 20).

Когда поход затянулся на много месяцев, и старая обувь давно изнашивалась, греки использовали башмаки (карбатыны) из недавно содранной бычьей кожи (к слову, Ксенофонт отмечает, что если остаться в этих ботинках на ночь, то кожа примерзала к ногам) (IV. V. 13-14). От снега у некоторых солдат начиналась «болезнь глаз» – для защиты от нее во время переходов использовали куски черной ткани, носимой перед глазами (IV. V. 12-13). Вообще армия оказалась неподготовленной к длительному походу: во время перехода по снегу солдаты сильно мерзли вплоть до летальных исходов – очевидно, у них не было припасено с собой никакой зимней одежды (IV. V. 1-34). Для защиты от холода солдаты натирались мазью из свиного сала, кунжутных семян, горького миндаля и терпентина (IV. V. 12-13).

Характеризуя питание воинов в походе, Ксенофонт указывает, что войско имело как собственный скот, так и некото-

рые запасы продовольствия – пшеничной муки и вина (I. X. 18; I. V. 5; VI. II. 3). Несмотря на походные условия и отсутствие разнообразия в пище (в основном это всегда был хлеб и вино), питание у солдат было двух-трехразовое – Ксенофонт постоянно упоминает завтраки, обеды и ужины (III. III. 1; IV. I. 14). Кроме хлеба и вина, солдаты часто питались мясом: запасенного скота, либо добытых на охоте животных – например, в Персии это были дикие ослы и драхвы (I. V. 2-6).

Вообще питание наемников в походе сильно зависело от местности, в которой располагалась армия. Так, в Персии вино было из плодов пальмы, а хлеб из проса (I. V. 10). В Вавилонии было вино из фиников (также из них готовился уксус), а часть фиников сушили и употребляли в качестве лакомства. Кроме того, солдаты здесь ели пальмовую капусту (II. III. 14-16). Во время перехода по Мидийской пустыне вдоль реки Тигр варвары на ладьях, обтянутых кожей, привезли из египетского города Кены пшеничный хлеб, сыр и вино (II. IV. 28). На привале, в одной из деревень в Западной Армении, на столе «всегда подавались одновременно баранина, козлятина, свинина, телятина и дичь со множеством хлебов из пшеничной муки и ячменя» (IV. V. 26). Там же было и ячменное вино, не смешанное с водой и хранившееся в глиняных кратерах, пить из которых можно было через тростниковую трубочку (IV. V. 31-32). Близ черноморского города Трапезунта наемники угоняли свиней и коров из соседних поселений дрилов (V. II. 3). В прибрежных поселениях моссиноков к западу от Керасунта греки получали следующий провиант: хлеб из полбы, солонину из мяса дельфина и дельфинью ворвань (которая, по наблюдениям Ксенофонта, употреблялась аборигенами так же, как оливковое масло греками), плоские каштаны и кислое вино (V. IV. 27-29).

Мы неслучайно постоянно говорим о деревнях и поселениях, встречавшихся войску на пути. Очевидно, что затянувшийся поход вскоре истощил заранее заготовленные

запасы провианта, поэтому его приходилось добывать различными способами. В условиях крайнего дефицита продуктов и походного снаряжения солдаты питались вареным мясом вьючных быков и ослов, причем в качестве дров использовали оставшиеся после боя стрелы, а также плетеные и деревянные щиты (II. I. 6-7). Но обычно войско пополняло свои запасы хлеба и вина в деревнях (I. IV. 19) – избегая ненужных конфликтов, эллины по большей мере старались покупать продовольствие на рынках, где это было возможно (III. 2. 21; V. 1. 6). Но такая возможность представлялась далеко не всегда. С одной стороны, у многих наемников отсутствовали необходимые средства (V. 1. 6; 6. 19), с другой – местное население могло вовсе не предоставить возможность для закупки продовольствия, и тогда войско было вынуждено идти на грабеж. Следует отметить и тот факт, что, находясь в довольно экстренной ситуации, армия снабжалась не единым образом: кто мог – покупал продовольствие на базаре, кто не мог этого себе позволить – совершал грабительские набеги на местных (VI. I. 1).

Таким образом, основываясь на поведении греческих наемников в этом походе, можно судить об определенном уровне социального развития Греции позднеклассического периода. Свидетельства «Анабасиса» показывают нам довольно высокий уровень организации военного ремесла и быта древних греков: во-первых, у них существовала собственная система экипировки воинов – не только по родам войск, но и социальному статусу. Кроме того, несмотря на крайне критическую обстановку, сложившуюся после сражения с армией Артаксеркса II, многотысячное войско наемников все же проявило небывалую стойкость в перенесении лишений длительного похода и исключительные способности к самоорганизации. Солдаты выбрали себе новых руководителей (III. I. 46-47), которые смогли вывести с враждебной территории 8600 человек (V. III. 3). Невзи-

рая на полную неготовность к длительному путешествию, солдаты смогли обеспечивать себя провиантом – причем не только путем грабежа окрестных территорий, но и договорными методами – и справляться с холодом (при отсутствии зимней экипировки) на протяжении многих месяцев затянувшегося возвращения на родину.

Библиографический список и источники

1. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX века. СПб.: Коло, 2005. 672 с.
2. Ксенофонт «АНАБАСИС» – краткое содержание [Электронный ресурс] // Русская историческая библиотека. URL: <http://rushist.com/index.php/greece-rome/3590-ksenofont-anabasis-kratkoe-soderzhanie> (дата обращения: 25.02.2017).
3. Ксенофонт. Анабасис / пер. и примеч. М.И. Максимовой. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. 303 с.
4. Максимова М.И. Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт. Анабасис. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. С. 229–245.
5. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 279 с.
6. Парк Г.У. Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады. М.: Центрполиграф, 2013. 288 с.
7. Соболевский С.И. Ксенофонт, его жизнь и сочинения // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Республика, 1995. С. 255–281.
8. Фролов Э.Д. Ксенофонт и поздняя тирания // Вестник Древней истории. 1969. № 1. С. 108–124.
9. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. 440 с.
10. Шишко Е.П. Образ идеального правителя в политической литературе позднеклассической Греции (к становлению монархической идеи): автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2003. 226 с.

СЕКЦИЯ 4. ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В 8 КЛАССЕ

THE APPLICATION OF INTERACTIVE TRAINING METHODS AT LESSONS OF SOCIAL SCIENCE IN 8 CLASS

М.С. Грозенко

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Современные методы обучения, методика преподавания обществознания, интерактивные методы обучения, дискуссия, дебаты, ФГОС.

Modern methods of teaching, methods of teaching social studies, interactive methods of teaching, discussion, debate.

В статье рассмотрено, как с внедрением федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования на основе системно-деятельностного подхода происходит использование образовательных технологий и интерактивных методов в процессе обучения. Перед автором была поставлена цель: изучить возможность применения интерактивных методов в современных учреждениях основного общего образования на уроках обществознания 8 класса. В итоге были сделаны выводы о том, что применение интерактивных методов обучения в школе является важнейшим условием эффективной реализации современного образовательного процесса.

This article considers how the introduction of federal state educational standards of basic general education on the basis of the system – activity approach takes the use of educational technologies and interactive methods in the learning process. Before the author the goal was set: to study the possibility of using interactive methods in modern institutions of basic general education at the lessons of social science of the 8th grade. As a result, conclusions were drawn that the use of interactive teaching methods in school is an essential condition for the effective implementation of the modern educational process.

Внедрение федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования на основе системно-деятельностного подхода актуализировало важность использования образовательных технологий и интерактивных методов в процессе обучения.

В традиционной образовательной парадигме присутствует применение активных форм обучения, но все-таки мы можем видеть лишь их элементы, обучающихся учат рассуждать, спорить, доказывать свою точку зрения, но можно сказать, что это лишь элементы урока, они не были отработаны в полной мере как технология обучения на современных уроках в школах, что не соответствует новым тенденциям в образовании, и необходимо дальнейшее их развитие.

Современный подход к обучению должен ориентировать на внесение в процесс обучения новизны, обусловленной особенностями динамики развития жизни и деятельности, спецификой различных технологий обучения и потребностями личности, общества и государства в выработке у обучаемых социально полезных знаний, убеждений, черт и качеств характера, отношений и опыта поведения.

Приоритетным направлением образования определено формирование общеучебных умений и навыков, уровень освоения которых в значительной мере предопределяет успешность дальнейшего обучения. Основным результатом образования рассматривается на основе *деятельностного под-*

хода как достижение учащимися новых уровней развития на основе освоения ими как универсальных способов действий, так и способов, специфических для изучаемых предметов. В этом одна из отличительных особенностей новых стандартов. Реализация этой особенности в образовательном процессе требует его новой организации на основе планирования совместной деятельности учителя и учащихся.

Принцип деятельности заключается в том, что формирование личности ученика и продвижение его в развитии осуществляется не тогда, когда он воспринимает знания в готовом виде, а в процессе его собственной деятельности, направленной на «открытие нового знания».

В целом переход на системно-деятельностный подход при организации процесса обучения предполагает обширное использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов) в сочетании с внеклассной работой.

Государственный образовательный стандарт предъявляет новые требования к нынешней школе: короткие сроки обучения, огромные объемы информации и строгие требования к знаниям, умениям и навыкам школьника – вот нынешние условия образовательного процесса. Высокие требования невозможно удовлетворить, основываясь только на традиционных методах и средствах педагогических технологий. Требуется свежие подходы к организации обучения, которые опираются на прогрессивные методы обучения.

Таким образом, актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время, в условиях предпринимаемой в России модернизации системы образования и с внедрением федерального государственного общеобразовательного стандарта в среднее общее образование, развитие образовательных методик, нацеленных на переход к системно-

ценностному подходу, а в частности методики интерактивного обучения, приобретает особое значение и требует дополнительного изучения.

Сегодня стало очевидным, что надо управлять не личностью, а процессом ее развития. Это означает, что приоритет в работе педагога отдается приемам опосредованного педагогического воздействия: происходит отказ от излишнего дидактизма, назидательности; вместо этого выдвигаются на первый план диалогические методы общения, совместный поиск истины, развитие через создание воспитывающих ситуаций, разнообразную творческую деятельность. Основные методические инновации связаны сегодня с применением *интерактивных методов обучения*.

Итак, на наш взгляд, интерактивные методы обучения наиболее соответствуют личностно ориентированному подходу, так как они предполагают сообучение (коллективное, обучение в сотрудничестве), причем и обучающийся, и педагог являются субъектами учебного процесса. Педагог чаще выступает лишь в роли организатора процесса обучения, лидера группы, фасилитатора, создателя условий для инициативы учащихся. Интерактивное обучение основано на собственном опыте обучающихся, их прямом взаимодействии с областью осваиваемого профессионального опыта.

Обучение с использованием интерактивных образовательных технологий предполагает отличную от привычной логику образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение.

Интерактивные технологии имеют огромный спектр форм и методов, нами были рассмотрены и апробированы только наиболее общие и часто используемые методы и технологии интерактивного обучения.

С целью выявления эффективности интерактивных методов обучения на уроках обществознания нами были про-

ведены уроки в 8 классе с применением таких часто используемых интерактивных методов обучения, как дискуссия и дебаты.

Дискуссия (от лат. discussion – рассмотрение, исследование) – публичное обсуждение или свободный вербальный обмен знаниями, суждениями, идеями или мнениями по поводу какого-либо спорного вопроса, проблемы.

Ее существенными чертами являются сочетание взаимодополняющего диалога и обсуждения-спора, столкновение различных точек зрения, позиций. По сравнению с распространенной в обучении лекционно-семинарской формой обучения дискуссия имеет ряд преимуществ: во время дискуссии осуществляется активное взаимодействие обучающихся, также дискуссия обеспечивает активное, глубокое, личностное усвоение знаний.

Вторая технология, которая наиболее часто используется на уроках обществознания, это дебаты.

С нашей точки зрения, дебаты – форма проведения учебного занятия или воспитательного мероприятия, в рамках которого осуществляется формализованный обмен информацией, отражающей полярные точки зрения по одной и той же проблеме, с целью углубления или получения новых знаний, развития аналитико-синтетических и коммуникативных умений, культуры ведения коллективного диалога.

Особую привлекательность дебатам придает возможность рассматривать одно и то же явление или факт с прямо противоположных позиций, анализировать бесспорные, на первый взгляд, истины и усомниться в их правильности, на основе чего самостоятельно, осознанно вырабатывать жизненную позицию.

Нами были применены именно данные технологии, так как исходя из психолого-педагогических особенностей развития учащихся среднего школьного (подросткового)

возраста – интерактивные технологии идеально подходят для проведения уроков в 8 классе, так как подростки, как правило, отличаются коллективизмом, их привлекают общие интересы и совместная деятельность. Существенной возрастной чертой их в этом отношении является стремление к утверждению своего достоинства и престижа среди товарищей.

Возрастающие интеллектуальные способности, общий духовный рост и расширение межличностных связей стимулируют развитие самосознания подростков, возбуждают мечты о своем призвании и будущем. Подростки сопоставляют себя со сверстниками, оценивают свои достоинства и недостатки. Но если о недочетах других они судят строго, то по отношению к себе они менее взыскательны. Это обуславливает необходимость развития у них самокритичности и побуждения к самовоспитанию.

Итак, в ходе экспериментальной апробации были проведены циклы уроков обществознания с использованием интерактивных методов обучения. В течение всего периода прошло 6 занятий с применением интерактивных методов обучения.

Эксперимент был направлен на проверку гипотезы настоящего исследования, согласно которой применение интерактивных методов в процессе обучения на уроках обществознания позволяет повысить качество усвоения учебного материала учащимися.

В ходе проведения эксперимента нами было проведено 3 контрольных замера, учащимся было предложено анкетирование:

Оцените, насколько вам понравился сегодняшний урок?

Что полезного для вашего развития сегодня произошло?

Какие формы работы для вас затруднительны, а что получалось?

Проанализировав результаты анкетирования, мы увидели результаты:

во-первых, применение данной технологии обучения на уроках обществознания устраивает большинство учащихся в классе;

во-вторых, результаты показали, что чем больше применялись интерактивные методы обучения во время проведения уроков обществознания, тем больше у учащихся проявлялась активность и заинтересованность во время занятий;

в-третьих, повысился уровень понимания учебного материала и заинтересованность в получении новых знаний.

Из всего сказанного сделаем вывод, что экспериментальная апробация показала, что применение интерактивных методов обучения в школе является важнейшим условием эффективной реализации современного образовательного процесса. Необходимым компонентом технологии формирования умений учебно-творческой деятельности учащихся выступает интерактивная поддержка обучения на основе использования современных интерактивных методик, возможно повысить уровень знаний, а также добиться более осознанного и глубокого понимания учащимися учебного материала.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ MIND-MAP В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

THE POSSIBILITY OF THE USE OF TECHNOLOGY MIND-MAP IN THE FRAMEWORK OF THE FSES

Е.О. Александрова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Подросток, возрастные особенности, технология mind-map.

Adolescents, age features, mind-map technology.

В статье предпринимается попытка рассмотреть технологию mind-map, возможности ее применения на уроках обществознания в 8 классе в рамках ФГОС, а также сложности восприятия данной технологии подростками.

In this article, an attempt is made to consider mind-map technology, the possibilities of its application in social studies classes in Grade 8 in the framework of FSES, and the complexity of the perception of this technology by adolescents.

Современная жизнь, современное информационное общество находятся в постоянной динамике, постоянном развитии. В наше время человек должен полностью соответствовать всем требованиям, критериям, которые ему выдвигает общество. Обладать необходимым набором качеств, умений, знаний, компетенций.

Личность начинает формироваться еще с раннего детства. Ребенку закладываются основы современного общества, законы его развития. Естественно, что важнейшим фактором в данном процессе выступает семья, но не стоит недооценивать роль системы образования.

Система образования, как и все другие институты общества, стремится к тому, чтобы полностью соответствовать новым запросам этого общества. Большое влияние на формирование будущей личности оказывает непосредственно школа. Современная система образования в России стремится к воспитанию самостоятельной личности, способной к самоопределению, саморазвитию. В федеральном государственном стандарте говорится о том, что весь процесс обучения ребенка направлен на его личностное развитие, а именно, формирование умения работать в рамках различных форм деятельности, способности к познанию и самопознанию [2].

Также говорится о том, что процесс обучения должен подготовить учащихся осознанно делать выбор дальнейшего профессионального самоопределения. Большое внимание в содержании стандарта отводится умению учеников са-

мостоятельно ставить цели и умению оценивать свою деятельность — для основной школы. Умению самостоятельно организовывать свою деятельность, от постановки цели до получения результата в средней школе. Ребенок должен уметь свободно работать с информацией. Уметь ее получать, обрабатывать и использовать в нужном ему контексте. Можно сказать, что общеобразовательная школа должна формировать целостную систему универсальных знаний, умений, навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, то есть ключевые компетенции, определяющие современное качество содержания образования.

Также стоит отметить, что в современной системе образования учитель не является источником знаний, он лишь посредник между ребенком и знанием, которое тот получает. Естественно, что изменения в процессе обучения требуют новых методик и технологий преподавания.

Наверняка каждый учитель в своей педагогической деятельности сталкивался с проблемой построения интересного, увлекательного и в то же время продуктивного урока. Каждому учителю хочется создать на уроке атмосферу творчества, заинтересованности учащихся, их полнейшей раскрепощенности в педагогическом процессе. Не секрет, что активная работа ребенка на уроке, его возможность проявить себя, построить и высказать собственные умозаключения способствуют восприятию материала куда больше, чем обыденная, пассивная деятельность.

Именно поэтому в последнее время в системе российского образования становятся популярными технологии, развивающие мышление ребенка и активизирующие его деятельность. Одной из таких технологий является технология mind-map.

Ментальная карта реализуется в виде древовидной схемы, на которой изображены слова, идеи, задачи или другие по-

нения, связанные ветвями, отходящими от центрального понятия или идеи. От центрального образа во все направления расходятся лучи к границам листа. Над лучами пишут ключевые слова или рисуют образы, которые соединяют между собой ветвящимися линиями. Подобная запись позволяет интеллект-карте расти беспредельно и постоянно дополняться.

Это показывает бесконечное разнообразие возможных ассоциаций и, следовательно, неисчерпаемость возможностей мозга. Интеллект-карты могут использоваться для создания, визуализации, структуризации и классификации идей, а также как средство для обучения, организации, решения задач, принятия решений, при написании статей [3, с. 103].

Ментальные карты – это удобная и эффективная техника визуализации мышления и альтернативной записи. Ее можно применять для создания новых идей, фиксации идей, анализа и упорядочивания информации, принятия решений. Если говорить о применении в образовательной системе, то мы сможем применить технологию для решения следующих задач: конспектирование учебника, подготовка материала по определенной теме, решение творческих задач, мозговой штурм, презентации, планирование и разработка проектов разной сложности, составление списков дел.

В данной статье мы описываем опыт применения данной технологии с учащимися восьмых классов, обычно это дети в возрасте 13–15 лет. Характерными особенностями этого возраста являются: возбудимость, импульсивность, часто неосознанные поступки. Ребенок стремится к самопознанию, поиску себя. Именно в этом возрасте происходят глобальные изменения в мыслительной деятельности личности, в ее восприятии [1].

На уроках можно столкнуться с проблемой концентрации внимания учащихся. Речь идет об избирательности подростка в учебном процессе. Учащиеся будут увлечены только заинтересовавшим их учебным материалом, здесь глав-

ная задача стоит в его подаче. Подросток может заниматься делом, вызывающим у него неподдельный интерес и любопытство. Но опять же, ссылаясь на произвольность восприятия учащегося, он легко может потерять интерес к делу, переключив свое внимание на какое-то постороннее явление, заинтересовавшее его больше. Поэтому главной задачей учителя является построение учебного процесса таким образом, чтобы у подростка не было возможности и желания отвлекаться на посторонние дела.

Например, при изучении темы «Социальные роли» в 8 классе на уроке обществознания мы в течение всего урока совместно с учениками составляли общую карту темы. На первых этапах в качестве примера на одном из пунктов объяснили учащимся, как необходимо обрабатывать информацию. Далее, просили их самостоятельно выделять главное и располагать материал на общей карте. Мы отметили, что не все дети изначально активно включались в работу. Для них это было что-то новое. Большую часть это заинтересовывало, а меньшая часть включилась лишь в конце урока. Когда в конце урока мы проводили рефлексию, то задавали вопросы «Что вам удалось на уроке?», «Что оказалось интересным?», «С какими трудностями вы столкнулись на уроке?», «Интересно ли вам было работать в таком формате?». Большинство учащихся сказали, что такой формат изучения нового материала им интересен, с помощью таких карт у них осталось самое важное в памяти. Говоря о трудностях, ребята сообщали о том, что им сложно было переключиться со старых форм работы с материалом и задействовать свой творческий потенциал. Но в целом все были согласны продолжать изучать новые темы с помощью составления ментальных карт.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что технология mind-map воспринимается подростками. Технология ментальных карт отвечает реальным запросам обучающихся и соответствует возрастному уровню их развития.

Приобретенные знания учеников сохраняются в памяти значительно дольше, а доля усвоенного материала значительно выше.

Mind-мар можно использовать как демонстрационный или раздаточный материал при обобщающем повторении, при написании сочинений, докладов, рефератов, конспектировании параграфов, разделов учебной литературы.

Кроме этого, процесс построения mind-мар делает обучение творческим и увлекательным.

Библиографический список

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2009. 678 с.
2. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий. СПб.: Каро, 2012.
3. Иволгина Л.И. Обучение школьников схематизации и моделированию. 5–9 классы. Волгоград, 2015. 103 с.

ПРОБЛЕМА ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ РККА В ХОДЕ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1941–1942 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE PROBLEM OF THE HUMAN LOSSES OF THE RED ARMY IN THE COURSE OF THE WINTER CAMPAING OF 1941–1942 IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

С.А. Белолипецкий

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

*Анализ, Зимняя кампания, историография, методы подсчета потерь, отечественные историки, РККА, статистические данные.
Analysis, Winter campaign, historiography, methods of calculating losses, domestic historians, Red Army, statistical data.*

В статье рассматриваются основные работы отечественных историков по проблеме анализа и подсчета людских потерь Рабоче-крестьянской Красной армии в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг. Помимо этого, проводится краткий анализ отечественной историографии, а также ее развития в связи с поставленной проблематикой. Приводятся выводы, основанные на фактическом материале, который является фундаментальной основой научных и научно-популярных работ отечественных историков.

This article examines the main works of Russian historians on the problem of analyzing and calculating the human losses of the Workers and Peasants Red Army during the Winter Campaign of 1941–1942. In addition, a brief analysis of Russian historiography, as well as its development in connection with the set problems, is conducted. Conclusions are drawn based on factual material, which is the fundamental basis of scientific and popular science works of local historians.

Актуальность данной работы заключена в том, что до сих пор среди отечественных историков нет единого мнения по поводу потерь Вооруженных сил Советского Союза во время Зимней кампании 1941–1942 гг. Полемика по данному вопросу разгорается каждый год по мере выпуска новых статей и работ, посвященных данной тематике. К сожалению, не все работы можно назвать научными или даже приближенными к данной категории. Под влиянием общественных процессов и ростом провокаций в масс-медиа, основанных на эмоционально-оценочных суждениях, данный вопрос оброс мифами и ложными суждениями. Обращая внимание на заявленную тему статьи, не можем не отметить, что проблема потерь РККА в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг. оказалась крайне мало изучена отечественными историками.

К сожалению, объем статьи крайне ограничен, в связи с чем мы берем во внимание лишь малую часть отечествен-

ной историографии, выделяя только тех авторов, в работах которых можно подчеркнуть информацию о потерях РККА в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг.

В ходе подсчета потерь историки используют три разных метода, обладающих разной точностью и статистической погрешностью: поименный, балансовый и учетно-статистический.

Помимо методов подсчета, существуют различные категории потерь. В первую очередь нас интересуют военно-оперативные потери. В эту категорию входят такие потери, как – убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен.

Как правило, потери по кампаниям можно выявить в ходе сравнения численности личного состава до начала кампании и после ее завершения или начала другой кампании, однако, здесь следует учитывать множество факторов. Например, подкрепления, прибывавшие на фронт в заявленный период и присоединенные к воинским частям. Не стоит забывать и о переформированных частях, о частях, переданных в другую армию уже в ходе кампании и еще множестве факторов, рассматривать которые не имеется возможным в рамках данной статьи.

К сожалению, советская историография не может дать ответ на вопрос о численности потерь Красной армии в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг. В работах историков советского периода можно увидеть лишь общий результат кампании, измеряемый в «успешности» или «неуспешности» действий армии.

Здесь ярко выражена основная проблема, как подсчета потерь, так и доступности данных для анализа, которые, как правило, были засекречены и с которых гриф секретности не снят даже сегодня.

В период с 1945 по 1990 г. издавалось несколько работ, посвященных потерям Красной армии. Это и двенадцатитомное издание «История Второй мировой войны», выпущенное в период с 1973 по 1982 г. И изданный позднее научно-справочный труд «Вторая мировая война. Цифры и факты», подготовленный Институтом военной истории МО СССР. Однако в этих работах нельзя встретить статистических данных потерь Красной армии в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг., авторы ограничились лишь общими выкладками потерь за весь период войны, не подразделяя их на периоды и категории.

Первая работа, в которой мы можем увидеть наиболее полное рассмотрение потерь Красной армии в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг., – это работа коллектива военных историков под руководством генерал-полковника Григория Федотовича Кривошеева «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах», изданная в 1993 г., а позже, в 2001 г. расширенная и переизданная как «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил». Также Г.Ф. Кривошеевым издана книга «Отечественная война без грифа секретности», которая является логическим завершением его анализа потерь Красной армии. Исходя из данных, приводимых в работах, можно сказать, что потери Красной армии за весь период Зимней кампании 1941–1942 гг., составляли 332,914 человек, – это только безвозвратные, санитарные потери – 426,159 человек, общее же число потерь составляет 977,599 человек. Данные представлены в период с 5 декабря 1941 г. по 30 апреля 1942 г.

По словам авторов книг, при учете потерь Красной армии в Зимней кампании 1941–1942 гг. использовалось два метода: учетно-статистический и балансовый. По признанию самих авторов, не все цифры могут соответствовать

действительности, так как не представлялось возможным подсчитать численность войск, участвовавших в операции с учетом маршевого пополнения, введенного дополнительно в ходе боев.

В дальнейшем Лев Лопуховский и Борис Кавалерчик в работе «Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии?» подвергли критике работы Г.Ф. Кривошеева. Основной проблемой, поставленной в труде Л.Н. Лопуховского и Б.К. Кавалерчика, является достоверность данных штабов по потерям Красной армии в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг. К сожалению, авторы не останавливались подробно на данной кампании, обратив внимание лишь на ее часть – Московскую стратегическую наступательную операцию (5 декабря 1941 – 7 января 1942), назвав цифру потерь в 3,7 раз больше, чем у Г.Ф. Кривошеева за тот же период, то есть примерно 520 тысяч человек.

Нельзя упускать из внимания работу Владимира Васильевича Литвиненко «Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте». Данная работа является больше аналитикой на работы других авторов. В книге В.В. Литвиненко рассматривает методику подсчета потерь таких историков, как Л.Н. Лопуховского и Б.К. Кавалерчика, А.Н. и Л.А. Марцаловых, В.Г. Первышена и Г.Ф. Кривошеева, С.Н. Михалева и А.В. Толмачевой, И.И. Ивлева и Б.В. Соколова.

К сожалению, на сегодняшний день еще не сложился тот фундамент научных работ, позволяющий подробно и более качественно рассмотреть потери Красной армии в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг., чем есть сейчас.

На основании проделанной работы можно с уверенностью сказать, что одной из основных проблем отечественной историографии в вопросе анализа потерь Вооруженных сил Советского Союза в ходе Зимней кампании 1941–1942 гг.

является разброс, неполнота и низкая достоверность исходных данных, а также методологическое разнообразие подходов к учету потерь. Таким образом, пока в отечественной историографии не будет найден компромисс, предполагающий единую систему подсчета потерь и методологического подхода к анализу отдельных кампаний, таких как Зимняя кампания 1941–1942 гг., мы будем знать лишь «верхнюю» и «нижнюю» планку потерь Красной армии в ходе рассматриваемой кампании.

Библиографический список

1. Земсков В.Н. «Умылись кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=4251&journal=176> (дата обращения: 15.05.2017).
2. Соколов Б.В. «Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945». [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/research/sokolov1/05.html> (дата обращения: 15.05.2017).
3. Соколов Б.В. «Вторая мировая: факты и версии». М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. С. 340.
4. Кривошеев Г.Ф. «Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил» [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt> (дата обращения: 14.05.2017).
5. Литвиненко В.В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече, 2013. 288 с.
6. Лопуховский Л.Н. «Общие безвозвратные потери военнослужащих Красной Армии» [Электронный ресурс]. URL: <http://podelise.ru/docs/89408/index-221.html?page=8> (дата обращения: 16.05.2017).
7. Письмо Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева премьер-министру Швеции Т. Эрландеру (5 ноября 1961 г.) // Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ
В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
СЕРЕДИНЫ 1940-х – 1980-х гг.**

**EVOLUTION OF THE SCHOOL TEACHER'S
IMAGE IN THE SOVIET CINEMATOGRAPH
OF THE MIDDLE OF THE 1940s–1980s XY**

А.Д. Бушуева

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Н.В. Ворошилова

Визуальная история, образ учителя, советский кинематограф, школа.

Visual history, the image of the teacher, the soviet cinema, school.

Рассматривается эволюция образа школьного учителя в отечественном кинематографе, ее зависимость от происходящих в СССР общественно-политических событий.

The article tells about the evolution of the teacher's image in the Soviet cinema, the dependence of the teacher's image on the historical events.

Темой нашего исследования был выбран образ учителя в советском кинематографе. Данная тема является актуальной, потому что в условиях реформирования сферы образования активно обсуждается место и роль учителя в образовательном процессе и в обществе в целом. В связи с этим становится важным изучение этой проблемы в историческом контексте на фоне различных этапов нашей истории.

Одним из визуальных источников, которые ярко запечатлели образ учителя советских времен, являются художественные фильмы. С конца XX в. историки активно обращаются к этому источнику в связи с развитием такого направления, как визуальная история и антропология.

Данная тема не является разработанной в полной мере, т.к. визуальная антропология является молодым направле-

нием истории. На данную тему было опубликовано лишь несколько статей, например, О. Григорьевой [1], Н.Б. Шипулиной [3], Е.Л. Райхлиной и Н.Н. Юрчик [2], однако они рассматривают либо отдельные периоды в истории кино, либо, напротив, имеют слишком обширные хронологические рамки, что не предполагает глубокого анализа избранной нами проблемы.

Школьный учитель во все времена воспринимался по-разному, отношение учеников к нему, его материальное положение может быть свидетельством основных ценностных и социокультурных составляющих общества.

В послевоенный период учитель воспринимался как человек, который дает знания детям, но при этом находится «выше» общества. Ученики относятся к учителю уважительно, не сомневаются в его правоте и достоверности информации, которую он преподает. Свое исследование по этой теме мы построили на основе фильмов 1945–1952 гг. и выбрали несколько, наиболее полно раскрывающих школьную тему. Одним из них является фильм 1946 г. «Первоклассница», где учитель Анна Ивановна не просто учит детей читать и писать, а транслирует правила поведения в обществе и учит быть настоящим советским гражданином. Фразами «пиши карандашом, будь упорной, старайся» и «все должны работать, пока не придет время отдыхать» она рассказывает о том, как должен трудиться человек. (Цит. по фильму «Первоклассница». 1948) Дети не сомневаются в ее компетентности, в доказательство можно привести диалог главной героини Маруси с мамой:

«– Мама, а ты знаешь, почему, когда смотришь на свет, лучики от лампы бегут в глаза?

– Не знаю.

– А вот Анна Ивановна все знает». (Цит. по фильму «Первоклассница». 1948).

Образ педагога послевоенной эпохи, несомненно, отличался своей подверженностью советской идеологии и нес в себе такие черты этого времени, как жертвенность и патриотизм. Учитель был примером и идеалом, взявшим на себя миссию помогать людям стать образованными. Советский кинематограф брал на себя сложную задачу сделать образ педагога приближенным к народу и в то же время несущим великую миссию просвещения.

В эпоху «оттепели» на фоне относительной демократизации и либерализации жизни общества, десталинизации, роста критических настроений в обществе представление об учителе в системе общественных отношений меняется. Ученики начинают спорить, не соглашаться с учителем, его мнение больше не является истиной в последней инстанции. Учитель теряет былой беспрекословный авторитет в обществе, по-новому осмысливается его роль и предназначение. Символическим воплощением душевных метаний и терзаний, «кризиса оттепельного мироощущения» в фильме является личность главного героя – учителя истории Ильи Семеновича.

Центральной сценой в фильме «Доживем до понедельника», которая отражает всю эпоху, является критика и возмущение учителя литературы Светланы Михайловны на сочинение ученицы про «неправильное» счастье. Игра актрисы, ее одежда и манера речи несут в себе отражение эпохи сталинизма. Жесткое следование идеологии рождало поколение людей, для которых правила и регламент являются самым важным. С учениками она ведет себя строго, требует только верных ответов, определяя эту верность самостоятельно, но на уроке литературы дает сочинение на тему «Мое представление о счастье». Педагог литературы понимала, что общество меняется, но при этом ждала ответов про то, что счастье заключается в труде и служении партии. Увидев сочинение Нади Огарышевой, учительница

была очень возмущена и предложила сочинение выкинуть. Сочинение про Надино понимание счастья не вписывалось в рамки «дозволенного», по мнению преподавателя, нельзя желать любви и четырех детей. Одноклассники Надежды спросили учителя: «что же тут неправильного?». (Цит. по фильму «Доживем до понедельника». 1968) Для них искренность уже не являлась «душевным стриптизом».

С приходом к власти Л.И. Брежнева и принятием концепции «развитого социализма» в стране начинается эпоха, позднее получившая название «застоя». Общество в это время ощущало «тупик», несостоятельность системы, но на школьной действительности это пока не отразилось в полной мере. Ученики стали более современные, либеральные, но школа оставалась прежней. В фильме «Ключ без права передачи» Марина Максимовна не пытается переубеждать других учителей, а ломает систему взаимоотношений, характерную для сталинского воспитания, только в своем классе. Она как молодой педагог сама очень близка по возрасту с учениками десятого «Б» класса, но имеет жизненный опыт. Образ учителя не изменился кардинально, вызрели только либеральные надежды учеников. Перемены в государстве, произошедшие в эпоху «оттепели», не дали ожидаемых обществом результатов, и привели к необратимым изменениям, которые будут четко видны в эпоху перестройки.

«Вчера вы говорили одно, завтра будете утверждать другое, так почему мы сегодня должны вам верить?». (Цит. по фильму «Авария – дочь мента». 1989) Эта фраза из фильма «Авария – дочь мента», сказанная учеником на уроке истории, наиболее полно отражает главную проблему эпохи перестройки. Взаимоотношения ученик–учитель видоизменились под давлением исторических событий. Политика гласности и демократизация общества привела к тому, что идеалы социализма были разрушены, деформированы и это породило надлом в сознании советских людей. Озна-

комившись с новыми для себя фактами, население поставило под сомнение справедливость социалистического строя. Ситуация шока и неизвестности будущего отразилась в кинематографе, в частности и на школьной теме.

Учитель в годы перестройки показан растерянным и непонятым. Ярким примером этого можно считать образ учителя математики в фильме «Дорогая Елена Сергеевна». Школа вместе с педагогами не менялась, ее так же наполняли люди, которые верили в лозунги советской партии. В обществе произошла смена акцентов, на фоне этих изменений советский учитель со всеми его знаниями и навыками оказался не нужен.

В целом мы можем сделать вывод, что школьная среда достаточно сильно зависима от происходящих в стране событий. Образ учителя в советском кинематографе четко фиксировал и реагировал на перемены в обществе. На протяжении всего существования СССР роль и значение учителя в общественном сознании претерпевали значительные изменения. От тотального уважения и послушания в послевоенную эпоху к крушению авторитета и большому количеству вопросов «почему» в эпоху перестройки. Учитель являлся «государственным заказом», и с разрушением государства стало непонятно, для чего нужен его труд и какую линию взаимоотношений с учениками и обществом он должен занять.

Библиографический список

1. Григорьева О. Образ учителя в советском кино: от «Весенней» оттепели до «Большой перемены» // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 223–239.
2. Райхлина Е.Л., Юрчик Н.Н. Образ учителя в русском кинематографе // Молодой ученый. 2016. № 13.2. С. 60–62.
3. Шипулина Н.Б. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе // Известия ВГПУ. 2010. № 8 (52). Серия «Социально-экономические науки и искусство». С. 4–16.

4. Щербакова Е.И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2011. С. 473–488.

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ШКОЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ СТУПЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ

SOURCES OF PERSONAL ORIGIN IN THE EDUCATIONAL SCHOOL PROCESS IN THE SECONDARY LEVEL OF EDUCATION

М.В. Весельский

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Источники личного происхождения, методика, средняя школа, педагогические технологии, методика преподавания, использование источника.

Sources of personal origin, methodology, secondary school, pedagogical technologies, teaching methods, source using.

В статье рассматривается источник личного происхождения как документ, используемый в сфере школьного образования. В ней рассмотрены основные характеристики, свойства и возможности для эффективного и успешного применения данного вида документов на практике.

This article explores the source of personal origins as a document used in the field of school education. It examines the main characteristics, properties and opportunities for the effective and successful application of this type of documents in practice.

Использованию исторического источника в процессе обучения истории на сегодняшний момент уделяется повышенное внимание. К сожалению, возможности использования источников личного происхождения в методической науке и практике до сих пор не определено однозначно.

Используя анализ современного школьного опыта, можно прийти к выводу, что у среднего учащегося не проявляется интерес учащихся к историческим источникам. Это положение существует, потому что работа с ними чаще всего сводится к заданиям на определение автора документа, выделение из текста главного, прочтению дополнительной литературы и конспектированию объемного текста. Поэтому вопрос о том, как необходимо выстроить работу для успешной реализации задач обучения, поставленных государством в ряде нормативных документов, таких как ФГОС, ИКС, Концепция нравственно-патриотического воспитания, стоит на сегодняшней повестке дня. Фокусировка на историческом источнике личного происхождения в современной школе крайне важна. Посредством исторического источника у учащихся формируется интерес к истории. При работе с ними у учеников активизируется процесс мышления и воображения, что способствует усвоению исторических знаний и развитию исторического сознания. У учеников вырабатывается умение самостоятельной работы с элементами исследования, анализировать и извлекать информацию, оценивать значение исторических источников прошлого и настоящего. На уроках ученики узнают о значимости источников для исторической науки, видят в них след деятельности когда-то живших людей.

Обучающиеся на уроке по истории практически не имеют возможности работы с источниками, при этом, если работа все же осуществляется, документом выступает материал, подготовленный составителем учебника. Разнообразие исторических документов личного происхождения, свобода доступа, значимости, техническое оснащение, достоверность источника требует определения основных его видов, изучение которых позволит использовать конкретный исторический источник в качестве учебного материала. Поскольку данная статья рассматривает источники личного

происхождения, то необходимо дать нижеследующую классификацию, основанную на работе С.В. Кордана:

- воспоминания очевидцев;
- личные дневники;
- мемуары;
- частная переписка [3].

Материалы, используемые учебном процессе в качестве исторического источника при изучении темы на уроках истории в школе, должны соответствовать следующим требованиям: соответствовать целям и задачам обучения истории; отражать основные, наиболее типичные факты и события эпохи; быть органично связанными с программным материалом; содействовать актуализации исторических знаний – быть доступными ученикам по содержанию и объему; должны быть интересны; обладать информативностью для развития познавательной самостоятельности и заинтересованности, совершенствования приемов умственного труда [1, с. 16]. На уроках истории документы могут использоваться как учителями, так и учениками. Учитель пересказывает документ, если он сложен для учеников, приводит короткие цитаты. Работа учеников с документами должна постепенно усложняться.

Помимо этого, учитель должен научить работе с документом и самих учеников. Чтобы обучить учащихся работать с документами различных видов, необходимо пройти следующие этапы: анализ документа под руководством учителя; самостоятельный анализ документа в школе; контроль умения анализировать документ.

Особо нужно обратить внимание на тот факт, что умение анализировать документ очень важно для учащихся старших классов, т.к. в этот период предполагается, что школьники активно занимаются исследовательской деятельностью, которая невозможна без изучения различных источников по той или иной проблеме. Причем при анали-

зе документов учащиеся используют уже имеющиеся у них знания по вопросу. Как правило, ответ нельзя прочитать в учебнике, его нужно найти в источнике. Применение знаний, поскольку документы призваны углублять, конкретизировать и придавать приобретенным учеником знаниям живую изобразительность, понимание своеобразия военной эпохи, то однозначно работа должна проводиться после определенной порции нового материала, предложенного учителем [2].

Работа с документами призвана познакомить учащихся с некоторыми методами исследований, применяемых в исторической науке. Существуют различные формы работы с документами: 1. Включение в лекцию фрагментов документов или содержащихся в них сведений в качестве аргументации излагаемого учителем материала. 2. Самостоятельная работа учащихся на уроке, как с отдельными фрагментами, так и с блоками текстов по заданиям учителя. 3. Применение текстов для контроля [5].

Также следует обращать внимание на то, что источник личного происхождения является оценочным взглядом непосредственного свидетеля происходящих событий, поэтому при подготовке к использованию такого источника следует быть крайне внимательным. При написании документа составитель в первую очередь концентрируется на собственном эмпирическом опыте, не всегда исторически верном. Во многом в источнике личного происхождения превалирует эмоциональная черта, тогда как фактологическая часть крайне скудна или вовсе отсутствует. При необходимости следует заострить внимание учащихся на том факте, что документ является плодом эмоциональных и личностных переживаний конкретного человека. При всем при этом источник личного происхождения предлагает ученикам необычный опыт: ощутить с помощью документа дух исторической эпохи, возможность прочувствовать эмоционально

события, описанные в учебнике, и в какой-то мере ощутить себя свидетелем описываемых событий.

Приступая к работе с документами на уроке, также необходимо учитывать возраст и основные параметры психологического развития детей данного возраста. Поскольку преподавание в средней ступени образования происходит во время полового созревания, то получается, что при работе с историческим источником личного происхождения следует быть крайне осторожным. В психологических периодизациях Д.Б. Эльконина и А.Н. Леонтьева ведущей деятельностью в юности признается складывание интимно-личностных отношений на раннем этапе, а на более поздних этапах (ближе к 9–10 классу) – учебно-профессиональная деятельность [7, с. 108]. Отсюда исходит утверждение, что деятельность в старших классах должна приобрести новую направленность и новое содержание, ориентированное на будущее. Речь может идти об избирательном отношении к некоторым учебным предметам, связанным с планируемой профессиональной деятельностью. Как было отмечено в исследованиях Н.Б. Матвеевко, также в этот период стоит помнить об обострении конкуренции между детьми и о том, что социальная активность школьника в этот период также является весьма существенной. Не стоит забывать и про то, что необходимо реализовать и учебные цели, описанные в нормативных документах типа ФГОС, ИКС.

Таким образом, организация процесса обучения с использованием источников личного происхождения невозможна без грамотно подобранной технологии подачи информации. Наиболее перспективным в данном вопросе, исходя из всех вышеперечисленных фактов, являются технологии, рассчитанные на дискуссию и на критический анализ информации. Таковыми технологиями можно считать следующие: метод кейсов, диспут, дискуссия и технология дебатов. Данные виды при работе с источниками лично-

го происхождения примечательны в нескольких аспектах. Во-первых, будет удовлетворена потребность в общении учащихся. Во-вторых технологии данного типа позволяют реализовать все четыре типа УУД (личностные, коммуникативные, познавательные, регулятивные), что особенно ценно в контексте реализации ФГОС в школе. В-третьих, представляется возможность учащимся воспользоваться своими историческими знаниями в практическом ключе. В-четвертых, по сравнению с лекционными методами преподавания может значительно повыситься эффективность восприятия полученной информации.

Таким образом, необходима подготовка и правильно подобранный подход к работе с источником личного происхождения, что позволяет значительно улучшить качество исторического образования в школе.

Библиографический список

1. Басик Н.Б. Педагогические возможности работы с документами в школьном курсе истории // История в школе. 1999. № 4. С. 15–17.
2. Винокурова М.Ф. Исторические источники на современном этапе преподавания в России [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/istoricheskie-istochniki-v-prepodavanii-istorii-534154.html> (дата обращения: 14.05.2017).
3. Кордан С.В. Исторические источники: понятие, место и роль в историческом процессе [Электронный ресурс]. URL: http://enotabene.ru/hr/article_11431.html (дата обращения: 14.05.2017).
4. Люцай И.А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/140/39375/> (дата обращения: 13.05.2017).
5. Скрутьелникова Г.П. Особенности использования исторических источников на уроках в школе [Электронный ресурс]. URL: http://lomonpansion.com/articles_2_3392.html (дата обращения: 14.05.2017).

6. Хлытина О.М. Исторические источники в историческом познании [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-istochniki-v-uchebnom-istoricheskom-poznanii-traditsii-i-innovatsii> (дата обращения: 14.05.2017).
7. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 384 с.

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ СПОРТА В КРАСНОЯРСКЕ В 1945–1953 гг.

PARTY-STATE LEADERSHIP AND ORGANIZATION OF SPORTS IN KRASNOYARSK IN 1945–1953 YEARS

М.А. Ильюшенко

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Н.В. Ворошилова

Спорт, история, Красноярск, СССР, ДСО, физическая культура, ЮСШ, Крайсовнпроф, ГТО.

Sports, history, Krasnoyarsk, the USSR, DSO, physical culture, USA, Kraysovprof, TRP.

В статье анализируется организация и управление в сфере физической культуры и спорта в послевоенный период в городе Красноярске. В данных направлениях особую роль играли партийные, комсомольские и профсоюзные органы. Главным органом управления, руководящим спортивным движением Красноярского края, являлся Краевой комитет физической культуры и спорта при Красноярском крайисполкоме. Руководство спортивным движением в Красноярске осуществлял Городской комитет по делам физической культуры и спорта, входивший в структуру горисполкома. В начале 1950-х гг. спортивная работа в профсоюзах значительно активизировалась, а физкультурное движение стало более массовым.

The article analyzes the organization and management in the sphere of physical culture and sports in the post-war period in the city of Krasnoyarsk. In these areas, a special role was played by Party, Komsomol and trade union bodies. The main governing body, the leading sports movement of the Krasnoyarsk Territory was the Regional Committee of Physical Culture and Sports at the Krasnoyarsk Territory Executive Committee. The management of the sports movement in Krasnoyarsk was carried out by the City Committee for Physical Culture and Sports, which is part of the structure of the City Executive Committee. In the late 1940s and early 1950s, the committee faced two main tasks: 1) organizational strengthening of existing and organization of new sports teams; 2) achieving the greatest involvement of the city's population in the physical culture movement. In the early 1950's. Sports work in trade unions has significantly intensified, and the sports movement has become more massive.

Образование Красноярского краевого и Красноярского городского комитетов по делам физической культуры и спорта произошло в 1936 г. в связи с выходом Постановления ЦИК и СНК СССР «Об образовании Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР». В конце 1940-х – начале 1950-х гг. перед комитетом стояли две основные задачи: 1) организационное укрепление существующих и организация новых физкультурных коллективов; 2) достижение наибольшего вовлечения населения города в физкультурное движение (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 11. Л. 25). Спорткомитет организовывал и проводил все основные городские спортивные соревнования, кроме того, он принимал активное участие в организации краевых соревнований. Крупные всероссийские и всесоюзные спортивные состязания в послевоенное время в Красноярске не проводились.

Городской спорткомитет осуществлял руководство нижестоящими органами с помощью директивных указаний и приказов. Проверка их исполнения обычно проходила на ежемесячных заседаниях комитета в форме заслушивания отчетных докладов председателей районных спорткомитетов, председа-

телей красноярских советов ДСО и физкультурных коллективов предприятий и учреждений города. В своих отчетах каждый из докладчиков в обязательном порядке должен был предоставить информацию по 5 пунктам: 1) общие и организационные вопросы, 2) вопросы подбора, расстановки и учета физкультурных кадров, 3) вопросы организационно-спортивной работы, 4) вопросы агитации и пропаганды, 5) вопросы улучшения материальной и технической базы для занятий физкультурой и спортом, в том числе содержание и ремонт спортивных сооружений, производство и распределение спортивного инвентаря и оборудования (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 30. Л. 29).

Важное место в организации красноярского спортивного движения занимали профессиональные союзы и ДСО (добровольные спортивные общества). Всего в Красноярске, согласно данным отчета городского спорткомитета на 1.01.1950, насчитывалось 18 ДСО (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.). На 1-й Краевой межсоюзной конференции, состоявшейся 21 ноября 1948 г., перед профсоюзными организациями была поставлена задача значительного улучшения работы по развитию физической культуры и спорта. В августе 1949 г. при Крайсовпрофе был создан Совет по физической культуре и спорту. Председателем совета был избран известный профсоюзный деятель П.И. Сысонов, кроме него, в состав совета вошли председатели красноярских отделений ДСО А.А. Кондратович («Большевик»), Н.А. Шелованов («Локомотив»), В.Т. Сухарев («Красная Звезда») и И.В. Иванов («Медик»), а также представитель физкультурного коллектива завода им. В.Т. Ворошилова Маляров (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 30. Л. 17). В начале 1950-х гг. спортивная работа в профсоюзах значительно активизировалась, а физкультурное движение стало более массовым. Важной функцией городских отделений спортивных обществ являлось «шефство» над красноярскими школами. Так, ДСО «Водник» шефствовало над школами № 40 и № 46, «Дина-

мо» над школами № 10 и № 7, «Большевик» над школами № 2 и № 19 (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 38. Л. 31).

В послевоенное время двумя наиболее серьезными проблемами, стоящими перед руководящими органами красноярского спортивного движения, являлись: 1) дефицит квалифицированных кадров и низкая эффективность их работы; 2) неудовлетворительное материальное обеспечение спорта. В Красноярске ощущалась острая нехватка профессиональных кадров. Практически все штатные руководящие физкультурные кадры – руководители и тренеры, не имели специального физкультурного образования. В отчете Красноярского краевого комитета по делам физической культуры и спорта за 1952 г. указывалось, что в Красноярском крае насчитывалось всего 12 человек с высшим физкультурным образованием (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 24. Л. 18).

Ситуация начнет исправляться только с 1957 г., когда в Красноярском педагогическом институте будет открыт факультет физического воспитания. Неудовлетворительное материальное обеспечение являлось второй основной проблемой в развитии красноярского спорта. В секциях и командах не хватало спортивного инвентаря. Известно, что в октябре 1950 г. в красноярской секции классической борьбы появился первый настоящий борцовский ковер, его отправку инициировал один из чиновников центрального совета ДСО «Локомотив» после того, как узнал, что красноярские борцы «тренируются на опилках» (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 22. Л. 63).

Кадровые и материальные проблемы существенно затрудняли развитие красноярских спортивных школ. Информация по ним разнится. Так, согласно докладу городского спорткомитета в 1952 г. в Красноярске функционировали 3 юношеских спортивных школы – ЮСШ Красноярского городского комитета по делам физической культуры и спорта, ЮСШ Красноярского ГорОНО и ЮСШ при Отделе учебных заведений Красноярской железной дороги (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 39. Л. 21).

Подводя итог, необходимо отметить, что партийно-государственное руководство спортивной сферой следует оценивать неоднозначно. С одной стороны, число людей, активно занимающихся физической культурой и спортом в Красноярске, по неточным данным, выросло с 15 000 до почти 32 000 человек, в период с 1947 по 1953 г., то есть за 6 лет увеличилось в 2 раза (ГАКК. Ф. 2242. Оп. 1. Д. 46. Л. 155).

С другой стороны, развитию спорта в Красноярске мешали следующие проблемы: слабая материальная база, недостаток квалифицированных управленцев и тренерских кадров, низкий уровень подготовки ведущих спортсменов. С учетом того, что в 1945–1953 гг. красноярцы на международной и всесоюзной арене себя еще как следует не проявили, можно сделать вывод о недостаточном развитии массовости спорта, которая давала бы появиться молодым талантам.

Список сокращений

1. ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ, ТРУДОВЫЕ БУДНИ И РАТНЫЙ ПОДВИГ НАСЕЛЕНИЯ КАРАТУЗСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ DAILY LIFE, WORKING LIFE AND FEAT OF ARMS OF THE POPULATION KARATUZSKOE DISTRICT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

А.С. Кобзарь

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

Каратузский район, Великая Отечественная война, ветераны, труженики тыла, дети войны.

Karatuzskaya district, Great Patriotic war, veterans, home front workers, children of war.

Рассматривается жизнь населения Каратузского района в годы войны, а также судьбы людей, ушедших на фронт.

We consider the lives of the people Karatuzskoe district during the war, as well as people who went to the front.

Великая Отечественная война — трагическое событие в судьбах большинства российских семей. Мы задались целью узнать, насколько сегодня это возможно, как рядовые жители отдельно взятого района Красноярского края — дети, труженики и неработающие, женщины и мужчины, участники Первой мировой и гражданской войн восприняли известие о начале войны.

Нам удалось найти тех, кто еще не забыл о тех событиях. Весть о начале войны до Каратузского района дошла не сразу. После того как стало известно о начале войны, начали призываться на фронт люди. Как восприняли эту новость жители, рассказывает Анна Ивановна Подсадникова (в девичестве Кудашкина) из села Алексеевка, ей на начало войны было 11 лет. Она хорошо помнит, как началась война: «Было воскресенье, день стоял хороший, солнечный. Взрослые были на работе, многие на пашне. На запад страны уже вторгся враг, а у нас еще ничего не знали. Из Каратуза приехали нарочные, разослали детей собирать взрослых по полям. Скоро вся площадь в центре Алексеевки заполнилась людьми. С трибуны, с которой во время праздников выступали ораторы, объявили о нападении Германии. Взрослые не могли удержать слез. Женщины плакали, глядя на них, плакали и дети. На другой день с той же площади всем селом провожали уходящих на фронт. Играла гармошка, перебиваемая плачем женщин и ребятишек. Настала тяжелая минута расставания. Но не знали люди, что впереди долгие четыре года войны, что многие уже никогда не увидятся...». Уже 13 сентября 1941 г. газета «Сталинский путь» сообщила, что с начала войны 77 человек подали заявление о добровольной отправке на фронт, из них 46 комсомольцев

и 28 девушек. Всего на фронт было призвано 9 150 каратузцев, в том числе 71 женщина (Сталинский путь. 1941. 13 сентября).

После призыва на войну деревни района сильно опустели, остались лишь женщины, старики и дети. Жизнь в тылу была очень трудна, вся тяжелая работа легла на хрупкие женские плечи. Вспоминает Фиония Семеновна Леонова: «Мне было 13 лет, когда началась война, мы приехали в Ширыштык, это наша Родина, из Кискача (Хакассия), мама и трое детей. Школа была, но я не училась, есть нужно было зарабатывать. Работала я на прицепе, сенокосилке, в общем, куда пошлют, молотили, скирдовали, лен рвали, вязали суслом – весь световой день, а за это ставили палочку на бумажке – трудодень, выдавали по 200 грамм хлеба. Помню бригадира Данила Тетюхина. Мы и по неделе на пашне жили. Кто постарше – их отпускают, а мы ночуем. Ели, конечно, не так как сейчас, и что люди сейчас на жизнь жалуются? Помню, гречку натрешь бутылкой так, что почти мука получится, и сваришь, «гречушный саламат» получается, а еще нарвешь в лесу пекан, пучки в воду и соли добавишь, покипит – вот и ешь. А еще кулага из ржаной муки, как кисель получается, можно было калины добавить. Тыкву и брюкву парили. Целую ставишь на лист и в русскую печку. Клюкву рвали, черемуху сушили, а потом мололи. Был в селе пенько-завод, коноплю мяли, рвали, веревки делали, но нас туда не пускали, маленькие еще. Одежды и обуви никакой не было. Помню, по жнивью босиком ходила. А ноги больно, так я натянула рукава фуфайки на ноги, все легче. Сами себе бродни шили – сапоги из свиной кожи. Понитки шили из посхоня, что растет в конопле, в банях мяли, сушили, чесали. Меня в те годы три раза змея кусала, один раз, когда лен рвали, думала умру, нога распухла, бродни даже с меня срезали, но ничего, сестра заговорами вылечила. Одно могу сказать, жили мы тогда дружнее, пели. Сядут бабы наревутся и снова поют. Видно, горе всех объединило. Ведь во всем помогали друг другу. Всей деревней могли дрова готовить или сено, кто нуждался».

Люди работали на пределе человеческих сил по 14–15 часов в сутки. Не хватало техники. В качестве тягловой силы на вспашке использовали лошадей и быков. За плуг становились подростки. Урожай убирали серпами. В эти тяжелые годы в Каратузском районе начали создаваться женские тракторные отряды. Девушек обучали на специально организованных в райцентре курсах и садили на трактора, при этом они достигали высоких результатов на полевых работах. Каратузский район делал все возможное, чтобы обеспечить бесперебойные поставки продовольствия и одежды на фронт. В 1941 г. было отправлено для нужд Красной армии: 800 полушубков, 250 меховых жилетов, 1 640 пар валенок, 1 300 шапок-ушанок, 1 640 пар меховых рукавиц, 800 пар носков, 400 пар варежек, 500 – теплого белья.

В колхозах района полным ходом шло увеличение посевных площадей. Всего под посев урожая в 1941 г. было отдано 47 711 га земли, засеянной зерновыми и бобовыми культурами, картофелем, однолетними и многолетними травами. «С огромной радостью колхозники Ширыштыского сельского совета встретили сообщение Советского Информбюро о разгроме немецких полчищ под Москвой. На колхозных собраниях, посвященных этой радостной вести, колхозники взяли обязательства еще больше усилить помощь фронту, дать все необходимое нашим доблестным воинам, героически сражавшимся за правое дело, за нашу честь, свободу и независимость. Не позднее 1-го мая 1942 г. колхозники решили вырастить в своих хозяйствах 20 свиней и 35 овец и передать их на питание Красной армии».

В 1942 г. для защитников Ленинграда было отправлено 16 тонн картофеля, 10 тонн овощей, по одной тонне масла, меда и ягод, 5 тонн печенья, 10 тысяч штук яиц. Во всех населенных пунктах для нужд Красной армии выращивали кур и гусей, сушили картофель, заготавливали табак, собирали металлолом.

В 1942 г. по плану под яровой сев утвердили 36 720 га земли, засеянные яровыми зерновыми культурами (в том числе просо и гречиха) и техническими культурами (в том числе махорка, конопля, лен). Люди трудились на полях и днем и ночью, было много передовиков производства, известны только некоторые из них. В списке передовиков 1944 года числятся: Изидорчик И.М. – пахарь колхоза им. Кагановича, вспахал на паре лошадей 24 га, Норин А.И. – пахарь того же колхоза – 25 га, Чистякова Александра – бороноволок того же колхоза, заборонила 108 га с начала сева, Селина И.Ф. – сеяльщица на тракторной сеялке – 550 га с начала сева, Бочкарева В.Т. – трактористка Каратузского совхоза – 230 га мягкой пахоты при плане 105 га. Полухин Н.И. – тракторист этого же совхоза, 201 га мягкой пахоты, Курагин Н.В. – 12 лет – бороноволок колхоза им. Сталина Качульского с/совета, заборонил 170 га с начала сева (Знамя труда. 1977. 7 ноября).

В 1942 г. Ульяне Ивановне Дюкаревой из с. Каратузского было всего 15, но она в течение короткого времени стала механизатором и работала все четыре сезона: пахала, сеяла, буксировала на своем колесном тракторе комбайн. «Работали от зари до зари, вспоминает У.И. Дюкарева, а зачастую ночью, чтобы не сбился трактор с пути, впереди шел кто-нибудь из ребят с фонарем «Летучая мышь» и освещал дорогу. А ты едешь за этим человеком и смотришь, как бы не уклониться в сторону: глаза ведь то и дело слипались от сна».

В 1942 г. район отправлял запасы продовольствия для защитников Ленинграда. 20 января 1942 г. учителями района в фонд обороны внесено 30 500 рублей деньгами и 70 рублей облигациями.

В 1943 г. начинается сбор средств на формирование танковой колонны «Красноярский колхозник», колхозники колхоза им. Димитрова Каратузского района внесли 150 000 руб., а общими усилиями Каратузский район собрал 968 000 рублей.

Каратузский район за годы войны ни разу не сорвал выполнение госпоставок сельхозпродуктов для фронта. Жители района сдали в фонд обороны около 2 млн руб. из личных сбережений, отправили на фронт более тысячи посылок с валенками, теплыми носками, варежками, продуктами питания. Учащимися в 1941–1942 гг. было внесено на постройку самолета им. В. Талалихина 6 158 руб., отправлена на фронт 161 посылка, собрано около 30 тыс. кг черного металла (ЦХИДНИКК, Ф. 26. Оп. 3. Д. 285.Л. 13–14).

На территории Каратузского района разместили три детских дома. В 1942 г. в Колеватове открыли детский дом для детей спецконтингента (немцев Поволжья), куда позже разрешили принимать русских детей. В сентябре 1942 г. в пионерском клубе села Каратузского разместили эвакуированный из Ленинграда детский сад № 26.

На самых трудных участках боевых действий воевали каратузцы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Они принимали участие в боях в десяти воинских подразделениях, сформированных в годы войны на территории Красноярского края: в 119-й стрелковой дивизии, 382-й новгородской стрелковой дивизии, 374-й любаньской стрелковой дивизии, 309-й краснознаменной ордена Кутузова Пирятинской стрелковой дивизии, 78-й добровольческой стрелковой бригаде, 44-й отдельной стрелковой бригаде, 392-м полку резерва главного командования, 542-м пушечном артиллерийском полку, 510-м гаубичном артиллерийском полку резерва главного командования.

Каратузские воины обороняли Москву, Сталинград, Ленинград, воевали на Украинском, Прибалтийском, Южном, Волховском фронтах, на Украине, в Белоруссии, Литве, Польше, Германии, Венгрии, на Смоленщине, форсировали Днепр, штурмовали Берлин. Более 6 тысяч каратузцев за ратные подвиги на фронтах Великой Отечественной войны награждены боевыми орденами и медалями. Три жи-

теля Каратузского района: Трофимов Евгений Федорович, Шишкин Николай Васильевич, Комаров Григорий Васильевич – в годы войны были удостоены звания Героя Советского Союза. Каратузская земля известна своими героями, которые в разные периоды времени прославили район славными подвигами: четырем школам района присвоены имена уроженцев Каратузского района – Героев Советского Союза. Одной школе – имя Героя России Ивана Кропачева.

После окончания войны 3 210 человек не вернулись домой, из них половина (1 593) считаются пропавшими без вести. Места захоронения воинов-каратузцев известны на Украине, в Белоруссии, Литве, Финляндии, Эстонии, Германии, Румынии, Венгрии, Польше, Мордове, в большинстве областей России.

В честь воинов-участников Великой Отечественной войны в Каратузе, Верхнем Кужебаре, Моторске, Черемушке, Таскино, Сагайске, Уджее, Качульке, Ширыштыке, Нижнем Кужебаре и Среднем Кужебаре установлены обелиски.

Библиографический список

1. Байзель В.М. Амышские перекаты...// Приложение к газете «Знамя труда». 2006, 26 апреля. 4 мая.
2. Байзель В.М. Детские дома Каратузского района // [Электронный ресурс]. URL: <http://kravchenkoryslan.narod.ru/histori/detdoma.htm>
3. Байзель В.М. Каратузский район. История малой родины. Абакан: Бригантина, 2011. С. 61–62.
4. Блохина С. Каратузский райисполком в г. войны // Минусинский край. 1994. № 4. Ноябрь.
5. Дудникова Т. Спасибо, что ты есть // Знамя труда. 2015. 16 января.
6. Книга Памяти. Красноярский край. Т. 4. Красноярск: ЛИБРА, 1994.
7. Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия для учащихся старших классов средних школ. Книга 3. 1941–1963. С. 113–114, 366.

8. Красноярье: Пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Красноярск: Платина, 2006. Ч. 2. С. 67, 79.
9. Кучев А. Он сражался за Родину // Знамя труда. 2015, 10 апреля.
10. Меньшикова Т.А. А колхознице всего девять лет // Знамя труда. 2015, 10 февраля.
11. Письмо «О благодарности ленинградцев трудящимся Красноярского края за заботу об эвакуированных ленинградских детях» // Красноярский рабочий. 1945. 9 сентября.
12. Сальм К. История одного солдата // Знамя труда. 2014, 20 июня.
13. Сатрихина В. Горькая память детства // Знамя труда. 2015, 30 января.
14. Современное образование: инновации и перспективы: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, 24–25 апреля 2015 г. / под общей редакцией Н.И. Дроздова. Красноярск, 2015.
15. Трояновский В. Взрослые и дети. Записки педагога. Красноярск, 1967. С. 77.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ОБРАЗ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

THE CIVIL WAR IN THE MODERN RUSSIAN CINEMATOGRAPHY: THE IMAGE OF THE WHITE MOVEMENT

В.Е. Содомова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Гражданская война, двадцатый век, Белое движение, современный отечественный кинематограф, Дон, генерал Алексеев, адмирал Колчак, белогвардейцы.

Civil war, twentieth century, white movement, modern domestic cinema, Don, General Alekseev, Admiral Kolchak, White Guards.

В статье рассматриваются особенности Белого движения, существовавшего во времена гражданской войны 1917–1922 гг. в современном отечественном кинематографе.

This article deals with the features of the white movement that existed during the civil war of 1917–1922 in modern Russian cinema.

Белое движение сыграло бесспорно важную роль в истории России двадцатого века. Белое движение – военнополитическое течение, которое боролось за альтернативный вариант развития нашей страны после прихода к власти большевиков.

К концу двадцатого века произошел всплеск интереса к истории гражданской войны, и в частности к истории Белого движения, но внимание было привлечено лишь к политической истории, а анализ кинематографа отходил на второй план. Современный отечественный кинематограф выпустил немалое количество фильмов и сериалов о гражданской войне. Конечно, в каждом фильме остро показано противостояние Белого и Красного движения. Режиссеры показывают белогвардейцев и красногвардейцев как две диаметрально противоположности. Красных представляют как носителей антигуманных идей, грубых и жестоких людей, установивших террор по отношению к целым классам и группам населения России, расстреливающих, уничтожающих всех, кто откажется сотрудничать с ними (например, Приказ председателя революционного военного совета республики войскам и советским учреждениям южного фронта № 65. 24 ноября 1918 г.).

Участники Белого движения в фильмах и сериалах представлены нам как люди, которые отстаивают свои принципы, представления о добре и чести.

Как правило, это офицерский состав императорской армии, который принял присягу на верность императорскому дому, интеллигенты, для которых честь и данное слово значат очень многое.

Фильм «Адмиралъ» является одним из примеров образа Белой гвардии. Сюжет строится на коротком четырехлетнем промежутке из биографии знаменитого российского полководца Александра Васильевича Колчака. К власти постепенно приходят большевики, а российская аристократия терпит всяческие притеснения и репрессии. Одна за другой страну сотрясают революции, которые сменяются сокрушительной гражданской войной. Колчак командует флотом, войсками белой армии, борется за честь мундира. Также в пример можно привести фильм «Господа офицеры: спасти императора». Лето 1918 г., в России идет гражданская война. Большевики держат свергнутого Царя Николая II и его семью под арестом в Екатеринбурге. Группа белых офицеров под командованием штабс-капитана Андрея Давыдова получает опасное задание: освободить Государя. Людей Давыдова пытается остановить чекист Бейтикс. Семеро отважных посланников оказываются лицом к лицу против красных. Этот фильм как раз ярко показывает не только всю отвагу, мужество, белогвардейцев, но и всю грубость, жестокость красных, которые не остановятся ни перед чем, даже перед расстрелом царской армии. В фильме показано немало количество драк, сражений, где отряд красных без эмоций расстрелял не одного человека, также красные отличаются особой хитростью и пытаются воздействовать на капитана Давыдова с помощью захвата его невесты. Таким образом, красных можно снова характеризовать как безжалостных и беспринципных.

«Солнечный удар» – художественный фильм режиссера Никиты Михалкова, снятый по мотивам двух произведений Ивана Бунина – рассказа «Солнечный удар» (1925) и дневников 1918–1920 гг. «Окаянные дни». Фильм о последних днях безымянного капитана разбитой армии Врангеля в лагере красных в ноябре 1920 г. Его периодически посещают видения давнего, мимолетного адюльтера, когда он был поручиком. Одновременно он задается вопросом: «кто виноват в произошед-

шем с Россией?» Терзания прекращает только погрузка и капитана, и всего лагеря на баржу под предлогом транспортировки до Очакова. После погрузки бывших белогвардейцев судно, отбуксировав на глубину, затапливают. Перед этим, когда происходила погрузка, трагизма добавляют бывшие офицеры, которые рады транспортировке: «да поскорее бы домой да живым добраться, столько терпели, а тут какие-то восемь часов осталось подождать!». После этой фразы они запевают песни и бодро шагают на баржу, а Розалия Землячка, начальник политотдела, говорит жуткую в контексте той ситуации фразу: «И пусть поют, очень даже символично». Пусть белогвардейцы проиграли войну, но они до самой смерти оставались настоящими людьми, в отличие от красных. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Белое движение гораздо привлекательнее, чем красное, об этом нам говорит не только литература, но и кинематограф. В каждой экранизации мы видим, что Белое движение показывают в лучшем свете с разных сторон, а Красное движение, соответственно, в худшем. В борьбе красных и белых вера и правда были на стороне последних, но в силу целого ряда обстоятельств они все-таки проиграли.

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА АРМИИ КРАЙОВОЙ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

VISUAL REPRESENTATION OF THE ARMY KRAYOVA IMAGE IN THE SOVIET CINEMATOGRAPHY

А.М. Стеблинский

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Вторая мировая война, Армия Крайова, Польское сопротивление, Варшавское восстание, советский кинематограф, коллективная память, образ врага, кино о Великой Отечественной войне, кинематографический образ.

World War II, Armia Krajowa, Polish resistance, Warsaw uprising, soviet cinema, collective memory, image of enemy, cinema about the Great Patriotic war, cinematographic image.

Статья посвящена рассмотрению визуальной репрезентации образа вооруженных партизанских формирований Польского правительства в изгнании в советском кинематографе в период с 1942 по 1991 г.

This article is devoted to the visual representation of the image of the armed partisan formations of the Polish government in exile in Soviet cinematography from 1942 to 1991.

Более 70 лет прошло с момента окончания Великой Отечественной войны. Чем дальше эти события уходят в прошлое, чем меньше становится живых свидетелей, тем большую роль в формировании образа войны играет кинематограф. В отечественном кинематографе довольно часто затрагиваются проблемные и дискуссионные вопросы истории войны. Одним из таких вопросов является взаимоотношение Советского Союза с польскими вооруженными партизанскими формированиями, находящимися в подчинении эмигрантского польского правительства: Союзом вооруженной борьбы (СВБ), преобразованного 14 февраля 1942 г. в Армию Крайову (АК), и послевоенными антикоммунистическими группировками, созданными на основе отрядов АК, известные под общими терминами «поставковские формирования» и «проклятые солдаты».

Впервые польское подполье появляется на советском киноэкране в киноновелле «Квартал № 9» «Боевого киносборника № 9», вышедшего в марте 1942 г., и киноновелле «Квартал № 14». По сюжету в некоем польском городе появляются подпольщики, которые распространяют среди населения листовки, в которых содержится информация о договоре между СССР и Польским правительством («Лондонское эмигрантское правительство») о совместной борьбе против

немцев и призыв «вождя всех трудящихся мира» Сталина к организации партизанских отрядов в тылу врага, тем самым поднимая горожан на восстание против немцев [6].

С 18 по 21 июня 1945 г. в Москве прошел так называемый «Процесс Шестнадцати» под руководством Армии Крайовой и представителями польского «лондонского» эмигрантского правительства. Их обвиняли в том, что они, действуя по указке «лондонского» правительства, ложно заявили советскому военному командованию о роспуске Армии Крайовой, в действительности сохранив ее штабы, офицерские кадры и на этой базе создали новую законспирированную военно-политическую организацию под наименованием «НЕ» – «Неподлежность» («Независимость») в целях продолжения подрывной работы в тылу Красной армии и подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР. Идеологическое влияние данного судебного процесса отразилось и в советском послевоенном кинематографе.

В частности в одном из антагонистов фильма «Зигмунд Колосовский» (1946) – Венцеле, бывшем депутате сейма и полковнике польской армии, который в период немецкой оккупации в радиовыступлениях призывает поляков не вести активного сопротивления, которые могут привести к ненужным жертвам, пытается подослать своих агентов с целью убийства главного героя – подпольщика с явно «прокоммунистической ориентацией» Зигмунда Голембу, а перед вступлением советских войск в некий польский город обращается к своим сторонникам уходить в подполье и вести борьбу против Красной армии – легко угадывается руководство Армии Крайовой [5].

После «Зигмунда Колосовского» тема «лондонских поляков» вернулась на киноэкраны только в середине 70-х гг. В 1976 г. в советско-польском фильме «Сохранить город» (1976), в Кракове, помимо коммунистического польского подполья, действует и отряд АК, члены которого хотя и при-

держиваются четких антисоветских и антикоммунистических взглядов (считают «советы» — новыми оккупантами, а Армию Людову — их марионетками), тем не менее, понимая, что речь идет о сохранении их родного города, помогают советским разведчикам и отрядам АЛ спасти Краков от разрушения, героически погибая за считанные минуты до освобождения города.

Наиболее ярко тема «Лондонских поляков» раскрыта в киноэпопее «Солдаты свободы» (1976). Одна из серий практически полностью посвящена Варшавскому восстанию. В ней фигурирует практически все руководство АК, включая ее командующего Бур-Комаровского, командующего Варшавским округом полковника Монтера и последнего командующего АК Окулицкого. Высшее командование АК предстает здесь авантюристами, которые из-за политических амбиций отклоняют все попытки советского командования договориться о совместных действиях. Непосредственно в боевых сценах восстания показывается преимущественно отряды АЛ (из 40 тыс. варшавских повстанцев — бойцов АЛ было 1 800 (4,5 %)) [4].

То, что уже было сказано в «Солдатах свободы», в полной мере относится и к тому, как в советском кинематографе вплоть до перестройки изображалась Армия Крайова и Польское правительство в изгнании. В частности «польский вопрос» затронут в ряде «партизанских фильмов», выпущенных киностудией им. А. Довженко. В фильме «Карпаты, Карпаты...» (1976), завершающий трилогию «Дума о Ковпаке», советским партизанам из отряда Ковпака, находящимся на Западной Украине, помогает польский ксендз и два монаха-послушника (один из которых бывший капрал польской армии). Данных персонажей можно рассматривать как явный намек на деятельность польского подполья на Западной Украине, которое из-за конфликта с УПА, активно сотрудничало с советскими партизанами [1]. В фильме «От

Буга до Вислы» (1980), сюжетно связанный с «Думой о Копаке», советские партизаны в конце 1943, отправившись в рейд в Восточную Польшу в район Люблина, где сначала сталкиваются с действующими там отрядами АЛ и Батальонов Хлопских, а затем с отрядами АК, которые, по словам одного из командиров БХ, – самые многочисленные партизаны под Люблином. Местное руководство АК активно идет на сотрудничество, а командир контрразведки АК (который, как намекается в фильме, до войны занимался разведывательной деятельностью против СССР) предоставляет советским партизанам разведывательную информацию о немцах, и даже знакомит их со своим информатором из числа коллаборационистской «синей полиции». АКовцы в фильме показаны как достаточно экзотическое явление: ходят в довоенной форме польской армии и живут по армейским уставам, советские партизаны частенько упрекают их в малой боевой активности – «что-то у вас тут много целых жд. мостов».

В 1987 г. зрители сериала «Отряд специального назначения» (посвященного легендарному советскому разведчику Николаю Кузнецову) в конце второй серии могли услышать следующее «в Варшаве раскрыты 2 псевдоподпольные офицерские школы. Субсидируются из Лондона польским эмигрантским правительством. Преподаватели немецкие офицеры». Вероятно, эта информация является пропагандической вставкой, рассчитанной на советского зрителя: в экспортном варианте фильма эти слова были пропущены [2].

В конце 1980-х гг. в развитии советского кинематографа начинается новый этап – так называемого «перестроечного» кино. В этот период в связи с ослаблением идеологического контроля в советском кинематографе начинают подниматься проблемы, до этого нежелательные или даже запрещенные к показу на широком экране. Эта тенденция в полной мере отразилась и на фильмах, посвященных Великой Отечественной войне. В частности в советско-польской мно-

госерийной картине «Красный цвет папоротника» (1989). По сюжету советский партизанский отряд весной 1944 г. в ходе рейда оказывается в Яновских лесах в Польше, где помимо союзных партизан-коммунистов Армии Людовой, сталкиваются с действующим там отрядом Армии Крайовой, которым командует майор Бжезина (ему также подчиняются формирования «Батальнов Хлопских»). Он является противником сотрудничества АК с советскими партизанами, его позиция в отношении партизан заключается в том, что «они союзники наших союзников», не будем мешать им бить немцев, однако и не будем помогать». Это вызывает конфликт с его заместителем – поручиком «Сенком», который уверен в необходимости совместной борьбы с немцами. Недоверие Бжезины и ряда бойцов и офицеров к партизанам также обуславливается событиями 17 сентября 1939 г. – Катынью и разоружением 27 Волынской дивизии АК под Ковелем, о чем Бжезина прямо заявляет на переговорах с партизанами. Таким образом, если до этого в советском кинематографе руководство АК только по причине своих властолюбивых амбиций и «буржуазного национализма», то в «Переправе» показываются глубинные причины напряженности в отношениях между АК и СССР [3].

Раскрывая причины недоверия руководства АК и советских партизан друг к другу, в фильме однако проводится идея, что на низовом уровне бойцы и командиры АК и советских партизан ради борьбы против общего врага способны объединиться, и личные дружеские отношения между представителями братских славянских народов сильнее политических разногласий.

Таким образом, говоря о визуальной репрезентации образа Армии Крайовой в советском кинематографе, можно выделить ряд особенностей. Во-первых, эволюция данного образа прошла несколько этапов, связанных с особенностями государственного идеологического курса и степени его

цензурного влияния на кинематограф. Во-вторых, в отечественном кинематографе нашли отражения достаточно много аспектов, связанных с деятельностью АК: от Варшавского восстания до взаимодействия с советскими партизанами и Красной армией. Рядовой боец АК как в советском, так и постсоветском кино чаще всего идейный и искренний патриот Польши, не имеющий ничего против Красной армии и СССР, но вот его командир – националист, готовый идти ради идеи «Великой Польши» и приказов эмигрантского правительства на авантюрные действия, зачастую препятствующие антифашистской борьбе.

Библиографический список

1. Вовк М.Ю. Армия Крайова на территории СССР во время Второй мировой войны // ЗПУ. 2005. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/armiya-krayova-na-territorii-sssr-vo-vremya-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 31.12.2016).
2. Kajtoch Wojciech Открытие врага. О некоторых современных «польских» художественных фильмах, а также о российских и белорусских сериалах, посвященных Второй мировой войне //Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. № 2. URL: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-4043ecb3-89ad-455e-959d-41b034993b40> (дата обращения: 29.02.2017).
3. Многосерийный фильм «Красный цвет папоротника», реж. В. Туров, 1988 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=duk1Q05I2Pw>
4. Многосерийный фильм «Солдаты свободы», реж. Ю. Озеров, 1977 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vaXNmYOAf9A>
5. Художественный фильм «Зигмунд Колосовский», реж. С. Навроцкий; Б. Дмоховский, 1945 [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vaXNmYOAf9A>
6. «Боевой киносборник № 9», реж. М. Донской, 1942 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p0lsEX5M2B8>

**ОСОБЕННОСТИ
СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА
ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» В ОСВЕЩЕНИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**FEATURES OF THE SOVIET CINEMA
OF THE PERIOD OF «THAW» ACCORDING
TO THE GREAT PATRIOTIC WAR**

А.Г. Федорова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Кинематограф, война, «оттепель», патриотизм, Хрущев, советское общество, пропаганда, коммунизм, режиссеры «Оттепели», искусство.

Cinema, war, «thaw», patriotism, Khrushchev, Soviet society, promotion, communism, directors of «Thaw», art.

В статье рассматривается кинематограф «оттепели», что нового он внес в тему Великой Отечественной войны. Выделяются особенности кинолент этой эпохи. Военная тема занимала по-прежнему большое место в кино. Правда, звучала по-иному. Что бы ни говорили историки о такой неоднозначной личности, как Никита Хрущев, без него в жизни советского общества не было бы периода, называемого «оттепелью».

In article cinema of «thaw» is considered that new it has brought in a subject of the Great Patriotic War. Features of movies of this era are distinguished. The military subject figured prominently still at cinema. However, I sounded differently. Whatever historians spoke about such ambiguous personality as Nikita Khrushchev, without him in life of the Soviet society there would be no period called by «thaw».

Роль, которой был наделен кинематограф в 1930–1960-е гг., была важной и многогранной. Преодолев сложный путь военных испытаний, кинематограф стал надежным народ-

ным помощником в процессе борьбы против фашизма.

фа-

Тематика советского кинематографа периода «оттепели» является актуальной, так как до сегодняшнего дня она обладает большой силой воздействия на общественное сознание. В настоящее время многими режиссерами используются материалы тех фильмов в качестве основы для создания собственных кинолент. Киноискусство тех лет способно вселить глубокое чувство патриотизма и настоящей любви к своей Родине.

Объект представленного исследования – советский кинематограф 1953–1964 гг.

Предмет исследования – особенности советского кинематографа в период «оттепели» в освещении Великой Отечественной войны, основных тенденциях его развития.

Цель исследования – определение основных характеристик кинематографа в период «оттепели».

Художественные фильмы о Великой Отечественной войне в советском обществе всегда имели как социальный, так и политический заказ. Зачастую на подобные картины не жалели значительных финансовых средств, их создатели получали всемерную поддержку различного характера. Тема войны на экране была очень востребованной для самутверждения и самоощущения советских людей в контексте формирования коллективной идентичности [1, с. 503–505]. Также кинематограф «оттепели» обратил более пристальное внимание к внутреннему миру человека, причем самого обыкновенного. Кинокартины о войне в разные периоды развития советского общества наглядно демонстрируют трансформацию коллективной памяти общества о прошлом. Таким образом, художественные фильмы могут рассматриваться как важный исторический источник для изучения представлений советских людей о войне.

В 1950–1960-е гг. отечественное кино переживало новый этап своего развития. В эти годы вышли фильмы с новым типом киногероя, близкого и понятного зрителям. По-новому звучала тема Великой Отечественной войны в фильмах: «Летят журавли» (1957, Михаил Калатозов), «Баллада о солдатах» (1959, Григорий Чухрай), «Отец солдата» (1964, Резо Чхеидзе), «Судьба человека» (1959, Сергей Бондарчук), в которых утверждалась окопная правда. На эти годы приходится начало творческой деятельности таких режиссеров, как Г. Данелия, Г. Панфилов, В. Наумов, А. Кончаловский и др.

«Оттепель» для кинематографистов стала поистине «глотком свежего воздуха». Нельзя не согласиться, что кардинальные изменения в кинематографе рубежа 1950–1960-х гг. XX в. произошли вследствие реформаторских преобразований Н.С. Хрущева. Его политика была направлена на провозглашение демократических свобод, ослабление цензуры, но в условиях послесталинского времени эти параметры были, тем не менее, относительными. В этой ситуации режиссеры были вынуждены находить новые пути выхода из сложившегося положения, чтобы преодолеть цензурные ограничения. Из этого следует, что картины «оттепели» служили своего рода манифестами, декларирующими новые тенденции времени, новые приоритеты и положения.

Кинематограф «оттепели» обратился к отображению действительности. Это выражалось в освещении реальных жизненных ситуаций, настоящей жизни, конкретных характеров героев. Можно сказать, что рост интереса к истории выражался скорее через мемуары, воспоминания, личные истории, а не через развитие серьезной исторической науки. Особую роль в создании летописи войны играло кино. Любой фильм о войне при Хрущеве имел колоссальный успех. От «эпатажа» («Падение Берлина») постепенно отходят

и обращаются к теме простого человека на войне. Пафос в фильмах немного сгладился, и войну стали показывать через личные истории и судьбы. Хотя мало кто знает, что Чухрая за фильм «Баллада о солдате» из партии исключили. А потом, когда фильм получил премию, его сразу восстановили в партии [2, с. 201–202]. Зритель привык, что кино на военную тему обязательно переполнено всевозможными батальями, взрывами, расстрелами солдат в замедленном действии, не бросавших свой пост за секунду-две до появления подкрепления (и все под печальную музыку). Все сводится к боевым действиям и так мало уделяется человеку. «Баллада о солдате» – из тех фильмов о войне, которым удастся показать войну почти без демонстрации военных действий, через персонажей и переплетение их судеб. Небольшая сцена в начале, завязка, отпуск – и вот начинается долгий путь домой. Путь, в котором мы не увидим горы горящих трупов, пытки и получасовую обороны домика, например. И это выделяет «Балладу» в лучшую сторону. Потому, что акцент делается на совсем других вещах. Перед нами характеры, разные люди, каждого из которых коснулась война, вызвав свою, уникальную реакцию у каждого.

В центре картины Алеша Скворцов, геройство которого не заканчивается на двух подбитых танках. Он готов помогать людям, справедлив и добродушен. Сразу видно, хороший друг. И через него, через Шурочку, с которой они сдружились, через мать Алеши нам показывают, что война забрала у людей, нам показывают последнюю любовь, последнюю встречу, последний взгляд.

Еще один фильм, который обращается к теме простого человека на войне – «Отец солдата», снятый режиссером Резо Чхеидзе в 1964 г. Это фильм, который показывали каждый год в День Победы. В основу сюжета легла реальная история, которая случилась с Сулико Жгенти, сценари-

стом фильма. Он отправился на фронт добровольцем, когда ему исполнилось шестнадцать. Во время военных действий будущий сценарист получил тяжелое ранение. Как и главный герой киноленты, его отец захотел навестить сына, но по прибытии в госпиталь его не застал. Эту историю и рассказал Жгенти. Простой человек из колхоза заслонял от пуль молодых солдат, отличался храбростью и отвагой. Он стал всеобщим любимцем, заменил отца многим юнцам на фронте. Заботился старик и о самом Жгенти. При создании сценария Сулико дал главному герою настоящее имя старика – Георгий Махарашвили.

Георгий не солдат, но война исключений не делает и увлекает за собой этого забавного пожилого человека. Он проходит всю войну, ища следы своего сына. Он из тех людей, чью душу ничто не способно испачкать: ни смерть, ни ненависть, ни подлость. Георгия любят солдаты, может быть, потому, что он очень напоминает им их отцов.

Итак, кинематограф «оттепели», касающийся темы войны, обращен к личности, к теме простого человека. Кино формировало повседневное восприятие и психологию отношения к войне. Это фильмы, посвященные отцам и друзьям.

Библиографический список

1. Грошев А. и др. Краткая история советского кино. 1917–1967. М.: Искусство, 1969. 615 с.
2. Дымарский В.Н. Времена Хрущева: в людях, фактах и мифах. М.: АСТ, 2011. 352 с.
3. Косинова М.И., Аракелян А.М. Советский кинопрокат и кинопоказ в эпоху «оттепели». Возрождение киноотрасли // Сервис plus. 2015. Т. 9. № 4. С. 17–26.
4. Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 8 т. / гл. ред. М.Н. Кедров. М.: Искусство, 1954–1961.
5. Таиров А.Я. О театре. Записки режиссера, статьи, беседы, речи, письма. М.: ВТО, 1970.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

THE OPPORTUNITIES AND PROBLEMS OF THE TEACHING IN PROBLEM-BASE LEARNING TECHNOLOGY IN ADOLESCENCE

В.К. Фельк

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Возрастные особенности, технология проблемного обучения, подростки.

Age features, technology of problem training, adolescents.

В статье предпринимается попытка рассмотрения особенностей возраста учащихся 8 класса, применение на уроках обществознания технологии проблемного обучения, а также возможности и проблемы реализации данной технологии.

In this article, an attempt is made to examine the specifics of the age of students in grade 8, the use of technology of problem-based learning in social science lessons, as well as the opportunities and challenges of implementing this technology.

Подростковый возраст восьмиклассников рассматривается как этап развития личности, процесс перехода от зависимого, опекаемого детства, когда ребенок живет по особым правилам, установленным для него взрослыми к самостоятельной жизни.

В возрасте 13–14 лет меняется система ценностей и интересов. То, что было ценно, обесценивается, появляются новые кумиры, подросток перестает прямо копировать взрослых, характер взаимоотношений со взрослыми и родителями часто носит протестный характер. Внешне кризис подросткового возраста проявляется в грубости, скрыт-

ности и нарочитости поведения, стремлении поступать наперекор требованию и желанию взрослых, в игнорировании замечаний, ухода от обычной сферы общения [2, с. 480].

У подростка часто возникает беспричинное чувство тревоги, колеблется самооценка, он в это время очень раним, конфликтен, может впасть в депрессию. Учеба в это время отходит на второй план (чтобы учение было привлекательным, нужно находить в материале то, что могло бы способствовать общению подростков), самый главный вопрос подросткового возраста – это половое созревание. Самооценка восьмиклассников неустойчива. К тому же оценка носит слишком обобщенный характер: любая мелочь может в корне изменить отношение подростка к себе.

На данном возрастном этапе у восьмиклассников складываются определенные особенности учебной деятельности.

Учение для подростка, как и для младшего школьника, является главным видом деятельности. И от того как учится подросток, во многом зависит его психическое развитие, становление его как гражданина.

В учебной деятельности подростка имеются свои трудности и противоречия, но есть и свои преимущества, на которые может и должен опереться педагог. Последние заключаются в избирательной готовности, в повышенной восприимчивости (сензитивности) к тем или иным сторонам обучения [3, с. 145]. Большим достоинством подростка является его готовность ко всем видам учебной деятельности, которые делают его взрослым в собственных глазах. Его привлекают самостоятельные формы организации занятий на уроке, сложный учебный материал, возможность самому строить свою познавательную деятельность за пределами школы. Беда же подростка состоит в том, что эту готовность он еще не умеет реализовать, ибо он не владеет способами выполнения новых форм учебной деятельности. Обучить этим способам, не дать угаснуть интересу к ним – важ-

ная задача педагога. Нередко у подростков снижается и общий интерес к учению, к школе, происходит «внутренний отход от школы» (А.Н. Леонтьев). Этот отход выражается в том, что школа перестает быть для ученика центром его духовной жизни.

Как показывают психологические исследования, основная причина такого «отхода от школы» заключается в несформированности у учащихся учебной деятельности, что не дает возможности удовлетворить актуальную потребность возраста – потребность в самоутверждении. Сформированной учебной деятельностью считается такая деятельность учащихся, когда они, побуждаясь прямыми мотивами самого учения, могут самостоятельно определять учебные задачи, выбирать рациональные приемы и способы их решения, контролировать и оценивать свою работу.

Одним из резервов повышения эффективности обучения подростков является целенаправленное формирование мотивов учения.

Формирование мотивов учения непосредственно связано с удовлетворением доминирующих потребностей возраста. Одна из таких потребностей подростка – познавательная потребность. При ее удовлетворении у него формируются устойчивые познавательные интересы, которые определяют его положительное отношение к учебным предметам. Подростков очень привлекает возможность расширить, обогатить свои знания, проникнуть в сущность изучаемых явлений, установить причинно-следственные связи. Подростки испытывают большое эмоциональное удовлетворение от исследовательской деятельности. Им нравится мыслить, делать самостоятельные открытия. Неудовлетворение познавательной потребности и познавательных интересов вызывает у подростков не только состояние скуки, апатии, безразличия, но порой и резко отрицательное отношение к «неинтересным» предметам. При этом для подрост-

ков в равной степени имеет значение, как содержание, так и процесс, способы, приемы овладения знаниями.

Организация учебной деятельности подростков – важнейшая и сложнейшая задача. Ученик среднего школьного возраста вполне способен понять аргументацию педагога, родителя, согласиться с разумными доводами. Однако ввиду особенностей мышления, характерных для данного возраста, подростка уже не удовлетворит процесс сообщения сведений в готовом, законченном виде. Ему захочется проверить их достоверность, убедиться в правильности суждений. Споры с учителями, родителями, приятелями – характерная черта данного возраста. Их важная роль заключается в том, что они позволяют обмениваться мнениями по теме, проверить истинность своих воззрений и общепринятых взглядов, проявить себя [1, с. 534].

Для подросткового возраста характерна критичность мышления. Для учащихся данного возраста свойственна большая требовательность к сообщаемой информации, улучшается способность к абстрактному мышлению.

В частности, в обучении большой эффект дает внедрение проблемных задач. В основе всех действий при проблемном подходе лежит осознание отсутствия знаний для решения конкретных задач, разрешение противоречий. В современных условиях данный подход должен реализовываться в контексте уровня достижений современной науки, задач социализации учащихся.

Следует предлагать подросткам сравнивать, находить общие и отличительные черты, выделять главное, устанавливать причинно-следственные связи, делать выводы. Важно также поощрять самостоятельность мышления, высказывание школьником собственной точки зрения.

Например, на уроке обществознания в 8 классе при изучении темы «Как стать личностью?» в начале урока мы за-

читали притчу: «Знаменитый древнегреческий мыслитель Диоген среди бела дня зажег фонарь и стал ходить по самым людным улицам Афин. На вопрос “Что ты делаешь?” он отвечал “Ищу человека!”, хотя встречал и торговцев, и богатых, и бедных, и стариков, и женщин, и мужчин». Далее, задавая вопросы: «Как вы думаете, кого он искал? «В каком значении Диоген употреблял слово “человек”? «Почему?» «Что такое личность?», предложили учащимся сформулировать тему урока, поставили проблемный вопрос «Можно ли поставить знак равенства между понятиями “личность”, “человек”, “индивидуальность”? Такое начало урока позволило актуализировать знания учащихся и заинтересовать их. В силу критичности своего мышления восьмиклассники ярко отстаивали собственную точку зрения и спорили. Можно заметить, что учащиеся были замотивированы и нацелены на самостоятельное решение данной проблемы, что повлияло на их активность и качество работы на уроке. В конце учащимся было предложено провести рефлексию: Оцени работу на уроке от 1 до 10.

Понял (а) ли ты проблему в начале урока?

Смог (ла) ли ты разобраться с ней в итоге?

Понятна ли тебе была работа на уроке?

Понравилось ли тебе работать на уроке?

Оцени уровень своей активности на уроке.

Результаты апробации показали, что большинство учащихся хорошо разбираются с поставленной на уроке проблемой, активно участвуют в спорах и обсуждениях и работа им понятна. Лишь малая часть класса отличалась неактивностью и незаинтересованностью материалом.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что если учитывать все возрастные особенности учеников, возможности, которые есть у учителя, и проблемы, которые имеют место быть, можно добиться положительного влия-

ния на познавательную деятельность подростков, и разнообразить учебный процесс. Благодаря этому, у учащихся повысится интерес, как к обучению, так и предмету.

Библиографический список

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2000. 624 с.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс. 1996, 480 с.
3. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 1997. 608 с.

ОСВЕЩЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ В 1930-е гг.

LIGHTING IN THE REGIONAL PRESS WITH PROBLEMS OF THE SOVIET EXTERNAL POLICY IN RESPECT OF JAPAN IN THE 1930s

В.В. Харамецкий
Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент Л.Э. Мезит

Пресса, СССР, Япония, агрессия, образ, война.

Press, the USSR, Japan, aggression, image, war.

В статье рассматривается образ Японии, сформированный пропагандистским аппаратом в региональном периодическом издании «Красноярский рабочий» в 1930-е гг.

The article examines the image of Japan, formed by the propaganda apparatus in the regional periodical «Krasnoyarskiy Rabochiy» in the 1930s.

Роль советской прессы в формировании общественного мнения и сплочении широких социальных групп вокруг партийно-советского руководства получило достаточно пол-

ное освещение в исторической литературе. Однако роль советской прессы в мобилизации советских людей в условиях обострения международной обстановки стала разрабатываться сравнительно недавно, что было обусловлено состоянием источниковой базы. Наибольший вклад в исследование темы внесли работы А.В. Голубева [1].

Цель статьи – анализ изменений советско-японских отношений в советской прессе по материалам газеты «Красноярский рабочий».

С сентября 1931 г. Японии уделяется особое внимание. Японские войска оккупировали северо-восточные провинции Китая (Маньчжурия). Для японского правительства Маньчжурия представляла плацдарм для дальнейшего продвижения в Китай и вторжения на Дальний Восток СССР. Маньчжурия расценивалась как военная база в случае войны с СССР [1]. Но Советский Союз не спешил вмешиваться в конфликт. Китай характеризует политику СССР по отношению к этим событиям как «последовательную политику мира» (Красноярский рабочий. 1932. 4 января). Был проведен ряд мер по укреплению обороны региона, но советское правительство заявило, что проводит строгую политику мира с другими государствами и придает большое значение укреплению отношений с Японией. Было предложено заключить пакт о ненападении, но японское правительство отклонило данное предложение. Несмотря на попытку мирного решения конфликта, СССР формирует в сознании народа отрицательный образ японской военщины и европейских стран (Красноярский рабочий. 1932. 4 января).

В 1932 г. печать впервые упоминает Лигу Наций в контексте японо-китайского конфликта. Негативное отношение к организации формируется через отношение к ней союзника (Китай). «Китайцы забыли, что существует такое учреждение, как Лига Наций».

В 1934 г. ситуация на мировой арене резко изменилась. Япония и Германия выходят из Лиги Наций. Угроза войны становится более явной.

В прессе печатаются статьи о подготовке Японии к захвату внутренней Монголии. Пресса оценивает это как попытку японского правительства подготовить авантюру (война) против СССР. В будущем японские войска неоднократно нарушат советскую границу, что приведет к открытым боевым столкновениям.

С каждым днем угроза войны усиливалась. На основании информации, поступающей из Токио и Берлина, страны-члены Лиги Наций все более опасаются военного союза Германии и Японии. В свет выходит обзорная статья о военной опасности. По оценке корреспондента, опасность войны в 1935 г. выше, чем в 1914 г. Такая оценка обусловлена усилением военной промышленности в странах-агрессорах. События на Дальнем Востоке корреспондент называет «репетицией войны» (Красноярский рабочий. 1935. 5 июля).

На протяжении всего десятилетия военная опасность на Дальнем Востоке оставалась приоритетной для советского правительства. В письме И.В. Сталина от 1933 г. было дано указание на создание образа врага. «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в «Правде», отчасти в «Известиях». Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положительными сторонами быта, жизни и условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнически милитаристские стороны» [1].

Но в 1935 г. увеличиваются случаи нарушения советской границы японскими войсками. «Красноярский рабо-

чий» приводит отрывок беседы Литвинова и министра иностранных дел Японии. Сообщается о нескольких вооруженных атаках на советских пограничников в нескольких населенных пунктах (с. Рыковское, с. Княжеское). К. Юренев призывал прекратить провокационные действия с целью сохранить и укрепить мирные отношения, к которым стремится Япония и СССР (Красноярский рабочий. 1935. 5 июля). Несмотря на протесты Литвинова, нарушение советской границы продолжалось.

Японию на протяжении всего десятилетия обвиняют в сговоре с капиталистическими державами с целью уничтожения СССР. После открытых военных столкновений на границе двух государств И.В. Сталин в интервью называет восточное государство одним из очагов войны. Данный образ был усилен благодаря действиям пропагандистского аппарата. Формирование советской прессой образа врага позволяло осуществлять мобилизацию масс вокруг руководителей страны.

Библиографический список

1. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
2. Голубев А.В. Запад глазами советского человека // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120.
3. Громыко А.А., Пономарева Б.Н. История внешней политики СССР 1917–1980: в 2 т. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1980. Т. 1. 511 с.
4. Громыко А.А. и др. История дипломатии: в 3 т. / А.А. Громыко, И.Н. Земсков, В.А. Зорин и др. 2 изд. перераб. и доп. М.: Издательство политической литературы, 1965. Т. 3. 798 с.
5. Невежин В.А. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М.: Эксмо, 2007. 320 с.
6. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост.: О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 396.

**ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГА В РЯДЫ РККА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ**

**THE PROBLEM OF INVOLVEMENT GULAG'S
PRISONERS INTO THE RED ARMY DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR
AND THE REPRESENTATION OF THIS PROCESS
IN RUSSIAN MODERN CINEMATOGRAPHY**

С.В. Шевалов

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.В. Толмачева

Великая Отечественная война, заключенные ГУЛАГа, Красная армия, привлечение в армию, штрафные батальоны, штрафные роты, современный российский кинематограф, военные фильмы, военные сериалы, искажение процесса.

The great patriotic war, soviet laws, prisoners of GULAG, red army, the involvement of the army, penal battalions, penal roths, modern Russian cinematography, films of war, serials of war, misstatement of process.

В наши дни российский художественный кинематограф смог отразить достаточно много исторических аспектов, непосредственно связанных с Великой Отечественной войной. Одна из них – это процесс привлечения заключенных ГУЛАГа в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. В статье будет поставлена проблема о том, каким образом осуществлялся и как регулировался данный процесс, а также представление того, какое отражение он получил в современном российском кинематографе.

In our times modern Russian cinematography could repercussion a lot of historical aspects related with the Great patriotic war. One of them is a process of the involvement prisoners of gulag into the red army. In this article will be called a problem of involvement GULAG's prison-

ers into the red army and question about ways of implementing and regulation this process or question about representation this process in modern Russian artistic cinematography.

Начиная с 2000-х по настоящее время российский художественный кинематограф продолжает работу по созданию фильмов на военно-историческую тематику. Среди общего числа данных фильмов свыше 50 были сняты на тему Великой Отечественной войны. Немаловажно отметить, что на сегодняшний день кинематограф постепенно обретает не только культурно-развлекательную, но в то же время социальную и гражданскую функцию, поскольку художественные фильмы военно-исторической тематики способны оказывать воздействие на массовое сознание, формировать общее отношение к определенному историческому событию, а также повлиять на уровень критического осмысления граждан собственного исторического прошлого. В соответствии с этим тема привлечения заключенных ГУЛАГа в ряды РККА также смогла привлечь внимание современных российских кинорежиссеров, постаравшихся отразить данный процесс в сериале «Штрафбат» (2004); фильме «День победы» (2006); сериале «Апостол» (2008); дилогии фильмов «Утомленные солнцем 2: Предстояние» (2010) и «Утомленные солнцем 2: Цитадель» (2011).

Всем известным является факт того, что на начальных этапах Великой Отечественной войны произошло резкое истощение людских ресурсов на фронте и одним средств компенсации людских военных потерь являлась организация процесса привлечения заключенных в РККА. Согласно справке о контингентах, переданных в РККА местами заключения, за годы войны было призвано около одного миллиона заключенных [5]. Помимо этого, на основе данных ряда исторических источников советского правового законодательства, таких как: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям прес-

туплений» от 12 июля 1941 года; Письмо прокурора СССР Г.Н. Сафонова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву об освобождении некоторых категорий заключенных согласно указу Президиума Верховного совета СССР от 12 июля 1941 г.; Постановления ГКО от 26 июля и 20 декабря 1942 г., а также от 30 января 1943 г.; Приказ народного комиссара обороны СССР с объявлением положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона 1942 г., к числу заключенных, имеющих право на получение освобождения и вступления в ряды РККА, следует отнести: осужденных за нарушение правил трудовой дисциплины; осужденных за самовольный уход из ремесленных, железнодорожных училищ или школ ФЗО; осужденных за совершение малозначительных воинских преступлений; осужденных за бытовые преступления малозначительного характера; осужденных за имущественные преступления малозначительного характера [7]; помимо этого, при привлечении заключенных в ряды вооруженных сил присутствовало возрастное ограничение, где возраст заключенного не должен был превышать 40 лет [1; 2; 3]. Особо следует обратить внимание на то, что в нашем исследовании особое место занимает такой источник, как УК РСФСР от редакции 1926 г., без использования которого невозможно провести анализ ряда положений, нами же выявлено, что ни в приведенных нами исторических источниках, содержащих информацию о процессе привлечения заключенных ГУЛАГа в ряды РККА, ни в самом Уголовном кодексе отсутствует конкретизация такого понятия, как «малозначительное преступление», что создает определенные сложности в проведении нашего исследования. Вместе с этим в одной из научно-популярных монографий «Штрафбаты выиграли войну?...» [Дайнес, 2011, с. 192] Владимир Дайнес вносит упоминание о ряде таких исторических источников, как Указ Президиума ВС СССР от 10 августа и 24 ноября 1941 г., не делая ссылки на данные правовые акты. Нами же данные источни-

ки не были обнаружены в качестве опубликованных, что также стало основным препятствием в нашей работе.

Рассмотрим репрезентацию данного процесса в современном российском художественном кинематографе. Во взятых нами за исследование кинокартинах можно наблюдать ряд ситуаций, при которых: герои кинокартин довольно часто являются осужденными по ст. 58 (контрреволюционные преступления), ст. 136 (преступление против жизни и здоровья личности), а также ст. 169 (тяжкое преступление имущественного характера) [6]. Данную ситуацию можно очень хорошо наблюдать в сериалах: «Штрафбат», «Апостол», а также в фильме «День победы». В ряде исторических источников наблюдается отсутствие необходимых данных для подтверждения возможности возникновения данной ситуации, а в некоторых источниках идет ее прямое отрицание, например, в Указе Президиума Верховного совета СССР [7]. Вместе с этим в сериалах «Штрафбат» и «Апостол» наблюдается ситуация, при которой привлечение лиц к службе в штрафных воинских подразделениях или командование ими осуществляется по единоличному распоряжению представителей старшего командного состава, без помощи органов юстиции или без распоряжения военного совета, что не наблюдается в данных такого исторического источника, как приказ НКО [4]. При просмотре фильма «День победы» и ряда серий сериала «Штрафбат» очень хорошо отображена ситуация, при которой возраст ряда действующих лиц превышает допустимый возраст, установленный в постановлениях ГКО [1; 2; 3]. Вместе с этим в таких кинокартинах, как сериал «Штрафбат», можно констатировать факт наличия ситуации, при которой действующие лица данной кинокартины проходят службу в штрафном воинском подразделении с начала осени 1942 по 1944 г., что указывает на противоречие с указом НКО, согласно которому служба в штрафном воинском подразделении не могла превышать от одного до трех месяцев [4].

Таким образом, наше исследование привело к следующим результатам: во-первых, процесс привлечения заключенных ГУЛАГа в ряды РККА получил отражение в современном российском художественном кинематографе, однако, в наши дни он имеет довольно слабый уровень репрезентации, поскольку в большинстве кинокартин данный процесс не является основной идеей сюжета, исключение составляет лишь сериал «Штрафбат», при котором изучаемый нами процесс удержан в фокусе сюжетной линии; во-вторых, мы выявили тот факт, что на сегодняшний день далеко не все исторические источники являются опубликованными. Помимо этого, нами было замечено, что в советском правовом законодательстве нет более четкой конкретизации ряда юридических понятий, т.к. «малозначительное преступление»; в-третьих, нами было обнаружено, что при проведении работы над созданием отдельных кинокартин авторы не всегда правильно разграничивают значение ряда понятий «штрафная рота» или «штрафной батальон», а также далеко не всегда стремятся учитывать факт наличия жесткой системы отбора заключенных по привлечению в ряды вооруженных сил. Общим же итогом нашего исследования будет являться вывод о том, что процесс привлечения заключенных ГУЛАГа в ряды РККА является искаженным в современном российском художественном кинематографе, что позволит создать его необъективный образ в сознании российских граждан и сможет очень сильно повлиять на уровень их критического осмысления собственного исторического прошлого.

Библиографический список

Источники

1. Государственный Комитет Обороны. Постановление № ГОКО-2100сс от 26 июля 1942 г. «Вопросы НКО». [Электронный ресурс]. // URL: [www. Soldat.ru/doc/gko/text/2100.html](http://www.Soldat.ru/doc/gko/text/2100.html) (дата обращения: 19.05.2017).

2. Государственный Комитет Обороны. Постановление № ГОКО-2640сс от 20 декабря 1942 г. «Об обеспечении людскими ресурсами нужд Красной Армии». [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2640.html> - (дата обращения: 19.05.2017).
3. Государственный Комитет Обороны. Постановление № ГОКО-2807сс от 30 января 1943 г. «Об укомплектовании стрелковых дивизий и бригад, выводимых с фронтов, и пополнении соединений и частей Юго-Западного и Южного фронтов». [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2807.html> (дата обращения: 19.05.2017).
4. Приказ народного комиссара обороны СССР с объявлением положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии № 298. [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.faito.ru/oboznik/Mater/prik298.html> (дата обращения: 19.05.2017).
5. Справка о контингентах, переданных в ряды Красной Армии местами заключения НКВД СССР с начала Отечественной войны по 1/IX-1944 г. [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009309> (дата обращения: 19.05.17).
6. Уголовный кодекс РСФСР редакции от 1926 года. [Электронный ресурс]. // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 19.05.2017).
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений года. [Электронный ресурс]. // URL: <http://voenspez.ru/index.php?topic=52958.0> - (дата обращения: 19.05.2017).

Литература

1. Дайнес В.О. Штрафбаты выиграли войну? Мифы и правда о штрафниках Красной армии. М.: Яуза: Эксмо, 2011. 448 с. (Война и мы).

СЕКЦИЯ 5. ИСТОРИЯ РОССИИ XX–XXI вв.

ЧЕ ГЕВАРА КАК СИМВОЛ БОРЬБЫ

CHE GUEVARA AS A SYMBOL OF STRUGGLE

В.И. Ахметов

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

«Левые», «новые левые», социализм, борьба, марксизм, Че, капитализм, антиимпериализм, антикапитализм, антимилитаризм. «Left-wing politics», «new left», «socialism», «struggle», «marxism», «Che», «capitalism», «antiimperialism», «anticapitalism», «antimilitarism».

Изменение образа Че Гевары, превращение его из отдельного героя кубинской революции во всемирно известный образ, который стал синонимом слова «борьба». Изменение Че Гевары из исключительно представителя левой идеологии скорее в аполитичный образ, действия которого сумели вдохновить множество людей во всем мире, с одной стороны, и вдохновителя для леворадикальных террористических групп – с другой.

Change the image of Che Guevara, turning it from a separate hero of the Cuban revolution in the world famous image that has become synonymous with the word «struggle». The change of Che Guevara from a representative left-wing ideology, in a rather apolitical way, which has managed to inspire many people around the world on the one hand, and the inspiration for left-wing radical terrorist groups on the other.

2017 г. знаменует собой не только 100-летие Великой Октябрьской революции, но и является 50-летней годовщиной со дня смерти Эрнесто Че Гевары, известного во всем мире просто как Че. Он получил это прозвище

от друзей и товарищей по борьбе в Мексике в 1950-е гг. Че – это широко используемый термин в Аргентине, его родной стране. Че Гевара, несомненно, имеет романтическую и культурную привлекательность для многих молодых людей, которые ассоциируются с его изображением в качестве «бунтаря». Для кого-то его образ стал просто модным символом на одежде и различных аксессуарах, для других он стал образчиком борьбы [1, с. 52]. С 1997 г. и по сей день молодые люди в Латинской Америке и Европе носят футболки с изображением Че, его портреты и изображения – главный атрибут массовых демонстраций «левых».

Че Гевара и его жизнь привлекательна для тех, кто ищет способ изменить общество и положить конец эксплуатации капитализма и империализма. Че и Куба рассматриваются многими как символ сопротивления, началом поиска революционных социалистических идей, которые предлагают жизнеспособную альтернативу эксплуататорскому обществу.

Че оставался непримиримым противником капиталистической эксплуатации и боролся против нее. Он обращался к социализму, изучал советскую модель и систему стран Восточной Европы в качестве альтернативных социалистических обществ. Позже опыт этих бюрократических режимов, которые правили во имя социализма, оттолкнул его.

Его образ жизни, неподкупность и отстаивание своей позиции в итоге станут стоять ему жизни. Для современников он продолжает быть источником вдохновения, символом борьбы против угнетения и эксплуатации. Это, в свою очередь, превратит его для одних в мученика, для других ознаменует конец эпохи. Но и его сторонники, и его противники будут согласны в одном, что Че Гевара оставил свой неизгладимый след не только в истории мира, но и в истории борьбы и политики.

В то же время некоторые его идеи не были изначально приняты марксистами. Так, его рассуждения о герилье (исп.

guerrilla, «малая война», партизанская война), которая имела решающее влияние на кубинскую революцию и события, которые последовали после, особенно в Латинской Америке, его защита этих методов борьбы по всей Латинской Америке положили их в центр дебатов в революционном социалистическом движении на протяжении всего южноамериканского континента и за его пределами [3, с. 337]. Для Че герилья – основное средство завоевания политической власти. Но он смотрит на нее эволюционно, говоря, что лишь при условии того, что партизанский отряд сможет со временем превратиться в повстанческую армию, победа революции из возможности станет реальностью. Эти идеи Че имеют много важных уроков для современной борьбы против капитализма и империализма.

Че также разработал другие идеи, касающиеся экономики, а также то, что он назвал «социализмом и новым человеком», который сосредоточен на том, как отношение людей к обществу может развиваться после свержения капитализма. Эти работы отражают некоторые из вопросов, с которыми он должен был иметь дело после того, как произошла революция в 1959 г. [4, с. 11].

Изучение жизни Че показывает, что его идеи разработаны в течение длительного периода времени, часто в результате его собственного опыта. Он умер в сравнительно молодом возрасте 39 лет. Исследователи его биографии проводят различные параллели с историческими личностями: Малкольм Икс и Джордж Джексон и Че, которые также стали символами борьбы против угнетения и расовых предрассудков в США. Для многих людей во всем мире Че стал символом обездоленных. В нем видели идеалиста, бунтаря и мученика. Он стал, как отметил Майкл Кейси, «квинтэссенцией постмодернистского символа, что означает «кому-либо и все для всех».

История превращения Че Гевары в символ борьбы началась спустя чуть меньше года с момента его смерти, а именно с 1968 г., когда произошли важные события, всколыхнувшие Европу: майская демонстрация студентов во Франции, создание немецкой леворадикальной организации RAF (нем. Rote Armee Fraktion – Фракция Красной армии) и многие другие, и, если для первых Че сумел стать просто символом непримиримой борьбы с существующим режимом, для вторых он стал источником бесценной информации в тактике герильи. Хотя методы, которыми руководствовались члены RAF, являлись жестокими, включали в себя грабежи, терроризм и насилие в отношении государственных служащих и полицейских.

Че Гевара сумел также стать символом протеста для нового течения в левой идеологии, так называемого «новые левые», которые, по своей сути, являлись антиимпериалистами, антимилитаристами и сторонниками непримиримой борьбы против любого вида эксплуатации и угнетения. В этом они нашли свою икону в лице Че Гевары. Таким образом Че Гевары и оставался вплоть до 1990-х гг., затем произошла трансформация.

Че Гевара является очень противоречивым образом для всех. Для одних это один из последних настоящих революционеров, который готов был защищать свою свободу и свободу других с оружием в руках, о его жизни сочинено множество рассказов как реальных, так и сильно приукрашенных, но в одном он оставался неизменным. Он перестал быть просто исторической фигурой, а стал настоящим символом неповиновения для многих поколений. Образ Че Гевары претерпевал постоянные изменения, будучи созданным и изменяющимся на протяжении времени в общественном сознании в различных формах. Он рассматривается как идеалистичная фигура сельской бедноты Боливии, где он был и казнен, его образ также можно увидеть на миллионах плакатов, головных уборах, брелках, толстовках, шапках, флагах, беретах.

Хотя в течение своей жизни он был сильно политизирован, и его фигура была сильно идеализирована после его смерти. Его стилизованное изображение было преобразовано во всемирную эмблему. Самое известное его изображение было снято кубинским фотографом Альберто Кордой, которое впоследствии стало очень растиражированным.

Между тем история его жизни описана во множестве документальных фильмов, пьес и песен. На протяжении долгого времени телевидение, СМИ, книги, журналы и даже корпоративная реклама стали эксплуатировать лицо Че, превратив его просто в узнаваемый аполитичный бренд, ставший частью визуальной поп-культуры. Для некоторых он стал просто символом мирового маркетинга, в то время как для других он остается образом инакомыслия, гражданского неповиновения или политического сознания. Несмотря на это, Че стал широко распространенным культурным символом. Ханна Чарлтон в интервью «The Sunday Times» подчеркнул, что «Майки с изображением Че Гевары сами по себе стали символом протеста».

Библиографический список

1. Васильев М. Че Гевара как революционный теоретик. М., 2010. 52 с.
2. Гавриков Ю.М. Последний романтик революции. М., 2004. 408 с.
3. Гевара Э. Партизанская война. М., 2006. С. 337.
4. Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М., 1961. С. 11.
5. Тарасов А.Н. 44 года войны. ЦРУ против Че Гевары. М., 1998. 48 с.
6. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014. 510 с.
7. Baldwin T. Che Guevara: Symbol of fashion or symbol of struggle? Cambridge, 2012. 8 p.
8. Carvajal D. 30 Years After His Death, Che Guevara Has New Charisma. New York, 1997. 12 p.

9. Castaneda J. Companero: The Life and Death of Che Guevara. New York, 1998. 496 p.
10. Saunois T. Che Guevara, a symbol of struggle. London, 2011. 87 p.
11. Irvine M. Che Guevara's Iconic Image Endures. Washington, 2006. 32 p.
12. Kakutani M. Brand Che: Revolutionary as Marketer's Dream. New York, 2009.

ДЕПОРТАЦИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА В МАЕ 1944 г.

DEPORTATION OF THE CRIMEAN TATAR PEOPLE IN MAY 1944

Д.Ю. Виноградов

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

Крымские татары, Крымская АССР, депортация, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., НКВД СССР, коллаборационизм, ГКО, СССР, РСФСР, Украина, Крым, геноцид, реабилитация, Сталин, Германия, немецко-фашистские войска, оккупация, Красная армия. Crimean Tatars, Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, deportation, Great Patriotic War of 1941–1945, People's commissariat of internal affairs of USSR, collaborationism, State Defense Committee, USSR, Russian SFSR, Ukraine, Crimea, genocide, rehabilitation, Stalin, Germany, Armed Forces of Nazi Germany, occupation, Soviet army.

Рассматривается деятельность крымско-татарского народа во время Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945 гг. и его депортация из Крымского полуострова в 1944 г. в связи с коллаборационистской деятельностью отдельных представителей данного этноса.

The activity of the Crimean Tatar people during the Great Patriotic War of 1941–1945 and its deportation from the Crimean peninsula in 1944 are considered, in connection with the collaborationist participation of certain representatives of this ethnos.

В постсоветской российской и современной украинской историографии с конца 1990-х гг. начала активно муссироваться тема депортированных народов и их коллаборационистских действий во времена Великой Отечественной войны (1941–1945). Не стала исключением и проблема крымских татар. Изучением проблемы крымско-татарской депортации, героизма и коллаборационизма занимались П.Д. Овчаренко, М.И. Панчук, О.В. Романько, И.А. Гилязов. В работах они под разными углами осветили данную проблему. В нашей работе мы попытались объективно представить общественные, культурные и исторические причины, побудившие многих представителей крымских татар к коллаборационизму и последующую депортацию крымско-татарского народа, и ее последствия.

Современные исследователи выявили основные причины, побудившие многих представителей крымско-татарского этноса к коллаборационизму: неприятие многими представителями крымско-татарского народа советской власти; притеснения крымских татар по религиозному признаку советской пропагандой; отсутствие национально-ориентированной крымско-татарской автономии; тоталитарность советского режима И.В. Сталина и его неприятие национальных интересов крымских татар; разгром органами НКВД СССР крымско-татарских организаций («Миллий Фыркъа») и др.

На 22 июня 1941 г. в Красной армии проходило службу около 5 тысяч крымских татар, в период до конца октября 1941 г. было призвано еще около 15 тысяч человек, а также на территории Крымской АССР были сформированы 4 крымских дивизии, в которых насчитывалось до 30–45 % крымских татар. В первые месяцы войны, на фоне неудач РККА, проявились факты массового дезертирства крымских татар из воинских частей, не желавших воевать за чуж-

дые им идеалы. В ходе боев на Перекопе и в Крыму «попали в плен» и «пропали без вести» около 5000 (Манштейн сообщает о 10 000 пленных) солдат, остальные в основной своей массе разошлись по домам после захвата Крымского полуострова войсками 11-й немецкой армией Манштейна и частями 3-й румынской армии.

В период немецкой оккупации полуострова крымские татары наиболее активно проявили себя как «пособники оккупационных властей». Из них формировались подразделения охранно-полицейских команд «Шутцманшафта» («Schutzmannschaft»), или сокращенно «Шумы» («Schuma»), для охраны концлагерей и проведения карательных операций против партизан и русского населения. По свидетельствам очевидцев, крымские татары при вступлении немецко-фашистских войск в Бахчисарай «встречали немцев хлебом и солью и благодарили за освобождение от русской власти». Командующий немецкой группировкой войск в Крыму Эрих фон Манштейн писал в мемуарах: «Татары сразу же встали на нашу сторону. Они видели в нас своих освободителей от большевистского ига, тем более, что мы уважали их религиозные обычаи. Ко мне прибыла татарская депутация, принеся фрукты и красивые ткани ручной работы для освободителя татар «Адольфа Эффенди» («Эффенди» – старший, повелитель)».

В середине ноября 1941 г. в целях использования крымских татар в качестве полицейских формирований верховное германское командование постановило «освободить всех тех военнопленных крымско-татарского этноса из концентрационных лагерей, кто пожелает добровольно их покинуть, остальных же разгрузить от принудительных трудовых работ и поставить на увеличенное довольствие».

В 1942–1943 гг. в Крыму было сформировано 9 полицейско-карательных батальонов «Шумы», набранных

в основном из крымских татар и мусульманского населения полуострова. Всего же около 20–25 тыс. крымскотатарских коллаборантов служило в охранных частях «Шумы», т.е. около 10 % представителей крымских татар, а до 35–40 тыс. человек так или иначе сотрудничало с оккупационными властями.

Необходимо объективно оценивать роль крымских татар в ВОВ. Далеко не все крымские татары дезертировали из Красной армии, многие самоотверженно сражались и умирали за советскую Родину в рядах РККА. Среди них такие герои, как Амет-Хан Султан, который прошел Великую Отечественную войну от начала до самого конца, провел 603 боевых вылета, в 130 воздушных боях лично сбил 30 самолетов противника и 19 – в групповых воздушных боях. Он дважды награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза, тремя орденами Ленина, пятью – Красного Знамени, а также орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета». Удостоился десяти медалей, Государственной премии второй степени и звания заслуженного летчика-испытателя СССР Герой Советского Союза Абдураманов Узеир Абдураманович. Дважды был представлен к званию Героя Советского Союза Фетислям (Анатолий) Абилов, и только после обращения к президенту СССР М.С. Горбачеву в 1990 г., в годовщину 45-летия Великой Победы, он был заслуженно удостоен звания Героя Советского Союза. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Суворова, Александра Невского, Крестом Чехословацкой Республики «самый меткий летчик» Абдураим Измаилович Решидов. За проявленное в боях мужество, отвагу и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ор-

дена Ленина и медали «Золотая Звезда», высокой награды удостоен летчик-истребитель Эмир Усеин Чалбаш и многие менее известные солдаты и офицеры, которые проливали кровь на полях Великой Отечественной войны и были незаслуженно лишены своей земли [1].

После освобождения Крыма войсками Красной армии в 1944 г. настал вопрос о выявлении коллаборационистов и проведении зачистки территории Крымской АССР от лиц, сотрудничавших с оккупантами. В связи с этим встал вопрос о полной депортации крымских народов, ибо, увы, в условиях военного времени не было возможности со стороны НКВД СССР проверять каждого отдельного гражданина. В итоге данное решение о депортации вылилось в катастрофу для целых народов и стало, по меньшей мере, преступным, по отношению к тем гражданам, которые не сотрудничали с фашистами.

Депортация крымскотатарского народа началась 18 мая 1944 г. около 6:00 и закончилась 20 мая 1944 г. в 18:00: «многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению советских партизан, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей». Депортированным отводилось не более 45 минут на сборы, после чего их погружали на подводы, грузовые машины и отправляли к железнодорожным станциям. Согласно «Постановлению ГКО № 5859-сс» от 11 мая

1944 г., крымским татарам разрешалось взять с собой «личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие» в размере 1/2 тонны на семью, если размер имущества превышал данный лимит, то зерно, овощи и другие виды сельхозпродукции, а также личный скот можно было сдать по «обменным квитанциям» и получить компенсацию по установленным государством ценам.

Основываясь на данных отдела спецпоселений НКВД, в ноябре 1944 г. в местах выселения находились 193 865 крымских татар, из них на территории Узбекской ССР – 151 136 человек, в Казахской ССР – 4 286 человек. Остальные были распределены «для использования на работах» в РСФСР: Марийская АССР (ныне – Республика Марий Эл) – 8 597 человек; в областях: Молотовской (ныне – Пермский край) – 10 555 человек, Кемеровской – 6 743 человек, Горьковской (ныне – Нижегородской) – 5 095 человек, Свердловской – 3 594 человек, Ивановской – 2 800 человек, Ярославской – 1 059 человек.

Указ Президиума Верховного Совета СССР № 493 от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» признавал, что «после освобождения в 1944 г. Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживающих в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма». Тем самым формально реабилитировал крымских татар и как бы отчасти признавал события мая 1944 г. геноцидом крымско-татарского народа. За все 23 года нахождения Крыма в составе Украины не было принято ни одного закона о реабилитации ранее депортированных крымских татар и не было программы их обустройства.

Но фактическая реабилитация началась лишь в конце 1980-х гг., а окончательно крымские татары были реабили-

тированы лишь после вхождения Крыма в состав Российской Федерации в марте 2014 г., на основании Указа Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Подписание Указа о реабилитации крымских татар является огромным шагом по направлению к законности, так как сегодня нельзя не понимать, что объявлять целые нации преступниками – есть преступление.

Библиографический список

1. Гилязов И.А. Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в г. Второй мировой войны – форма проявления национализма? // *Ab Imperio*. 2001. № 1.
2. Лисенко О.М. Як депортували кримських татар? // Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / Відп. ред. В. А. Смолій; Упорядн. Г. В. Борjak. НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України, 2014. С. 343–345.
3. Овчаренко П.Д. Депортація кримськотатарського народу 1944 // *Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України. К.: Наук. думка, 2004. Т. 2: Г – Д. С. 339.*
4. Панчук М.І. Депортація кримських татар // *Енциклопедія сучасної України : у 30 т. / ред. кол. І. М. Дзюба [та ін.]; НАН України, НТШ, Координаційне бюро енциклопедії сучасної України НАН України. К., 2003–2016.*
5. Романько О.В. Національний рух кримських татар у роки другої світової війни // *Енциклопедія історії України : у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України. К. : Наук. думка, 2010. Т. 7: Мл – О. С. 325.*
6. Велиев А. Герои бессмертны. Крымские татары во Второй мировой войне / пер. с крымскотат. Э. Велиевой. Симферополь: Крымучпедгиз, 2009. Т. 1. 392 с.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОГО АВТОРИТАРНОГО
РЕЖИМА В РЕСПУБЛИКЕ АЗЕРБАЙДЖАН
(2003–2016)**

**FEATURES OF THE FORMATION
OF A PERSONIFIED AUTHORITARIAN REGIME
IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN (2003–2016)**

Р.И. Ибрагимов

Научный руководитель
старший преподаватель А.Н. Воробьев

*Политический режим, авторитаризм, Республика Азербайджан.
Political regime, authoritarianism, Republic of Azerbaijan.*

В работе анализируется специфика формирования персонифицированного авторитарного режима в Республике Азербайджан в период с 2003 по 2016 г.

In the work the specificity of formation of personified authoritarian regime in the Republic of Azerbaijan in the period from 2003 to 2016 is analyzed.

После распада СССР и социалистического лагеря образовалось множество новых государств, провозгласивших своим приоритетом построение демократии. Однако во множестве стран, ранее не имевших подобного опыта, демократические режимы так и не смогли консолидироваться, что привело к постепенному отступлению к авторитарному правлению. Анатомия авторитарных режимов представляет огромный интерес для исследователей. Так, специалист по авторитарным режимам Барбара Геддес утверждает, что «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии» [2, р. 133]. Она выделяет три основных типа авторитарных режимов: однопартийные, военные и персонифицированные, различающие-

ся как по средней продолжительности существования, так и по своим характеристикам. К главной особенности персонифицированных авторитарных режимов относят сосредоточение всей полноты власти в руках правителя.

В персонифицированных режимах также немалую роль играет окружение правителя. В основном это небольшая группа так называемых «верных людей». Фактически диктаторы крайне нуждаются в этих малых группах, так как они выступают опорой режима. Персонифицированные режимы существуют в среднем 10–15 лет, однако, если они дополняются элементами военных и однопартийных режимов, могут существовать более 30 лет (так называемое вечное существование) [2, р. 13]. В октябре 2003 г. подошел конец президентского срока Гейдара Алиева, в период правления которого в стране зародились зачатки авторитаризма. Он стал президентом в непростое время для республики, но при этом Г. Алиев не стал отказываться от демократических достижений республики, а, наоборот, стал использовать данные институты для легитимности своей власти. Но если режим Г. Алиева был цикличен в плане политических и гражданских свобод, по мнению Freedom House, то режим И. Алиева из года в год планомерно стал ужесточаться.

Власть над республикой переходит в руки сына Г. Алиева, Ильхаму Алиеву. Он побеждает на президентских выборах 2003 г. с 77 % избирателей [3]. По мнению некоторых экспертов, передача власти от Г. Алиева к И. Алиеву сформировала династический характер. Ильхам Алиев принял не только пост президента, но и в наследство от отца он стал лидером партии «Новый Азербайджан». Как и его отец, И. Алиев выиграл от своего контроля над наиболее значительными экономическими ресурсами страны, которые были тесно переплетены с патерналистских отношений на основе семейных и региональных организаций. Фактически сын продолжил политику отца. Ильхам Алиев правит

с 2003 г. по настоящее время. По отчетам Freedom House, с 2003 по 2012 г. показатели режима были теми же, что и в период правления Г. Алиева – 6 – политические права, 5 – гражданские права. В целом режим оставался NF – не свободным. Международные оценки степени демократизации (как рейтинги Freedom House) на самом деле обнаружили, что Азербайджан регрессирует на все меры, кроме коррупции, которая осталась той же (и стабильно высокой), с 2003 по 2005 г. Общий рейтинг страны упал с «частично свободной» до «несвободной». И. Алиев весьма дружелюбно настроен по отношению к НАТО и ЕС, но все же он высказывает некое недоверие западным партнерам из-за их требования демократизации Азербайджана. И. Алиев сделал некоторые уступки международному давлению, осуществив некоторые послабления в избирательный Кодекс накануне выборов 2005 г. В то же время, как только начались выборы, Алиев возобновил свои усилия, чтобы запугать своих противников и избежать каких-либо проблем. В октябре 2005 г. власти помешали вернуться в Азербайджан Расулу Гулиеву, экс-спикеру парламента, замеченного в поддержке недовольных групп общества и оппозиции. Режим И. Алиева признан авторитарным, в «Индексе демократии стран мира 2011 г.» Азербайджан занял 140-место как авторитарная страна [5].

Еще одной чертой авторитаризма И. Алиева является возможность лидера государства назначать лиц на ключевые посты в государственном аппарате. Таким образом, И. Алиев назначил свою жену (Мехрибан Алиева) на должность вице-президента. Помимо организации Freedom House, с критикой на режим Азербайджана выступила организация Amnesty International. По докладу Amnesty International, в Азербайджане отсутствует свобода слова. Любая критика президента или государственных органов приводит к репрессиям [6]. Со всем недавно уголовный кодекс Азербайджана был дополнен статьей за оскорбление президента в сети Интернет.

Таким образом, мы определяем, что режим в Азербайджане является персонифицировано-авторитарным. Это обусловлено тем, что исполнительная власть сосредоточена в руках И. Алиева (он побеждает на выборах с феноменальными результатами, а также вправе назначать вице-президента на свое усмотрение). Законодательная власть тоже находится в ведении И. Алиева, так как большинство мест в парламенте принадлежит партии «Новый Азербайджан», лидером которого является И. Алиев. Армия также подчиняется правящему режиму. Лояльность армии была обеспечена еще Г. Алиевым, стоит лишь вспомнить о том, что из-за мятежа полковника Сурета Гусейнова к власти смог прийти Г. Алиев. Алиев проводил чистку среди нелояльных военных. Одним из самых известных дел против военной элиты является «дело генералов» [7, 1995]. Были и попытки мятежей, один из известных мятежей – мятеж ОПОН (милицейского спецназа) [7, 1996]. Мятежи были подавлены силой, а тем, кому удалось сбежать, по сей день грозит уголовное наказание.

Политическая элита лояльна действующему режиму, данная лояльность обеспечивается путем разделения ренты и ресурсов между политической элитой.

Действующий лидер мог бы поставить республику на «рельсы» демократии и начать либерализацию общества, однако он проводит политику ужесточения режима, и отчеты международных организаций тому доказательство.

Библиографический список

1. Huntington S.P. Political order in changing societies. New Haven; L.: Yale univ. press, 1968. 488 p.
2. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999. № 2. P. 115–144.
3. IFES Election Guide 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/1905/> (дата обращения: 15.05.2017).

4. Показатели Freedom House [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/azerbaijan> (дата обращения: 15.05.2017).
5. Democracy index 2011, Economist Intelligence Unit 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://akgul.bilkent.edu.tr/eiu/Democracy_Index_Final_Dec_2011.pdf (дата обращения: 15.05.2017).
6. AZERBAIJAN: Human rights abuses placed under the e-spotlight // Amnesty International media briefing. 29 October 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.ch/de/laender/europa-zentralasien/aserbaidshan/dok/2012/fragwuerdiger-austragungsort-des-uno-internet-governance-forums/amnesty-briefing> (дата обращения: 15.05.2017).
7. Правозащитный центр «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/hr/politpr/lists1/azerb.htm> (дата обращения: 15.05.2017); <http://xn--80ajjnbboq.xn--p1ai/d/71690.html> (дата обращения: 15.05.2017).

ГРИГОРИАНСКИЙ РАСКОЛ

GREGORIAN SCHISM

С.В. Ильишкин

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

Григорианство, раскол, Русская православная церковь.

Gregorian schism, the Russian Orthodox Church.

Цель статьи – анализ причин и главных действующих лиц Григорианского раскола 22 декабря 1925 г.

The purpose of this article is to analyze the reasons and the main characters if the Gregorian schism 22 Dec 1925.

Актуальность исследования Григорианского раскола заключается как в академическом интересе к теме, так и в общественно-церковном внимании к данной проблематике. Важность изучения выбранной темы нам представля-

ется в следующих аспектах. Во-первых, сохранение после утверждения советской власти религиозности у большинства населения СССР предполагало, что Православная церковь продолжала играть значительную роль в жизни страны. Во-вторых, модель церковно-государственных отношений, оформленная митрополитом Сергием (Страгородским) оставалась почти неизменной до конца 1980-х гг. И, наконец, современное общество, стремящееся реконструировать историю Русской православной церкви в XX в., воссоединение Русской православной церкви за границей с Московским Патриархатом, преодоление накопившихся за десятилетия проблем особенно важным делают всестороннее изучение истории церковно-государственных взаимоотношений, в том числе в ее региональном аспекте.

Григорианство, или Григорьевщина, получило название по имени своего первого главы – архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). Отправной датой данного раскола является 22 декабря 1925 г., когда в московском Донском монастыре десятью церковными иерархами было принято решение о создании из среды присутствующих Малого Собора Епископов, или Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС) для ведения текущих церковных дел и восстановления «попранных прав соборности». Для чего было выбрано 6 архиереев под председательством епископа Григория, в него вошли: архиепископ Константин (Булычев), епископ Можайский Борис (Рукин), епископ Симбирский Виссарион (Зорин), епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский), епископ Каменский Иннокентий (Бусыгин) и епископ Усть-Медведицкий Тихон (Русинов). На этом собрании был разработан специальный Наказ, определявший полномочия Временного Высшего Церковного Совета [15, с. 26] и послание [15, с. 23] к чадам Святой православной церкви, написанное от лица всех православных епископов, находящихся в Москве.

Послание раскрывает взгляд Григориан на деяния патриарха Тихона и митрополита Петра. Подчеркивается, что они оба допустили неканонические поступки: Патриарх – избрание себе приемников, а митрополит Петр – единоличное управление. Исправить эту ошибку и должен был ВВЦС. Кроме того, в послании заявляется нежелание вступать «ни в какие отношения и общения с обновленцами и обновленчеством во всех его видах: каковы т.н. синодальная церковь, анто니новщина, самосвятчина и т.п.». И утверждается полная лояльность советской власти. Главной целью ВВЦС провозглашалась подготовка канонически-правильного Собора Всероссийской Православной церкви в ближайшие месяцы (не позднее лета 1925) в составе епископов, клириков и мирян, последствием чего должно было быть проведение принципа соборности через всю церковную жизнь, через правильную организацию Синода, Совета Епархиальных собраний и советов различного уровня.

Другой целью ставилось исправление ошибок предыдущих церковных деятелей и установление между Церковью и гражданской властью мирных и доброжелательных отношений. На следующий день постановление об организации ВВЦС вместе со списком епископов и ходатайством было передано гражданской власти на утверждение, а 2 января была выдана справка, предоставляющая им возможность начинать заявленную деятельность. После этого архиепископ Григорий попытался привлечь на свою сторону митрополита Сергея, являвшегося в тот момент заместителем патриаршего местоблюстителя. Сергей же, увидев всю антиканоничность их деяний, издает совместно с епископами, прибывшими на хиротонию в Нижний Новгород, постановление о лишении кафедр всех участвовавших в совещании иерархов и налагает на них запрещение в священнослужении.

Данное постановление было получено Григорием 29 января 1926 г., после чего он вновь собрал своих сторон-

ников в Донском монастыре с целью обсуждения дальнейших действий, которые могли развиваться по двум путям: либо подчиниться запрещению, либо открыто встать в оппозицию митрополиту Сергию. В итоге было решено сокрыть наложенное запрещение и обратиться с ходатайством к митрополиту Петру о передаче церковного управления образованному ими ВВЦС. 29 января 1926 г. они обращаются к нему с письмом [15, с. 26], в котором сетуют на то, что действия митрополита Сергия вносят в народ одну только смуту и что его управление никакой пользы для церкви не принесет. И 1 февраля 1926 митрополит Петр издает резолюцию (Послание митрополита Петра к архипастырям, пастырям и всем чадам от 1 января 1927), в которой передает обязанности Патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех архипастырей: Николая – архиепископа Владимирского, Димитрия – архиепископа Томского и Григория – архиепископа Екатеринбургского, за исключением решения вопросов принципиальных и общегосударственных. 9 июня 1 июня 1925 г. митрополит Петр издал резолюцию об уничтожении учрежденной им коллегии и подтвердил наложенные митрополитом Сергием запрещения на архиепископа Григория и единомышленников ему архиереев.

Окончательное размежевание между Русской церковью под управлением митрополита Сергия и ВВЦС случилось после послания местоблюстителя Петра от 1 января 1927 г., в котором подтверждалось, что епископ Григорий и ВВЦС находятся вне канонического общения с православной церковью, в то время как митрополит Сергий имеет все законные основания и полномочия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и все его действия заключают в себе каноническую силу. Но григорианцы фактически пренебрегли обоими запрещениями, ибо Сергия они считали незаконно занимающим свое место, а Петр был лишен физической возможности управлять церковью.

И последним этапом григорианского раскола является его самостоятельное существование вне церкви. По ситуации на апрель 1927 г. в расколе находилось 16 епископов (13 из старого поставления и 3 нового). Несмотря на столь малое количество епископов, и отсутствие у большинства из них авторитета, в ноябре 1927 г. в Донском монастыре проходит т.н. предсоборный съезд епископов и мирян. О его сущности мы знаем только по выработанной в мае программе, ибо и протоколы заседания отсутствуют. Сущность всех рассматриваемых вопросов сводится к внешней церковно-административной организации Церкви и к отношению ВВЦС к другим церковным течениям и к государству.

В конце 1927 г. ввиду отсутствия каких-либо положительных сдвигов ставший к тому моменту митрополитом Григорий сложил с себя обязанности председателя ВВЦС и передал их архиепископу Виссариону, а сам остался в качестве епархиального архиерея в г. Свердловске. Виссарион продолжил начатые Григорием попытки привлечь в ВВЦС известных архиереев, для увеличения авторитета. И в итоге ему удалось привлечь архиепископа Томского Димитрия (Беликова) и архиепископа Иоакима.

В 1933 г. из раскола ушли два видных деятеля: митрополит Виссарион (Зорин) и митрополит Борис (Рукин), а в 1936 г. лишается физической возможности управлять епархией митрополит Петр (Холмогорцев). После ухода вождей раскола из ВВЦС его дело начало понемногу разрушаться.

Во время массовых репрессий 1937–1938 гг. большинство григорианских храмов было закрыто, а духовенство репрессировано. После этого раскол прекратил существование как иерархическая организация, и от него осталось лишь несколько приходов. В 1943 г. принесли покаяние епископы: Фотий (Топиро), Гермоген (Кузьмин) и Иосиф (Вырыпаев), принятые в общение с церковью в том сане, в котором они пребывали до отпадения в раскол. В 1946 г. принес

покаяние последний григорианский иерарх Феодосий (Григорович – Борисов).

Итак, раскол охватил небольшую территорию. В основном Григориане были сосредоточены в Западной Сибири и на Урале (Томская, Свердловская и Челябинская области), на Среднем Поволжье (Ульяновская и Самарская области) и в Донецком крае (нижний и средний Дон). Раскол не ограничивался главными городами, он проник и в некоторые районные города и сельские приходы. Большой поддержки среди народа раскол не имел, хотя находились миряне, которым все равно было за кем идти, или даже сознательно уходившие в раскол, например в Свердловской епархии. В Ульяновской епархии участие в расколе принимали даже иночествующие. Так, часть инокинь в Алтырской Киево-Николаевской женской обители признали ВВЦС полномочной иерархией, а митрополита Сергия предали анафеме.

Данный раскол, как и обновленчество, на начальном этапе своей деятельности получал поддержку от ГПУ и настаивали на примирении с советской властью. Как обновленчество оказалось выразителем мнения реформаторски настроенных участников церкви, так и григорианство выражало мнение противников восстановления института патриаршества.

Библиографический список

1. Аметистов Т.А. Каноническое положение Православной Русской церкви за границей. Париж: Издательство епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа, 1927.
2. Борис (Рукин), епископ. О современном положении Русской Православной патриаршей Церкви. М., 1927.
3. Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. М., 1925–1926.
4. Воронцов Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания трудящихся в действии (1917–1937 гг.). Л.: ЛГУ, 1973.

5. Григорий (Яцковский), архиепископ. Документы, относящиеся к образованию Временного Высшего Церковного Совета в Москве. М.: Издание автора, 1926.
6. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930.
7. Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву. Париж, 1933.
8. Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 г. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2001.
9. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973.
10. Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947.
11. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
12. Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Т. 1–2. Джорданвиль, 1949–1957.
13. Польский М., священник. Положение Церкви в Советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931.
14. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1–10. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–2005.
15. Православный Церковный Календарь на 1927 г. Изд. Е.Н. Львова. Под редакцией Архиепископа Григория (Яцковского).
16. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977.
17. Русская Православная Церковь: Устройство, положение, деятельность. М.: Московская Патриархия, 1958.
18. Стратонов И. Русская церковная смута, 1921–1931. Берлин: Парабола, 1932.
19. Тальберг Н.Д. Церковный раскол. Париж: Долой зло, 1927.
20. Троицкий С.В. Размежевание или раскол. Париж, 1932.
21. Церковное обновление. Рязань, 1924–1927.
22. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970.
23. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1999.

РОМАНИЗАЦИЯ И ДРУИДИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ КЕЛЬТОВ

ROMANIZATION AND DRUIDIC BELIEFS OF THE CELTS

М.Г. Коваленко

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент А.Г. Канаев

Античность, кельты, Галльские войны, друиды, религия, Рим, культура.

Antiquity, Celts, Gallic wars, druids, religion, Rome, culture.

В статье исследуется процесс изменения друидического жречества под влиянием римских захватчиков. Осмысливаются свидетельства античных авторов по этому вопросу. Представляется еще один взгляд на верования кельтов до римского вторжения.

This article examines the process of change of the Druidic priesthood under the influence of the Roman invaders. Conceptualized the testimonies of ancient authors on the subject. Seems to be another way of looking at the beliefs of the Celts before the Roman invasion.

Культурное влияние Римского государства, в античные времена занимавшего огромные территории от Испании до Дуная, было огромным. Захватив новую провинцию, римские войска ее «романизировали», то есть насаждали среди местного населения обычаи, присущие своей родине.

Одним из примеров такого процесса является романизация кельтских племен, особо активная фаза которой связана с Гаем Юлием Цезарем и его Галльскими войнами, происходившими в 58–50 гг. до н.э. Именно в это время в континентальной Галлии начинается распространение латинского языка, проводится первая перепись населения и развивается городское строительство.

Но о влиянии романизации на религию кельтов хотелось бы поговорить подробнее.

Кельтское друидическое жречество в доримский период исследуется нами в основном на свидетельствах Цезаря, записанных в «Записках о Галльской войне», ибо у нас нет серьезных доказательств не верить информации, которую нам дает этот источник, а кельтских хроник мы не имеем.

Из «Записок» мы узнаем, что галлы очень набожны и своим божественным праотцом считают Дита, бога подземного мира в римском пантеоне. Можно предположить, что этому римскому аналогу соответствовал кельтский бог Цернунн. Из богов они больше всего почитают Меркурия как покровителя и создателя всех искусств, Аполлона, Марса, Минерву и Юпитера [2, с. 85]. Цезарь называет их римскими аналогами для наглядности, но определить галльские имена этих божеств задача довольно трудная.

Опять же из труда Цезаря мы узнаем о друидическом жречестве. Он пишет, что помимо основного населения, находившегося в положении по сути рабов, галльское общество делится также на две привилегированных группы: друидическое жречество и сословие всадников [2, с. 83].

Родиной друидического учения, по свидетельству Цезаря, была Британия, и даже в более позднее время они отправлялись туда для обучения. Друиды были освобождены от всяческих податей и воинской повинности, обладали исключительным правом на совершение обрядов жертвоприношения и отречения от него (что у набожных галлов считалось участью, хуже смерти), а также верховной судебной властью [2, с. 83]. Цицерон, описывая встречу с одним из друидов, Дивитиаком, пишет о высоких его познаниях в сфере физиологии и способности по внутренностям птиц и животных предсказывать будущее [7]. Цезарь тоже упоминает о Дивитиаке в своих «Записках». О высоком авторитете друидов мы можем узнать из сообщения Страбона о том, как во времена до римского вторжения друиды улаживали военные столкновения, заставляя воинов оста-

навливаясь, когда те уже собирались ринуться в бой [4, с. 190]. Также друиды исполняли функции учителей и нравственных воспитателей молодежи. Цезарь пишет о том, что в обучении друиды полагались на устные формы передачи информации, лишь в крайних случаях ведя записи на греческом языке. Он предполагает, что такой обычай существовал по двум причинам: жрецы не желали, чтобы их учение становилось общедоступным, а также чтобы их ученики, полагаясь на запись, меньше усилий прилагали для укрепления памяти [2, с. 83].

Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке» указывает на учение о реинкарнации, которое проповедовали кельтские жрецы. Он пишет, что у галлов было в обычае вызывать друг друга на единоборство, не придавая никакого значения смерти, а также класть в погребальный костер умершего записки, предназначавшиеся для его перерождения [3, с. 320]. Культom перерождения многие античные и современные историки объясняют необычайную храбрость галлов. Во главе культа стоял верховный жрец. После его смерти пост занимает наиболее достойный из друидов, а если таковых несколько, то проводится голосование, иногда перерастающее в вооруженные столкновения. В определенное время друиды собираются на заседание где-то в землях карнутов, считающихся центром Галлии [2, с. 83], и резиденция верховного друида находилась там.

Из всех друидических обрядов римлян более всего ужасали жертвоприношения. Описывается такой способ этого ритуального действия: из соломенных прутьев вязалось чучело, напоминающее человеческую фигуру, в это чучело садили пленников, а также кидали туши скота, потом поджигали. Кельты верили, что богам наиболее угодно принесение в жертву воров, убийц и других преступников, попавшихся на не менее тяжких преступлениях. Отдельные боги также требовали особенных жертв, так, к примеру, бог Езус пред-

почитал в жертвы повешенных на деревьях, а Тевтат – утопленников. Также римлян ужасал обычай предсказывать будущее по предсмертным судорогам убитого пленника, упоминаемый Страбоном в IV книге «Географии» [4, с. 198]. Стоит отметить, что среди ирландских источников, несмотря на специфический обычай принесения в жертву первенца каменному идолу Кром Круах, нет ни одного упоминания об общепринятости и распространенности человеческих жертвоприношений [5].

К сожалению, Цезарь пишет очень мало о друидических верованиях островных кельтов, что объясняется тем, что единственный его поход в Британию завершился фиаско. Осмелимся предположить, что существенных отличий между культом островных и континентальных кельтов не было.

Стоит отметить преклонение друидов перед деревьями, и в частности, дубом. Это отмечает Плиний в XVI главе «Естественной истории». Он даже выдвигает предположение, что название их ордена относится к греческому названию этого дерева.

Таким образом, друидическое жречество до римского вторжения рисуется в нашем воображении могущественной организацией, которая имела авторитет абсолютно во всех сферах жизни кельтского общества.

С приходом римлян в первую очередь падает политический престиж друидов. Они более не могут быть общекельтской организацией, так как общество галлов, многие из которых быстро осознали преимущества римского владычества, разделено на две фракции. Этот раскол усугубляется в 52 г. до н.э., когда молодой арверн Верценгеторик поднимает восстание против Рима. Часть племен отказывается примкнуть к мятежникам, а некоторые даже открыто встают на сторону Цезаря. Общие боги не могут поддерживать обе враждующие стороны, и разделение друидов на враждую-

щие партии знаменует крах друидизма как общекельтского института. Стоит отметить, что среди восставших не было ни одного племени островных кельтов, из чего мы осмелимся сделать вывод, что бриттских и гэльских друидов этот кризис пока что не коснулся.

Среди античных писателей были те, кто писал о том, что и после римского вторжения друиды сохранили свой авторитет. К примеру, Дион Хризостом. Но он никогда не путешествовал по Галлии и был оратором, а не историком. Исходя из этого, его свидетельство можно расценивать лишь как сильно преувеличенный пересказ чужого рассказа о старой роли друидов в кельтском обществе.

Обряды жертвоприношения, ужасавшие римлян, подверглись жесточайшим гонениям. Светоний пишет, что их запретил Август, а окончательно они были уничтожены Клавдием [1, с. 134]. Это привело к тому, что часть жрецов, настроенных против Рима, ушла в подполья, спрятавшись в дремучих рощах и глубоких пещерах. Стоит отметить, что среди ирландских племен, не знавших римского владычества, друидическое учение будет сохраняться до VIII в. н.э., когда Святой Патрик принесет на остров свет христианства.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что некогда могущественное друидическое жречество после римского вторжения впало в глубокий кризис и к нашей эре почти полностью разложилось. Внушавшие благоговейный трепет жрецы стали простыми предсказателями и колдунами, лишь иногда имевшими голос в вопросах решения локальных конфликтов. Но это не относится к островным кельтам, которые смогли избежать римского влияния до 54 г. н.э., а ирландцы так и вовсе до VIII в. н.э.

Библиографический список

1. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати царей / пер. М.Л. Гаспарова. М., 1964.

2. Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне / пер. М.М. Покровского. М., 1991.
3. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология / пер. О.П. Цыбенко. М., 2000.
4. Страбон. География / пер. Б.А. Стратоновского. М., 1963.
5. Томас Даунинг Кендрик. Друиды / пер. с англ. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2007.
6. Цицерон. О дивинации / пер. М.И. Рижского. М., 1985.

СИМВОЛИКА СНОВ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ

THE SYMBOLISM OF THE DREAMS IN ICELANDIC SAGAS

А.П. Макарова

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент А.Г. Канаев

Saga, Исландия, сны, символы, литература, Средние века, культура.

Saga, Iceland, dreams, symbols, literature, Middle Ages, culture.

В статье проводится анализ двух исландских саг: «Сага о Сверрире» и «Сага о Гисли». На основании этого проводится исследование значения символов во снах для исландских саг и отражение в них исторической действительности средневековой Скандинавии.

The article analyzes two Icelandic sagas: «the Saga of Sverrir» and «the Saga of Gisli». On this basis, the investigation of the meaning of symbols in dreams to Icelandic sagas, in the historical reality of medieval Scandinavia.

Что такое саги и какой интерес они имеют для исследователей? Саги – это важнейший исторический письменный источник, который повествует об эпосе, культуре и быте германо-скандинавских народов. Записанные в XIII–

XIV в. н.э., саги собраны Снорри Стурлусоном и Сэмундом Мудрым в сборнике под названием «Эдда». Точно не установлено, откуда появилось это название, но существует три версии этимологии этого слова.

Первая – «Эдда» означает «прабабушка»; вторая – «Эдда» имеет значение «поэзия»; третья – местность, где вырос Стурлусон, имело название «Одди», а «Эдда» является производной.

Эдда состоит из нескольких частей, Старшей и Младшей. «Старшую Эдду» – приписывают Сэмунду Мудрому (исландский священник, писатель XII в. н.э.), а «Младшую» – Снорри Стурлусону (исландский скальд, прозаик, историограф, политик, живший в XII в. н.э.). Несмотря на то, что и Младшая, и Старшая Эдды объединены в общий сборник, по своему содержанию и некоторым мифам они различаются. Некоторые исследователи считают, что на это могла повлиять чрезмерная религиозность Снорри Стурлусона.

Символы – неотъемлемая часть эпоса в целом, и чтобы понять произведение, необходимо рассмотреть данный аспект. Так, Сага о Сверрире повествует о гражданской войне в Норвегии с 1177 по 1202 г. Главным героем саги является Сверрир Норвежский – бывший исландский священник, выступивший в эпоху гражданских войн на стороне партии биркебейнеров (состоявшей в основном из бедняков и крестьян) и захвативший норвежский престол.

В этой саге можно выделить несколько важных символов. В первой главе «Рождение Сверрира конунга» рассказывается о сне матери Сверрира, которая была беременна им. В этом сне она родила камень: «...большой камень, белый как снег и сиявший так ярко, что во все стороны от него сыпались искры, как от железа, сильно раскалившегося в кузнечном горне...» [3, с. 4].

На основании этих строк можно предположить несколько версий.

Первая. Отсылка к легенде о создании вселенной. Большой, белый камень, который мы трактуем как глыбу льда, можно отнести к рождению великана Имира. Таким образом, автор хочет сравнить рождение великого конунга Сверрира с появлением первого великана Имира.

Вторая. Отсылка к падающей звезде. Известно, что во многих этнических группах падающие звезды трактовались как благоприятный знак. Поэтому мы считаем, что автор хотел отметить искрящим камнем богоизбранность героя данной саги.

Во второй главе Сверриру снится, что «...он птица, такая большая, что ее клюв касается на востоке пределов страны, а хвост ее на севере в Краю Финнов, а крылья ее покрывают всю страну...» [3, с. 5]. Мудрый человек сказал ему, что это может значить власть. Возможно, что эта птица может быть отсылкой к Хресвельгу. Это огромный етун-орел, из-за крыльев которого появляется ветер. Хресвельга принято считать символом штормов. Отсюда можно сделать вывод, что юный Сверрир – это и есть тот самый шторм, который начал гражданскую войну в Норвегии.

Значение символов в саге о Гисли, которая повествует о междоусобных войнах в середине 10 в. Гисли – герой, ясновидящий. Данная сага, в отличие от «Саги о Свирерре», является родовой, в которой описывается жизнь обыкновенных норвежцев.

В саге можно выделить несколько образов во снах. Первый: в главе тринадцатой «Саге о Гисли» происходит убийство Вестейна. Убийца остается неизвестным, но Гисли, говоря о своих подозрениях в четырнадцатой главе, упоминает вещий сон: «Снилось мне в первую ночь, будто из одного двора выползла гадюка и насмерть ужалила Вестейна» [2, с. 19]. А. Холтсмарк, ссылаясь на «закон эпоса», по которому

особую значимость обладает число «3», высказывает предположение: раз при описании сидящий в доме троих вооруженных людей Торкель назван последним, значит, он и есть убийца [1, с. 133]. У Торкеля был и мотив – его жена Асгерд изменяла ему с Вестейном.

В песне «Перебранка Локи» также присутствует змей. За гибель бога Бальдра асы приковали Локи к скале. Над ним как знак правосудия извивался змей, с пасти которого капал яд. Следовательно, образ змея во сне Гисли можно трактовать как возмездие за соблазнение Асгерд, жены Торкеля.

Второй. На протяжении всей саги к Гисли во снах приходят две женщины: добрая и злая. «Ко мне приходят во сне две женщины. Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится еще хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное...» [2, с. 31].

По мнению Арона Гуревича, они символизируют старые родовые традиции и новые веяния индивидуализма. Подтверждение этому мнению можно найти в конфликтах Гисли, его сестрой Тордис и братом Торквелем. Примером такого конфликта является случай, когда Гисли призывает отомстить Барду, соблазнившему Тордис, за честь рода, а Торквель и Тордис, ставя на первое место личные чувства, выступают против мести.

Неотъемлемая часть злой женщины – это присутствие крови во снах главного героя. Например, «...стала часто приходиться к нему недобрая женщина и все норовит вымазать его кровью и окунуть в кровь. И, по всему видно: она хочет ему зла» [2, с. 31]. Добрая же женщина в своих снах пытается успокоить героя, помочь ему разобраться в своем внутреннем мире, в своих действиях и поступках: «И было там семь огней, одни почти догорели, а другие пылали ярко. Тут вошла в дом добрая женщина моих снов и сказала, что те огни означают мою жизнь, какая мне еще осталась. И она

дала мне совет оставить, покуда я жив, старую веру, не ворожить, и не колдовать, и быть добрым к хромым, и слепым, и тем, кто меня слабее...» [2, с. 31].

Таким образом, злая женщина – это воплощение темных, языческих ритуалов древности, дань традиции, а добрая женщина – воплощает индивидуальность, освобождение от оков старых обычаев.

Проанализировав эти произведения, можно сделать вывод, что и в саге о Гисли, и в саге о Сверрире имеется общее. Например, символами выступают животные. Это говорит о том, что у людей того периода присутствовал анимизм, так как язычество было распространено на всей территории Скандинавии. Косвенные языческие упоминания можно увидеть в примере злой женщины из саги о Гисли, а также того факта, что сам герой был представителем язычества, так как занимался магией и прорицанием.

Различия же в том, что в саге о Сверрире герой учится на священника, а это говорит о распространении христианства на территории Норвегии. Однако во снах присутствует анимизм, значит, язычество еще не искоренилось, и на протяжении многих веков является религией скандинавов.

Таким образом, изучение данной темы о трактовке символов во снах исландских саг может помочь в изучении вопроса религии и культуры на территории германоскандинавской народности.

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009.
2. Сага о Гисли / пер. О.А. Смирницкой, М., 1973.
3. Сага о Сверрире / пер. с древнеисл. М.И. Стеблин-Каменского, М., 1988.
4. Стеблин-Каменский М.И. Снорри Стурлусон и его «Эдда». URL: <http://norse.ulver.com/src/snorra/stk.html>

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ

DETERMINATION OF EFFECTIVENESS OF WESTERN SANCTIONS

М.В. Сеньюткина

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Л.Г. Лисина

Международные санкции, западные санкции, Россия, западные страны, понятия санкций, классификации международных санкций, критерии эффективности.

International sanctions, Western sanctions, Russia, Western countries, concepts of sanction, classification of international sanctions, the criteria of effectiveness.

В статье выделены основные понятия санкций, классификации международных санкций, обозначены критерии эффективности. По критериям эффективности мы определили эффективность санкций, введенных странами Запада против Российской Федерации.

The article outlines the main concepts of sanction, the classification of international sanctions, the criteria of effectiveness. In terms of efficiency criteria, we determined the effectiveness of sanctions imposed by Western countries against the Russian Federation.

На сегодняшний день экономическая и политическая связь между странами становится все теснее. Менее развитые государства становятся зависимыми от более сильных, развитых в экономической, политической, социальной и других сферах государств. Поэтому санкции, накладываемые странами-субъектами на различные сферы жизни страны-объекта, обретают весьма широкое применение и становятся своего рода инструментом давления, поскольку данные меры могут оказывать сильное и длительное воздействие. Наблюдая за новостями, мы все чаще слышим о санкциях, введенных одними странами против дру-

гих. Для нашей страны актуальность темы санкций существенно возросла с марта 2014 г., когда Запад ввел первый пакет санкций против Российской Федерации.

Международные санкции как инструмент давления начали использоваться еще в V в. до н. э. в Древней Греции. Первоначально санкции имели форму морских блокад, цель которых была ухудшить экономику страны-объекта. К XX – XXI в. значение санкций, их формы и цели существенно расширились.

В современной науке нам представляется множество определений международных санкций. Однако точного и четкого понятия, что же такое международные санкции, мы не видим. Так, существует три основных подхода к понятию санкций:

- С точки зрения права: «Санкции – односторонние или коллективные действия против страны, которую считают нарушителем международного права, направленными на то, чтобы заставить это государство соблюдать закон» [1, с. 335].

- Ограничения деятельности стороны-объекта: «Санкции – всеобъемлющий бойкот агрессора» [4, с. 233].

- Стремление добиться определенных целей стороне-субъекту санкций: «санкции – это комплекс односторонних или коллективных мер политического, экономического или правового характера, направленных на суверенное государство, его институты, национальные компании или отдельных граждан, с целью принуждения, ограничения, сдерживания или предупреждения их деятельности» [6, с. 68].

В науке существуют классификации санкций по различным признакам: по видам применяемых санкций (дипломатические, экономические, санкции в отношении перемещения граждан, научные, культурные, спортивные); по составу субъектов (коллективные и индивидуальные); по субъекту, который вводит санкции (глобальный, межгосударственный, отраслевой, корпоративный, индивидуальный уров-

ни); по степени жесткости санкционных мер (первая, вторая и третья степени жесткости).

Некоторые ученые, анализируя результаты проводимых санкций против различных стран, говорят о том, что санкции – не самый эффективный способ добиться своих целей.

Эффективность проводимых санкций мы можем рассмотреть по составу субъектов санкций. Так, коллективные санкции дадут больший эффект, чем санкции, применяемые индивидуально.

По субъекту, вводящему санкции – если санкционные меры применяются на глобальном уровне, эффективность будет выше, чем применение на корпоративном или индивидуальном уровнях.

Рассматривая санкции по степени жесткости, можно сказать, что первая степень, т.е. предупреждение объекта скорее принесет меньший эффект, чем последняя степень – разрыв выгодных для страны-объекта связей.

Санкции могут принести результаты в том случае, если последствия будут незначительны для стороны-инициатора, а ущерб, нанесенный стране-объекту, наоборот, высокий.

Однако эффективность санкций зависит также и от масштаба субъектов, которые вводят санкции. Если ограничения вводит страна-инициатор индивидуально, стране-объекту санкций будет легче разорвать с ней отношения и искать альтернативы стране-субъекту.

Если же масштаб глобальный и ограничения вводит группа развитых и влиятельных стран, то страна-объект понесет существенные потери, прежде чем примет решение: искать альтернативы потерянными связям или идти на уступки.

Одной из оценок эффективности санкций может являться степень ущерба, который был нанесен стране-субъекту и стране-объекту. Конечно, в идеале санкции, чтобы достигнуть максимальной эффективности, должны приносить урон только стране-субъекту. Однако на практике это маловероятно.

Существует несколько критериев, которые позволяют оценить эффективность санкций:

- ущерб, нанесенный экономике страны, – чем больше стороне-субъекту удалось подорвать экономику стороны-объекта, тем выше эффективность санкций;

- сфера политики – кризис политического режима в стране может привести к утрате легитимности власти, снижению авторитета лидера, усилению социальной напряженности, переворотам, гражданской войне, которые усугубят ситуацию внутри государства во всех сферах;

- влияние на отдельные отрасли экономики – снижение конкурентоспособности тех или иных отраслей экономики может привести к экономическому кризису внутри государства или его усугублению;

- реакция страны-объекта на вводимые санкции (чем агрессивнее реакция, поведение, тем более высокое давление санкции оказывают на страну, или наоборот – если объект санкций идет на уступки; если реакции нет или страна успешно обходит санкции – эффективность низка);

- урон, нанесенный санкциями стороной-субъектом – если ущерб стороне-инициатору причинен больший, чем объекту санкций – введение данной меры неэффективно;

- уровень жизни населения – уровень жизни граждан и безработицы – показатель уровня экономики и стабильности страны в целом. Чем хуже живут люди – тем выше эффект санкций.

Первый критерий, по которому мы можем определить эффективность санкций, введенных против России Западом в 2014 г., – экономика страны-объекта.

Санкции в банковской и финансовой сферах представляют собой заморозку финансовых активов физических и юридических лиц, потерю финансовой свободы российских компаний за рубежом, ограничение доступа к инвестиционным проектам, отключение российских банковских

структур от платежных систем международного уровня. В результате данных мер в Российской Федерации наступил финансовый кризис. Экономические санкции и падение цен на нефтегазовую продукцию вызвали девальвацию рубля, инфляцию (на 2016 инфляция составила 5,4 %), повышение ставок по потребительским кредитам [5].

Мы можем сделать вывод, что санкции оказали большое влияние на экономику России, следовательно, меры по данному критерию эффективны.

Второй критерий – влияние на отдельные отрасли экономики.

Поскольку санкции оказывают большое влияние на финансовую, нефтегазовую отрасли экономики, на торговлю, инвестиции, технологии, на военную и оборонную промышленность и т.д., мы можем сделать вывод, что меры оказали сильное влияние по этому критерию.

Третий критерий – уровень жизни населения страны-объекта.

Также экономические санкции и кризис сказались на населении страны. Закрытие филиалов иностранных компаний, российских предприятий приводит к сокращению рабочих мест, растет безработица, уменьшаются доходы населения при росте цен, число живущих за чертой бедности россиян увеличивается, уменьшается потребительская активность.

По третьему критерию санкции также оказали большой эффект.

Четвертый критерий – политика страны-объекта.

Несмотря на ухудшение жизни населения, власть Российской Федерации не теряет доверия народа. По опросам ВЦИОМ на 29 января 2017 г., 54,3 % населения доверяют действующему президенту России Владимиру Путину. 50,7 % населения поддерживают правящую партию «Единая Россия».

По данному критерию санкции оказались неэффективны.

Пятый критерий – экономика стран-субъектов.

Санкции, направленные против Российской Федерации, оказали сильное влияние и на экономику стран-субъектов. Во-первых, Россия ввела ответные санкции, также ограничив въезд на свою территорию списку лиц, в который вошли официальные лица ЕС и США. Во-вторых, введенное РФ продовольственное эмбарго, которое принесло эффект: фермеры и предприниматели, прежде всего стран Евросоюза, терпят большие убытки.

Шестой критерий – реакция страны-объекта на введенные меры.

Руководство Российской Федерации с марта 2014 г. придерживается своей позиции по Украинскому вопросу и на уступки не идет. Летом 2014 г., после расширения санкций со стороны США и Евросоюза, Россия ввела ответные меры – торговое эмбарго. В целом реакция РФ на санкции оказалась спокойной, что говорит о неэффективности санкций.

Подводя итог, можно сказать, что однозначной оценки санкциям, введенным против России, дать нельзя, поскольку до отмены санкций об их результатах и последствиях говорить рано. Однако уже сейчас, по текущему положению, можно сделать вывод, что эффект от санкций есть, поскольку падение уровня жизни населения, экономический кризис и удар по отдельным отраслям экономики говорят о том, что Россия находится в затруднительном положении.

Введенные три года назад санкции показали, что для России очень важно брать курс на свою, максимально независимую от других стран экономику, развивать и укреплять различные сферы промышленности.

Библиографический список

1. Братерский М.В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 335–347.
2. ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 11.05.2017).

3. Галкин В.Д. Понятие и виды санкций в международных отношениях [Электронный ресурс]. URL: <http://vadimgalkin.ru/politics/ponyatie-i-vidy-sankcij-v-mezhdunarodnyx-otnosheniyax/> (дата обращения: 11.05.2017).
4. Годованник Е.Д. Экономические санкции: исторический аспект // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 232–235.
5. Зубков И. Росстат подтвердил оценку по рекордной инфляции 2016 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/01/10/rosstat-podtverdil-ocenku-po-rekordnoj-infliacii-2016-goda.html> (дата обращения: 11.05.2017).
6. Семенов А.В. Политико-экономические санкции в современных международных отношениях // Власть. 2015. № 7. С. 67–72.

**РЕШЕНИЕ КРАСНОЯРСКИМ СОВЕТОМ РАБОЧИХ
И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ
ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ГОРОДА
(МАРТ–ОКТЯБРЬ 1917)**

**THE DECISION OF THE KRASNOYARSK SOVIET OF
WORKERS' AND SOLDIERS' DEPUTIES
OF THE MAJOR SOCIAL ISSUES OF THE CITY
(MARCH–OCTOBER 1917)**

М.М. Синдеев

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов, революция 1917 г. в Сибири, история Красноярска.

The Krasnoyarsk Soviet of workers and soldiers deputies, the Bolshevik revolution of 1917 in Siberia, the history of Krasnoyarsk.

В статье предпринята попытка выделить основные социальные проблемы города Красноярска в период двоевластия. По материалам Государственного архива Красноярского края показаны действия Красноярского Совета по их решению. На основании вышесперечисленного предпринята попытка оценить роль Совета в жизни города.

The article attempts to highlight the main social problems of the city of Krasnoyarsk during the period of dual power. According to the materials of the State archive of Krasnoyarsk region shows the steps of the Krasnoyarsk Council for their decision. Based on all of the above is an attempt to assess the Council's role in city life.

Столетие Великой русской революции вызывает неподдельный интерес как для населения, так и для профессиональных историков-исследователей. Наиболее интересным, на наш взгляд, предстает изучение ее аспектов в регионах России и в частности – в Сибири. Одним из таких наиболее характерных и всеохватных явлений является феномен двоевластия, и Красноярск не является исключением. Несмотря на значительную разработанность темы, на наш взгляд, недостаточно хорошо освещены именно социальный и хозяйственный аспекты деятельности новых органов.

Цель статьи – попытка определения места и влияния Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов на жизнь города на основании данных о решении им хозяйственных вопросов. Для ее выполнения нами были поставлены следующие задачи – выявить наиболее важные, на наш взгляд, социальные проблемы города на 1917 г. и определить размер и формы участия Красноярского Совета в их решении.

Двоевластие и деятельность Красноярского Совета достаточно хорошо освещены в советской и российской историографии. Одной из первых работ на данную тему является статья М.Б. Шейнфельда «Борьба с контрреволюционным земством в Енисейской губернии» [18]. Данная работа не затрагивает тему нашей статьи напрямую, но дает достаточно подробную оценку деятельности Совета в целом. Автор отмечает: «Только коммунистическая партия отстаивала Советы, как орган революционной борьбы», подчеркивая тем самым, во-первых, передовой характер нового органа, а, во-вторых, исключительную роль большевиков в его ор-

ганизации и деятельности. В.П. Сафронов говорит о Совете как об органе, который «энергично действовал как орган революционной власти» и «оказывал большое влияние на политическую жизнь Енисейской губернии» [17]. Схожую оценку дали в разное время М.М. Шорников (1962) [19], В.Т. Агалаков (1978) [1] и «История Красноярской краевой организации КПСС» [16].

Как можно заметить, вышеназванные труды акцентируют внимание на политической деятельности Совета, и в целом не затрагивают решения социальных вопросов.

Некоторое освещение решения социальных проблем получило в современной историографии. Одной из наиболее важных работ по данной теме является двухтомник «Вся красная власть» за авторством Л.П. Бердникова, бывшего депутата Красноярского городского совета [2]. Данный труд является, пожалуй, одной из самых ранних (1996) попыток красноярских исследователей более объективно взглянуть на деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов. Автор показывает как и политическую, так и социальную составляющую деятельности, однако делает акцент на политике.

Осветив историографию вопроса, мы можем приступить к решению задач, поставленных в данной статье. Первой из них является определение круга социальных проблем. Рост цен в Первую мировую войну, низкая урожайность, наличие в городе одного из крупнейших лагерей военнопленных и трех полков гарнизона (14-й, 15-й, 30-й запасные стрелковые полки), наличие в городе промышленных предприятий выделяет три группы проблем – обеспечение населения продовольствием и промышленными товарами, обеспечение безопасности города и забастовки.

Для решения проблем со снабжением и продовольствием Совет развернул бурную деятельность. 4 апреля в составе исполнительного комитета Совета была сформирована учетно-оценочная комиссия [13], задачей были объявлены учет това-

ров у частных торговцев и контроль над ценами на товары народного потребления. Первая же проверка 5 апреля показала наличие в городе огромных запасов товаров и огромных наценок на них [3]. Результатом проверок стала выработка жестких правил торговли, сопровождаемой реквизициями у владельцев товаров в пользу товарищества «Самодетельность» [4] и ограничениями на вывоз и ввоз из города [5].

Отдельным моментом урегулирования продовольственного вопроса является отправка солдат Красноярского гарнизона на сельскохозяйственные работы. 1917-й год выдался весьма урожайным, было собрано, по разным оценкам, от 36 до 47 млн пудов зерна [15], в связи с этим помощь солдат в сборе урожая вполне оправдана. Однако нам непонятны действия Совета в данной ситуации. Распоряжения об отправке солдат на уборку хлеба приходили в Красноярский Совет 25 июля из штаба Иркутского военного округа [6] и 2 августа из Среднесибирского бюро Советов [7]. Первое было отклонено с резолюцией «Приказ неприемлем для Сибири». Второе было обсуждено на заседании Исполнительного комитета и было отправлено назад с просьбой о доработке, т.к. по мнению исполкома, это «могло лишить солдат отпусков». Новое постановление было принято только 12-го числа, Среднесибирское бюро одобрило проект Совета – отпустить солдат гарнизона по волостям, в которых проживали [8]. Мы можем предположить, что данные действия могут быть направлены на укрепление авторитета Совета и большевиков в солдатской среде, косвенным подтверждением чего, на наш взгляд, служит учреждение в этот же день солдатской секции Совета во главе с подпоручиком С.Г. Лазо [8].

Детально изучив деятельность Совета по решению продовольственного вопроса, мы можем перейти к рассмотрению вопроса по безопасности. Под «безопасностью» мы понимаем, во-первых, охрану общественного порядка и,

во-вторых, противодействие стихийным бедствиям. В связи с тем что 10 марта Временное правительство своим постановлением распустило Департамент полиции МВД, в городах началось параллельное формирование милиции и Красной гвардии. Поскольку этот процесс являлся общероссийским, останавливаться на нем мы не будем.

Не менее крупной проблемой являлись забастовки. По подсчетам В.П. Сафронова, в Красноярске с марта по октябрь состоялось 14 стачек, из которых только одна (работников электростанции 9 октября) была политической [17]. Тем самым мы можем говорить о забастовочном движении в городе, вызванном социальными причинами, и обозначить шаги по их урегулированию социальных вопросов.

Основные требования бастующих в целом одинаковы: введение 8-часового рабочего дня и/или увеличение заработной платы. Так как 8-часовой день был объявлен Советом еще 27 марта [9], то наибольший интерес для нас представляет именно урегулирование вопросов заработка. Для этого Советом создавались примирительные камеры [10] или согласительные комиссии [11], в которых представители предприятия, рабочих и комиссар Совета пытались достигнуть компромисса. Характерны действия по урегулированию забастовки на лесопильном заводе «Абакан». В силу того что владельцы отказались идти на уступки рабочим, предприятие 31 мая было реквизировано и передано под рабочий контроль [12]. Заметим, что в октябре завод был возвращен владельцам, так как исполнительный комитет не имел средств для его содержания, что позволяет нам заявить о слабой компетентности Совета в вопросах экономики.

Итак, какие выводы можно сделать на основании вышеизложенного? Красноярский Совет действительно являлся силой, оказывавшей на жизнь города колоссальное влияние, которое приобреталось не самыми законными путями.

Тем не менее мы считаем, что данные мероприятия помогали Совету и красноярским большевикам завоевать поддержку среди простого населения, что вкупе с иными факторами позволило захватить власть в Енисейской губернии быстро и безболезненно.

Список используемых сокращений

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).

Библиографический список

1. Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск: Наука, 1978. 256 с.
2. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного советского управления и самоуправления (1917–1993). Факты, события люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1996. 320 с.
3. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 106, л. 30.
4. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 3, л. 361.
5. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 4, лл. 25-26.
6. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 6, лл. 56-59.
7. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 42, л. 71.
8. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 12, л. 68.
9. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 40, л. 62.
10. ГАКК, ф.р. 1813, оп. 1, д. 207, л. 53.
11. ГАКК, ф. р-258, оп. 1, д. 13, лл. 28-32.
12. Красноярский рабочий. 1917. № 20. 8 апреля.
13. Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Часть II. Край с 1917 по 2006 год. Красноярск: Платина, 2006. 256 с.
14. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. 416 с.
15. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895-1980). Красноярск: Кн. изд-во, 1982. 600 с.
16. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Красноярск: Кн. изд-во, 1962. 630 с.
17. Шейнфельд М.Б. Борьба с контрреволюционным земством в Енисейской губернии (1917 – апрель 1918 гг.) // Ученые за-

писки Красноярского государственного педагогического института. Т. 9., ч. 1. Красноярск, 1957. С. 85–102.

19. Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. 647 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

SOME ASPECTS OF THE NATIONAL INTEGRATION OF MODERN RUSSIA

К.И. Шпилько

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

Национализм, этнос, межнациональные взаимоотношения, русский народ, национальная интеграция, менталитет, гражданское самосознание.

Nationalism, ethnos, interethnic relations, the Russian people, national integration, mentality, civic consciousness.

Рассматриваются некоторые проблемы, оказывающие влияние на национальную интеграцию в современной России, причины, которые влияют на формирование националистических тенденций у разных народов, социально-психологические особенности русского народа.

Some problems affecting the national integration in modern Russia are examined. The reasons that influence the formation of nationalist tendencies among different peoples are examined. Socio-psychological characteristics of the Russian people are considered.

Усложненность межнациональных взаимоотношений в современной России определяется националистическими установками в самосознании народов, которые населяют страну. На формирование националистических тен-

денций могут влиять различные причины, причем для определенных народов они будут разными, поэтому данная тема является актуальной и на сегодняшний день.

Согласно мнению З.В. Сикевица, национализм может развиваться по трем причинам.

Во-первых, национализм может развиваться при нависающей угрозе потери национально-культурной самобытности, то есть в том случае, когда возникает опасность «растворения» этноса. Эта причина подходит для объяснения национализма у малых народов [7, с. 79].

Второй причиной может быть необходимость национальной консолидации, в том случае, когда нация находится на этапе формирования, например, данная причина послужила широкому распространению националистических идей в момент распада СССР, в том числе и в республиках, которые сегодня входят в состав Российской Федерации [Там же].

Третьей причиной для развития националистических настроений может являться системный социальный кризис, который влечет за собой потерю народом чувства психологической устойчивости, разрушает традиционную систему ценностей и формирует чувство национального принижения [Сикевич, 1996, с. 80].

Последняя причина, по мнению Сикевица, характерна именно для русского национализма «с его весьма специфическим образом врага» [Там же].

Нерешаемые социальные и экономические проблемы оказывают колоссальное влияние на все народы России.

Традиционно в национальных регионах нашей страны власть рассматривалась как «великорусская», поэтому и ответственность за нерешенность социальных проблем, низкий уровень жизни, социальное расслоение чаще всего возлагается на русский народ. Это, в свою очередь, вызвало резкое усиление националистических тенденций и резкое

ухудшение отношения к русским, проживающим в национальных регионах, в 1990-е гг., а среди русских, в свою очередь, усилилось чувство национального поражения.

Эти факторы, в той или иной мере, способствовали развитию националистических настроений. Также в последние десятилетия дополнительное напряжение в национальные отношения вносили изменения этнического состава населения страны, которые происходили в результате стремительного развития миграционных процессов, неравномерной рождаемости среди определенных народов.

Исследование национальной интеграции будет неполным без рассмотрения социально-психологических особенностей русского народа и понимания базисных точек развития его менталитета.

В начале прошлого века философ Николай Бердяев говорил о двойственной природе русского народа, который он называл творцом «огромной и могущественной государственности», но в то же время «самым безгосударственным». Н. Бердяевым было отмечено соединение в русском народе во многом противоположных свойств, например, деспотизм, преувеличение роли государства, вольность, национализм и всечеловечность [3, с. 6–14].

Представитель русской религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии Н. Лосский пришел к выводу о том, что в выработке национального русского характера в сильном государстве с абсолютной авторитарной властью большое значение сыграли огромные пространства со сложными климатическими условиями, практически не прекращающиеся войны и внутренние раздоры [5, с. 50].

В исследованиях, которые посвящены становлению российской государственности А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко, говорится о том, что самодержавие как государствообразующий институт вполне соответствовало

народным идеалам и представлениям, но сосредоточение всей власти в руках самодержца не означало формирования понятия «общего интереса» у приближенной к власти элиты, появилась возможность размытия границ между общими и частными интересами [1, с. 89]. Близости элит к власти и использование этой возможности в личных целях приводило к формированию крайне отрицательного образа элит в глазах большинства обычных людей и неприятию ими предлагаемых властью управленческих решений [Там же]. В 1960–1980-е гг. в советских республиках сложились мощные интеллектуальные элиты, достаточно сильные кадры местной бюрократии, политиков и интеллигенции, которые находились в «дружеских отношениях» с властью. Но уже на изначальном этапе перестройки после такого «полного и успешного» решения национального вопроса в СССР резко обострился конфликт между союзным центром и местной партийно-государственной элитой, стремившиеся к установлению союза с национальной интеллигенцией. Последовали межнациональные столкновения между якутской и русской молодежью в Якутске (февраль 1986), волнения студентов в Алма-Ате (декабрь 1986), демонстрации крымских татар в Москве на Красной площади (июль–август 1987), многократные и массовые демонстрации в столицах республик Прибалтики (август 1987). Вслед за этим в Закавказье разразился конфликт между Арменией и Азербайджаном относительно принадлежности Нагорного Карабаха. Властные элиты не стремились ограничить свои частные и групповые интересы во имя общих интересов и ради мобилизации ресурсов широких слоев населения.

Еще одной особенностью русского народа, которая во многом мешает процессам модернизации и интеграции в стране, является глубоко осевшая в сознании народа идея уравниательства.

В работе Н.А. Бердяев отмечает, что «русские суждения о собственности...определяются не отношением к собственности как к социальному институту, а отношением к человеку» [2, с. 46–50]. В менталитете русского народа, как народа государствообразующего, имеются черты, которые напрямую способствуют национальной интеграции: доброта, общительность, гостеприимство, терпимость к представителям других народов и религий, хотя существуют особенности, которые ведут к затруднениям: стремление к уравнительности, слабость демократических традиций, нетерпимость к чужому успеху. Большое значение для национальной интеграции имеет также такая особенность русского народа, как способность общаться на равных с представителями различных по культуре и вере народами и объединяться с ними в деятельности. Реализуя национальную интеграцию, следует учитывать различия в менталитете русского народа и иных народов, с которыми русские взаимодействуют.

Например, с точки зрения государственного управления ценными качествами: трудолюбием и выносливостью обладают народы Севера и Сибири, работоспособность и настойчивость у большинства народов Поволжья, самостоятельность и стремление к лидерству народов Северного Кавказа.

На межличностном уровне взаимодействия эти черты могут быть восприняты русскими как угроза их собственной конкурентоспособности. Необходимо также учитывать различия, которые вносятся в ментальность за счет конфессиональной принадлежности.

На современном этапе развития русским, по мнению М.О. Мнацаканяна, необходимо принять новый подход к российской государственности, которая, оставаясь национальной русской, становится государственно-политической формой управления многонациональным народом. Пред-

ставителям же других народов, проживающих на территории современной России, требуется осознать значимость совместной жизни и сотрудничества с русскими на благо общего развития. Путь к этому лежит через формирование у всех народов, населяющих Россию, общероссийского гражданского самосознания [6, с. 329–331]. Попадание страны в глубокий социальный и экономический кризис может при определенных условиях привести к резкому недовольству народных масс и формированию потребности «сильной руки», которая сможет быстро разрешить проблемы страны и поднять на более высокий уровень условия жизни населения. От такого положения один шаг до смены демократической власти.

Единственной альтернативой в подобном случае может быть появление в стране сильного национального лидера, который твердо стоит на демократических позициях и способный вести за собой всю нацию. Такой лидер будет согласовывать интересы государства с личными и групповыми интересами, которые созревают в обществе.

Также целесообразно было бы делать акцент на тех общественных сферах, где будут совпадать интересы представителей различных этносов, что в свою очередь может облегчить подход к формулированию сбалансированной системы целей, которую власть будет предлагать населению.

В качестве практической реализации при решении проблем национальной интеграции нами предлагается создание в стране Федеральной службы национальной интеграции Российской Федерации.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? Фонд «Либеральная миссия». 3-е издание, исправленное и дополненное. М.: Новое издательство, 2013. 492 с.

2. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века; Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 541 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 205 с.
4. Козлова Л.А., Сикевич З.В. Национальное самосознание русских: Социологический очерк: учебное пособие // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 264—266.
5. Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Ключ, 1990. Кн. 2. 90 с.
6. Мнацаканян М.О. Культуры. Этноты. Нации: размышления об истоках и природе национальной общности / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2005. 349 с.
7. Сикевич З.В. Русские «образ народа» (социальный очерк) / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Изд-во С.-Петер. ун-та, 1996. 152 с.

СЕКЦИЯ 6. ЮНОСТЬ КРАСНОЯРЬЯ

КАК ДЕКАБРИСТЫ ИЗМЕНИЛИ УКЛАД ЖИЗНИ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ

AS THE DECEMBERISTS HAVE CHANGED THE WAY OF LIFE IN THE YENISEI REGION

Д.Д. Гурьянова

Научный руководитель Э.А. Клименкова

Декабристы, ссылка, Сибирь, Красноярский край, деятельность декабристов, Енисейская губерния.

The Decembrists, exile, Siberia, the Krasnoyarsk territory, the activities of the Decembrists, the Yenisei province.

В статье предпринята попытка показать на примере нескольких декабристов, арестованных в результате восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., как в условиях ссылки им удалось поднять социально-экономический и культурный уровень в Сибири. Автор попытался раскрыть итоги их деятельности.

This article attempts to show by the example of several of the Decembrists who were arrested in result of the uprising on Senate square on 14 December 1825, both in terms of links they were able to raise the socio-economic and cultural level in Siberia. The author tried to reveal the results of their activities.

Утром 14 декабря 1825 г. состоялось декабристское восстание. Высочайшим манифестом от 1 июня 1826 г. был сформирован Верховный уголовный суд для суждения и вынесения приговора участникам мятежа. Всего в сибирскую ссылку было отправлено 124 человека. Большинство из них принадлежали дворянскому сословию. Ссылка декабристов должна была решить, по меньшей мере, две задачи:

во-первых, устрасить дворянство и удержать его в дальнейшем от похожих восстаний; во-вторых, изолировать «государственных преступников» от русского общества, не допуская их влияния на него.

События, произошедшие на Сенатской площади, оказали огромное влияние не только на историю России, но и отдельно на историю Красноярского края. Многие декабристы были отправлены в Енисейскую губернию, где продолжали вести свою деятельность, несмотря на все суровые испытания.

Цель нашей работы – узнать, какие нововведения принесли за собой декабристы в жизнь Енисейской губернии.

Актуальность декабризма для Сибири не нуждается в развернутом обосновании. Декабристы – ученые, философы и деятели искусств. Каждый из них оставил глубокий след в истории нашего края и должен быть известен каждому школьнику.

Декабристы придавали большое значение трудовому воспитанию учащихся. Они пытались расширить уровень общеобразовательной подготовки по сравнению с правительственными школами. То, что декабристы вводили в своей учебно-воспитательной работе, нашло дальнейшее отражение в советской педагогической практике, и смогло дойти до наших дней. Они первые приступили к созданию публичных библиотек, которых раньше не существовало. Декабристы почти с нуля смогли поднять социально-экономический и культурный уровень Сибири.

Отправка декабристов в Сибирь началась в июле 1826 г. К середине 1830 г. закончилось строительство новой тюрьмы для декабристов в Петровском Заводе, начавшееся в середине 1827 г. Здесь получили дальнейшее развитие Большая и Малая артели и знаменитая «Каторжная академия», где читались лекции и рефераты по самым разным отраслям знаний, в силу их высокого качества образования: препода-

валась физика, химия и анатомия, математика, астрономия, русская словесность, отечественная и мировая история.

Многое сделали декабристы и для изучения Сибири. В.К. Тизенгаузен, И.Д. Якушкин, С.П. Трубецкой, П.А. Муханов в течение нескольких лет вели метеорологические наблюдения; братья Борисовы исследовали сибирскую флору и фауну; статистическим описанием Ялуторовска и Ишима занимались М.И. Муравьев-Апостол и В.И. Штейнгейль; сведения экономического характера собирали Н.В. Басаргин, Д.И. Завалишин, Г.С. Батеньков; сбор этнографических и фольклорных материалов вели А.А. и Н.А. Бестужевы, В.К. Кюхельбекер. Искренне желая, чтобы эти новые знания принесли пользу отечеству, декабристы посылали свои отчеты в научные и периодические издания (после 1845 было разрешено печатать их произведения, но под псевдонимами или анонимно), предоставляли материалы участникам различных экспедиций, посещавших Сибирь, оказывали содействие сотрудам ревизий Н.Н. Анненкова и И.Н. Толстого.

Декабристы высоко оценивали экономический потенциал Сибири. Во многих работах рассматривались пути превращения этого отдаленного, отсталого края в экономически развитую, политически и административно равноправную часть Российского государства. По их мнению, для этого в Сибири имелись все условия: отсутствие крепостного права, благодаря чему основной социальный слой – крестьяне были более свободны, предприимчивы и самостоятельны в своей деятельности, чем в европейской части страны; большие запасы природных ресурсов для развития сельского хозяйства и промышленности. Но для реализации данного потенциала правительство должно было признать право на частную земельную собственность, изменить форму налогообложения, развивать кредитно-банковскую систему, ориентированную на поддержку крестьянского (фермерского) хозяйства и обрабатывающей промышленности, способ-

ствовать созданию общесибирской транспортной системы, включающей речное судоходство, шоссейные дороги и железные дороги.

Ссылные декабристы сделали много научных открытий. Николай Бестужев первый обнаружил залежи каменного угля в Забайкалье и написал об этом очерк «Гусиное озеро», опубликованный в журнале «Вестник исторических наук» без подписи автора. Разработка угля там началась лишь в советские годы. О практической пользе, принесенной ими в хозяйство сибиряков, говорили многое: они совершенствовали земледельческие орудия, по новейшим руководствам обрабатывали землю, борясь не только с местным нелегким климатом, но и нелепыми распоряжениями правительства.

Они писали о подземных кладах Сибири, ей предопределяли декабристы высокую роль в будущем России. Они учили народы Сибири сеять хлеб, впервые в Восточной Сибири начали выращивать овощи, применять удобрения, строить механические молотки, изучали особенности климата, открыли первую службу погоды в Сибири.

М.Ф. Митьков увлекался точными науками, оборудовал у себя механическую мастерскую и метеорологическую площадку. Начиная с 1833 г. он более десяти лет вел специальные наблюдения за погодой. Обработанные и опубликованные в 1864 г. академиком А.Я. Купфером измерения декабриста вошли в состав многих выдающихся исследований ученых нашей страны. Подлинные журналы с его наблюдениями хранятся в Красноярском краеведческом музее.

Под Красноярском в селе Дрокино на помощь крестьянам в деле улучшения и усовершенствования орудий труда приходит М.М. Спиридов. Он не только усовершенствует земледельческие орудия, принятые в Енисейской губернии, но prepares новые, «здесь неупотребительные, но необходимые для разрыхления и углаживания пашен». Его маленькое образцовое хозяйство служило школой для мест-

ных крестьян, особенно широкой популярностью пользовался сорт картофеля, выведенный декабристом и названный крестьянами «спиридовкой».

В.Л. Давыдов со своей женой, желая дать хорошее образование своим детям, создал домашнюю школу, в которой учились и дети друзей. Часто в доме Давыдовых собирались друзья-декабристы, образованные чиновники, студенты. К услугам гостей был клавесин Александры Ивановны, великолепная библиотека. Звучала музыка, читались стихи, ставились театральные инсценировки. Обладая литературным дарованием, Давыдов писал стихи, в которых преобладали политические и гражданские мотивы.

Вся деятельность декабристов была направлена на поднятие социально-экономического и культурного уровня не только в Красноярском крае, но и в самом городе. В своих письмах и произведениях, написанных во время ссылки в Сибирь, декабристы поднимали актуальные вопросы современной им эпохи – вопросы развития народного образования, здравоохранения, подъема общего уровня культуры народных масс, продуманного освоения огромных пространств и несметных богатств сибирского края, распространения и утверждения передовых приемов хозяйствования. Декабристы смогли бы сделать гораздо больше значимых вещей для развития Сибири, если бы им не мешало давление со стороны царских властей, которые осуществляли жесткий контроль над деятельностью ссыльных.

Декабристы всегда считали Сибирь неотделимой частью России. В своих суждениях о далекой восточной окраине они опирались на распространенное тогда в русском обществе представление о Сибири как суровом крае изгнания, население которого находится на чрезвычайно низком уровне экономического, культурного и нравственного развития. Поэтому в качестве основных программных задач по отношению к Сибири декабристы выдвинули демократизацию управле-

ния, подъем экономического благосостояния «восточных сибирских народов» и способствование «к смягчению суровых нравов и введению просвещения и образованности».

Библиографический список

1. Быконя Г.Ф. Документы и материалы XVII – первая половина XIX века. Красноярск: Офсет, 2000.
2. Давыдова Н. Полгода в заключении (дневник 1920–1921 гг.). // URL: <http://www.rulit.me/books/polgodov-v-zaklyucheniidnevnik-1920-1921-godov-read-47590-1.html>
3. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. М.: Наука, 1979.
4. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001.
5. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. М.: Книга по требованию, 2011.
6. Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ЛАВРЕНТИЯ НИКИТИЧА ПРОХОРОВА

CIVIL FEAT OF LAWRENCE PROKHOROV

Д.В. Клапоцкий

Научный руководитель

учитель истории и обществознания О.Н. Свириденко

Великая Отечественная война, защитники Ленинграда, судьба героя.

The great Patriotic war, defenders of Leningrad, the fate of the hero.

Цель статьи – выяснить сведения о жизни и боевых заслугах педагога, защитника города Ленинграда в 1942–1943 гг. Прохорова Лаврентия Никитича.

The purpose of this article to find out information about the life and military achievements of the teacher, the protector of the city of Leningrad in 1942–43 years, Prokhorov Lawrence Nikitich.

Великая Отечественная война... Только три слова, но сколько трагедии, боли и героизма стоят за этими словами. Победы и проигранные бои ... Каким способом, какими средствами они были достигнуты? Сколько судеб и жизней перемолола кровавая мясорубка войны! Нет однозначного ответа. 9 мая в годовщину Победы мы всегда приходим к обелискам павшим воинам, чтобы почтить память всех, кто не вернулся с войны. И как-то не задумываемся, а где и в каких воинских частях они сражались, когда и как погибли, где их могилы? На все эти вопросы необходимо ответить, чтобы понять, кто такой патриот, защитник и достойный гражданин своей Родины.

В Абанской основной общеобразовательной школе № 1 Красноярского края в течение нескольких лет ведется работа по изучению жизни и подвигов земляков. Так, собирая информацию по теме «Судьба солдата Прохорова Кузьмы Никитовича и “белые пятна” в истории Абанского района», выяснилось, что в книгах памяти имеется много фактических ошибок. В сведениях о старшем брате Кузьмы Никитовича – учителе в довоенный период, солдате Прохорове Лаврентии Никитовиче (Никитиче) нет даты рождения, ошибочно указано и место захоронения земляка. На форуме Вахта памяти сайта «Социальная сеть работников образования» (куратор М.С. Яковлева, Ленинградская область) есть сведения, что последним местом службы Прохорова Лаврентия Никитича указывается 63 Гвардейская стрелковая дивизия [далее – 63 Гв. СД] (позднее Красносельская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия). Эта дивизия оказала большую помощь во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г., а во время прорыва блокады 13 февраля 1943 г. погиб Л.Н. Прохоров.

Для того чтобы собрать сведения о жизни и боевых заслугах педагога, защитника города Ленинграда в 1942–1943 гг.

Прохорова Лаврентия Никитича были записаны воспоминания родственников: его сестры – Прохоровой Марии Никитичны 1915 г.р. (записано со слов ее дочери Свириденко [Прохоровой] Альбины Михайловны 1955 г.р. ее сыном Свириденко Олегом Николаевичем). Прохорова Виктор Лаврентьевича 1933 г.р. (сына), исследованы материалы архива Абанского РВК, муниципального архива Абанского района, Абанского районного управления образования (далее – РУО), сделаны письменные запросы в Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации (г. Подольск Московской области), в филиал Центрального Архива Военно-Медицинских документов (Санкт-Петербург), архив Иланского РВК Красноярского края. Документы Центрального Архива Министерства Обороны РФ (сайт «Память народа», «Мемориал»).

Таким образом, были установлены подлинные сведения земляка Л.Н. Прохорова, призванного из Абанского района Красноярского края во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Молодые годы. В семье Агриппины и Никиты Прохоровых родился первенец мальчик Лаврентий. Будет в этой семье еще восемь детей, но Лаврен отличался от всех внешним видом. Он был похож на своего отца: единственный в семье имел голубые глаза, светло-русые волосы. А когда пошел в школу, то удивил всю деревню: В год оканчивал по два класса [1].

Лаврентий Никитич родился в 18... году (документы утеряны) в трудолюбивой семье крестьян середняков.. По данным, полученным из Иланского РВК «Прохоров Лавр. Ник. 1898 г. р. [2]. Местом рождения была Белоруссия, Могилевская губерния, Горецкий уезд, хутор около деревни Буды. В семье Прохоровых было 9 детей: 3 девочки: Ховра, Ходора (умерли в детстве) и Марьяна (Мария); 6 мальчиков: Лаврен (Лаврентий), Кирила (Кирилл), Авсигней (Сергей), Гаврила

(Гавриил), Кузьма и Валентин (сирота, который умер в детстве). Семья Прохоровых проживала на хуторе, который она получила во время выделения наделов после Столыпинской реформы. По воспоминаниям сестры Марии: «Семья жила в достатке – так как было большое хозяйство (лошади, коровы, овцы, птица, огород, сад и все в семье работали). Семья состояла в основном из мужчин, а на каждого сына власти выделяли земельный надел. Мать Лаврентия – Агриппина (Гриппина) была женщиной боевой и деловой, поэтому семья Прохоровых получила хорошие земли. В семье все мужчины были грамотными. Сестра Мария осталась неграмотной из-за того, что во время посещения школы испугалась учительницы, у которой были туфли на каблуках, убежала из школы». Мать решила: «Зачем девке грамота, лишь бы умела прясть и шить, управляться по дому». Повторно уже Марию в школу не отправляли. Она помогала по дому. Из детских воспоминаний сестры Марии: «После отца и матери, все в семье, включая родителей, слушали Лаврена и уважали его мнение, так как у родителей было старинное воспитание, а в дверь стучалась революция. Лаврентий учился очень хорошо до нового года один класс, а после другой. Во время каникул мать давала много вкусной крестьянской еды исхудавшему за период учебы сыну». По словам родных, Лаврентий окончил семилетку, а потом его перевели учиться и работать в Минск, а потом в Москву. По воспоминаниям сестры: «Он служил в Москве у военных в качестве «вольнонаемного. Из Москвы он каждый год привозил огромный сундук с подарками для всей семьи». По традиции родители сосватали красивую, с богатым приданным невесту и поселили ее дома.

Во время гражданской войны Прохоров Лаврентий Никитич проходил службу в Могилевском отдельном пехотном батальоне отдельного корпуса войск ВЧК при Горецкой уездной ЧК, Могилевской губернии в должности красноар-

мейца [3]. Это не спасло семью, и по продразверстке все хозяйство отняли (сумели утаить молодую телочку).

Семья Прохоровых переехала из Белоруссии в Енисейскую губернию и поселилась в д. Соколовка (Половинка) Иланского района. Лаврентий, по воспоминаниям сестры: «Мог договориться со всеми, по любому вопросу». В волостном селе Устьянск, по его просьбе, на всю семью выписали документы (метрики), в которых поменяли белорусскую фамилию Прохоренко на сибирскую фамилию Прохоровых. Семья Прохоровых поселилась, по инициативе Лаврентия, в д. Слобода Устьянского сельсовета [3].

Во время кампании по «ликвидации безграмотности» по направлению райкома коммунистической партии большевиков Лаврентий Никитич стал работать учителем. После окончания курсов учителей Лаврентий Никитич работал учителем начальных классов на заимке Заготскот. Позже Лаврентий Никитич стал работать в деревне Слобода (Устьянского сельсовета), далее по решению Абанского районного отдела народного образования (РОНО) его переводят в Ново-Успенскую НСШ Абанского района. Приказом № 157 от 31 декабря 1935 г. по Абанскому РОНО есть следующая запись: «Назначить вторым учителем в Ново-Успенскую НСШ Прохорова А. [Л, возможно ошибка]. Н. ... отозванного из дер. Слобода» [4]. После Лаврентия Никитича перевели работать учителем и директором в д. Пушкино Долгомостовского района (до 1942). По воспоминаниям сына Виктора (1933 г.р.): «Мы жили в деревне Пушкино в деревянной школе, где была отгорожена квартира для нашей семьи. Во время каникул (отпуска) отец торговал в магазине, поэтому семья ни в чем не нуждалась, были запасы мыла, тканей и т.д. Когда началась война, отец имел «бронь» как учитель. В семье Лаврентия Никитича было пятеро детей: Анна, Ульяна, Мария, Георгий и Виктор» [5].

Наступил 1942 г., шли решающие бои за независимость нашей Родины около Москвы и Ленинграда. Лаврентий Никитич как честный коммунист ушел на фронт добровольцем [7]. По архивным данным ЦАМО РФ, опубликованным на сайте «Подвиг народа», выяснилось, что Лаврентий Никитич проходил службу в 63 Гв. СД (по штампу на похоронке указывается 70 медсанбат 63 Гв.СД) и в 14 стрелковом полку 72 стрелковой дивизии. 14 стрелковый полк (по медицинским данным на Л.Н. Прохорова) входил в состав 72 стрелковой дивизии (позднее Павловской Краснознаменной орденна Суворова II степени стрелковой дивизии), которая воевала и поддерживала 63 Гвардейскую стрелковую дивизию с правого фланга в феврале 1943 г. Боевой путь подразделения и архивные документы позволяют утверждать, что Лаврентий Никитич был участником военно-стратегических операций: «Искра», «Красноборской (Тосненско-Мгинской)».

Сержант Прохоров Лаврентий Никитич находился на излечении в 70 отдельном медсанбате 63 Гв. СД. Согласно полученной архивной справке из филиала Центрального Архива военно-медицинских документов г. Санкт-Петербурга, умер от ран 13 февраля 1943 г. во время прорыва блокады Ленинграда. Причиной смерти послужило открытое сквозное пулевой ранение левой половины грудной клетки с повреждением 9–10 ребер, проникающее в грудную и брюшную полости; открытый пневмоторокс [3]. В извещении о смерти говорится: «Умер от ран 13 февраля 1943 г., захоронен в братской могиле в п. Усть-Ижора Слуцкого района Ленинградской области» [1].

Нами были обнаружены ошибочные сведения из книги памяти, посвященной советским воинам, призванным Абанским РВК. Местом гибели Прохорова Лаврентия Никитича в т. 2 указывается: Белоруссия, Минская область, Слуцкий район, п. Усть-Итера. После сравнения с данными из изве-

щения о смерти Л.Н. Прохорова мы выяснили ошибку (считать верной запись: п. Усть-Ижора Слуцкого (Павловско-го) района Ленинградской области, Россия (сейчас регион: Санкт-Петербург. Колпинский район).

Смерть Прохорова Лаврентия Никитича оказалась не напрасной. 27 января в 1944 г. город Ленинград сумел полностью освободиться от блокады, а Советский Союз победил в Великой Отечественной войне 9 мая 1945 г. Родственники Лаврентия Никитича свято хранят о нем все сведения, продолжают семейную традицию по поиску основных фактов из его жизни, работают в архивах. Внук Короленко Юрий Петрович, выпускник юридического факультета Красноярского госуниверситета (1981), долгое время возглавлял ГАИ УВД г. Канска, на пенсии работал главным специалистом Отдела по защите прав потребителей администрации г. Канска. Дочь Короленко Анжела Юрьевна стояла у истоков Канского педколледжа – работала заместителем директора по учебно-воспитательной работе, деканом филологического факультета. В настоящее время они проживают в Москве. Наше исследование используется на уроках истории, краеведения и классных часах, посвященных участию наших земляков в ВОВ. Сделанные нами уточнения использованы при редакции Книги памяти павшим воинам Красной армии, призванным Абанским РВК Красноярского края, при формировании базы данных Бессмертного полка Абанского района.

Источники

1. Материалы Центрального Архива Министерства Обороны и ФСБ РФ.
2. Сайт: Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/>
3. Сайт: Мемориал. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/index.html>
4. Сайт: Солдат. Ру. URL: <http://www.soldat.ru/>

5. Центральный Архив ФСБ Российской Федерации. Письменный ответ на запрос Свириденко Олега Николаевича в Центральный Архив ФСБ России, № 10/ А/ С – 79 от 01. 02. 2017 г.
6. Центральный Архив военно-медицинских документов г. Санкт-Петербург. Архивная справка из Центрального Архива военно-медицинских документов № 6/4/0 205 от 16. 03. 2017 г.
7. Архив Абанского РВК. Извещение о смерти сержанта Прохорова Лаврентия Никитича от 03. 05. 1943 г.
8. Архив Иланского РВК. Письменный ответ на запрос Свириденко Олега Николаевича в Иланский РВК, исх. № 1888 от 08.11.2016 г.
9. Архив Абанского РОНО. Приказ о приеме на работу Прохорова А [Л]. Н. № 157 от 31 декабря 1935 года по Абанскому РОНО.

Библиографический список

1. Воспоминания Прохоровой Альбины Михайловны (племянницы Прохорова Лаврентия Никитича). 1955 г.р., п. Абан, ул. 40 лет Победы, д. 18, кв. 1 (дата обращения: 26.11.2016).
2. Воспоминания Прохоровой Альбины Михайловны (племянницы Прохорова Лаврентия Никитича). 1955 г.р., п. Абан, ул. 40 лет Победы, д. 18, кв. 1 (дата обращения: 26.11.2016).
3. Воспоминания Прохоровой Альбины Михайловны (племянницы Прохорова Лаврентия Никитича). 1955 г.р., п. Абан, ул. 40 лет Победы, д. 18, кв. 1. (дата обращения: 26.11.2016).
4. Воспоминания Прохорова Виктора Лаврентьевича (сына Прохорова Лаврентия Никитича). 1933 г.р., умер и захоронен в 2013 году на городском кладбище г. Канска (дата обращения: 26.07.2012).
5. Воспоминания Прохоровой Альбины Михайловны (племянницы Прохорова Лаврентия Никитича). 1955 г.р., п. Абан, ул. 40 лет Победы, д. 18, кв. 1 (дата обращения: 26.11.2016).
6. Книга памяти. Красноярский край. Абанский район. Т. 2. С. 68.
7. Герои войны. Сержант Прохоров Лаврентий Никитич [Электронный ресурс] // Сайт Память Народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie87766238/ (дата обращения: 27.02.2016).

ЗНАЧЕНИЕ УЛИЦЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ В ИСТОРИИ ГОРОДА

THE VALUE KOMSOMOLSKAYA STREET IN THE CITY'S HISTORY

Д.С. Нюд

Научный руководитель
педагог дополнительного образования
МБУ ДОЦ «Витязь», г. Зеленогорск М.О. Чернова

*Улица, Комсомольская, социально-культурные объекты, перво-
строители города.*

Street Komsomol, socio-cultural facilities, the first builders of the city.

В статье рассматривается историческое значение улицы Комсомольской в становлении и развитии города Зеленогорска.

The article discusses the historical significance of the street Komsomol in the formation and development of the city of Zelenogorsk.

В 2016 г. город Зеленогорск (Красноярск-45) отметил свое 60-летие. К настоящему времени выпущено свыше десятка монографий таких авторов, как Нина Шалыгина, Геннадий и Людмила Волобуевы, Лидия Локотош, Георгий Листвин и Александр Шавкун, повествующих об истории ЗАТО [Волобуева, 2008, с. 67].

Об истории населенных пунктов могут многое поведать и улицы. Одной из первых улиц Зеленогорска является улица Комсомольская (ранее – Нагорная). Хотя и носит она гордое имя молодых строителей города, но дома на ней на самом деле возводили заключенные. Собранная по архивным материалам и литературным изданиям информация о Комсомольской позволяет выделить три основных периода ее развития:

1956–1975 гг. – активная фаза развития, расцвет улицы как ведущей в инфраструктуре города;

1976–1990 гг. – ослабление роли как ведущей улицы;

1991–2010 гг. – улица среди городских улиц.

31 июля 1959 г. Комсомольская была переименована из улицы Нагорной (МАГЗ. ПР.3.от 31.07.1959). В обустройство улицы внесли вклад, как солдаты, так и заключенные [3, с. 121].

В табл. показана хронология строительства основных объектов улицы в период с 1956 по 1975 г.

Таблица

Объекты на улице Комсомольской в 1956–1975 гг.

Год	Объект
1956	Закладка первого дома
1956	Первые двухквартирные деревянные дома
1959	Городская библиотека
1961	Музыкальная школа
1961	Городская баня
1963	Родильный дом
1963	Благоустройство I очереди больничного городка
1964	Стадион с трибунами
1964	Инфекционные корпуса больничного городка
1965	Магазин «Березка»
1966	Закладка Памятного камня
1969	Большая музыкальная школа
1969	Аттракционы
1971	Детский соматический корпус
1972	Дворец пионеров
1972	Танцплощадка

Так, первым делом на главной улице города строились жилые дома. 18 июля 1956 г. состоялась торжественная закладка фундамента первого жилого двухэтажного деревянного дома по улице Нагорной, 40 (ныне – Комсомольской, 40). Дом был рассчитан на 8 квартир. Закладку дома производил начальник СМУ-3 А. Чебордаков. Он же участвовал в строительстве домов № 4, 6, 8, а также на улице Набережной, 1. Первое семейное жилье было сдано в 1960 г. на улице Комсомольской, д. 14А, кв. 7 [2].

В 1960-е и 1970-е гг. активно строились на улице социально-культурные объекты. Среди них: библиотека, музыкальная школа, Дворец пионеров, родильный дом, городская баня, спортивный стадион «Труд». Для горожан были открыты танцплощадка, городская площадка и аттракционы.

Первые исторические объекты города также были основаны на улице Комсомольской. Это закладка Камня основания города, установленного на стыке двух улиц Комсомольская – Набережная. Памятник является визитной карточкой города и символизирует его рождение. 7 ноября 1973 г. у здания Дворца пионеров торжественно открыт бюст советскому детскому писателю Аркадию Гайдару.

С улицей Комсомольской в этот период связано проведение традиционных мероприятий, которые соответствовали идеологии советской страны. Так, участок улицы Комсомольской был задействован в Первомайских и ноябрьских демонстрациях вплоть до 1963 г. Первые апрельские субботники в 1960-е гг. тоже проходили на улице Комсомольской.

Но были и традиции, сложившиеся исключительно в городе. Улица Комсомольская в 1960-е гг. стала своеобразным центром молодежных движений. Именно с этой улицы начинался «Зеленогорский Бродвей», по которому летними вечерами от Дворца пионеров вдоль по улице прогуливалась молодежь.

Улица была популярна еще благодаря танцплощадке, расположенной на горе, на месте современной детской поликлиники. Старшее поколение помнит и «Аллею любви», которая появилась в 1970-е гг. (участок улицы от Дворца пионеров до Набережной). Несомненно улица Комсомольская, общая протяженность которой составляет 2,45 км, в первые десятилетия становления Красноярска-45 являлась его ведущей улицей, занимая особое место в городской инфраструктуре, была центром культурных и исторических событий.

В период 1976–1990 гг. улица продолжает развиваться. На ней проходят традиционные советские мероприятия. На площади Дворца пионеров два раза в год проходили пионерские слеты, лучших ребят принимали в пионеры. В здании Дворца пионеров проводились исторические встречи со знаменитыми людьми города, края, страны.

В месте размещения аттракционов в 1976 г. был создан городской парк культуры и отдыха. В конце 1970-х гг. в парке возведены деревянные сказочные теремки, украшавшие новогодние праздники. В этот период строящихся объектов на Комсомольской значительно меньше. Больничный городок расширился за счет отделения хирургии. Визит в город чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова в марте 1985 г. был приурочен к открытию шахматного клуба «Камисса». В 1981 г. создан музей истории города. Музей занимался поиском материалов об истории деревень, на месте которых построен Красноярск-45.

Танцплощадка на горе Комсомольской прекращает свою деятельность, теперь эту территорию занимает детская поликлиника. «Зеленогорский Бродвей» и «Аллея любви» уже не востребованы подрастающим поколением. В то же время в городе активно застраиваются улицы Мира, Ленина, Набережная, Бортникова, а Комсомольская с середины 1970-х гг. постепенно теряет свое ведущее положение в инфраструктуре города, и внимание к ней властей и горожан постепенно ослабевает.

После распада СССР с начала 1990-х гг. жизнь в городе изменилась. Исчезло пионерское движение, распался комсомол. Митинги и демонстрации не носили массовый характер, прекратились пионерские слеты и зарницы на Комсомольской.

На улице Комсомольской в эти годы происходят следующие изменения:

– фонд музея истории города переезжает в новое помещение по улице Набережная. В доме бывшего музея с 1992 г.

создан церковный приход Святого Преподобного Серафима Саровского;

– Дворец пионеров в 1994 г. переименован в Дворец детского творчества;

– в середине 2000-х аттракционы и парк отдыха прекращают свою деятельность.

Так, улица Комсомольская в период с 1991 по 2005 г. «теряет» ряд общественно значимых объектов, перестает быть объединяющим местом для горожан, не проводятся массовые мероприятия. Центр культурных и иных событий смещен теперь на другие улицы, современные жилые дома, здания и учреждения, а также памятники устанавливаются на других частях города. Поэтому Комсомольская, наравне с другими, занимает место в ряде городских улиц, не привлекая к себе особого внимания горожан и гостей Зеленогорска. Жители города по-разному относятся к этим переменам: одни приветствуют, другие осуждают. Приятно, когда город расширяется, появляются новые жилые кварталы, строятся детские сады, спортивные комплексы, торговые и развлекательные центры. Но город должен привлекать не только новостройками-новодолами, но и очень бережным отношением к тому, что когда-то, много десятилетий назад создали наши деды и прадеды, чтобы в городе угадывалась преемственность традиций многих поколений, чтобы наши потомки гордились нами, сумевшими сохранить душу города. Представленные материалы могут стать отправной точкой для дальнейших исследований, таких как «Известные люди, проживающие на моей улице», «Старожилы моей улицы» и др. С изучения истории улицы Комсомольской можно продолжить работу, собрав материал о других улицах нашего города, шире привлекая архивные данные, воспоминания людей, живущих на этих улицах.

Список сокращений

1. Муниципальный архив города Зеленогорска (МАГЗ).

Библиографический список

1. Волобуева Л.М. Усть-Барга – Зеленогорск. Красноярск: Буква, 2008.
2. Козлов С.А. Интервью 17 октября 2015 г.
3. Шалыгина Н.А. Город мечты. Красноярск: Офсет. Книга 2: Листая времени страницы, 2001.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОД ДИЗАЙНА КОНФЕТНЫХ ОБЕРТОК В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

THE HISTORICAL-CULTURAL CODE DESIGN CANDY WRAPPERS IN THE PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIODS

Д.А. Роголева

Научный руководитель

педагог дополнительного образования

МБУ ДОЦ «Витязь», г. Зеленогорск М.О. Чернова

Дизайн, код, культурный код, историко-культурный код, конфетная обертка, фантик, художественные стили в искусстве.

Design, code, cultural code, cultural code, candy wrapper, candy wrapper, artistic styles in art.

В статье рассматривается историко-культурное значение конфетных оберток конца XIX–XX вв. Даются различные трактовки понятий «дизайн», «фантик», «обертка», «код», «историко-культурный код», приводятся примеры историко-культурного кода в дизайне. Перечисляются основные черты художественных стилей в живописи: реализм, модерн, русский стиль. Представляется авторское видение к анализу дизайна конфетных оберток дореволюционного и советского периодов. Обосновывается потребность усиления внимания к предметам повседневности, отражающихся во многих сферах и воспринимающиеся людьми с точки зрения эстетики, интеллекта, духовности.

The article discusses the historical and cultural significance of candy wrappers of the late XIX–XX century. Are different interpretations of the concepts of «design», «wrapper», «wrapper», «code», «historical-cultural code», examples of historical and cultural code in the design. Lists the main characteristics of artistic styles in painting: realism, modern, Russian style. It seems the author's vision to the design analysis of candy wrappers pre-revolutionary and Soviet periods. Substantiates the need for greater attention to the subjects of everyday life, reflected in many fields and seen people from the point of view of aesthetics, intellect, spirituality.

Конфетный фантик изобрел Томас Эдисон, тот самый, который создал печатную машинку, фонограф, электросчетчик и кинокамеру и многое другое. Если заглянуть в историю фантика, собирать фантики – не такое уже пустое и бесполезное дело. У конфетных оберток своя история, каждая этикетка – своеобразный исторический документ, который многое может нам рассказать. Фантик – это визитная карточка своего времени.

Известные и малоизвестные художники, работающие над оформлением конфетных оберток, часто представляли в искусстве какое-либо течение. Так, Михаил Врубель и Александр Бенуа писали картины в стиле модерн, творчеству Виктора Васнецова и Ивана Билибина характерны черты русского стиля; Виктор Васнецов и Александр Андреев представляли также реализм.

Предметом нашего исследования стали конфетные обертки XIX–XX вв. На сайте историко-культурного общества «Московские древности» нами было отобрано около 100 фантиков [1]. Тематически их можно разбить на «Историю», «Архитектуру», «Быт и повседневность», «Портрет», «Зоологию», «Сказки», «Детство», «Пейзаж».

Хронологически они закреплены за такими историческими периодами:

– дореволюционное время (1870–1917);

- постреволюционное время (1918–1934);
- советское время (1934–1991).

Анализ художественного оформления фантиков каждого периода показал, что в них преобладает эстетическое начало, разнообразие сюжетов, в том числе на событийные темы.

Сюжеты на историческую тему наиболее распространены в дореволюционное и постреволюционное время. К примеру, в конце XIX в. на шоколадных конфетах «1812 год» изображен гордый Наполеон, задумчивый император на коне и его отступающая армия. Так на упаковках кондитерских изделий «отмечалось» 100-летие победы над французами в Отечественной войне 1812 г.

После Октябрьской революции на фантиках конфет серии «Красноармейская звезда» фабрики «Красный октябрь» изображались красноармейцы со штыками и звездой на булденновке, что символизировало борьбу со старым миром и освобождение всех трудящихся [3].

В советский период реже встречаются упаковки на историческую тему. После события 12 апреля 1961 г. тема космоса запечатлена дизайнерами и на обертках шоколада детского. Такие изображения говорят об исторической ценности конфетных фантиков.

Сюжеты фантиков выполняли и большую просветительскую функцию. К примеру, в 1910 г. Россия отмечала 100-летие со дня рождения русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Это событие нашло отражение в дизайне фантиков. Для этого времени характерно отражение дореволюционной архитектуры Москвы, памятников культуры, некоторые из которых остались уже в прошлом [4]. В советское время познавательную функцию выполняли фантики с изображением животных, птиц, сюжетов по мотивам сказок А.С. Пушкина.

В постреволюционное время был популярен жанр портрет с изображением вождей революции, декабристов, геро-

ев того времени. Фабрика «Большевик», например, выпускает карамель «Ильич» с портретом Владимира Ильича Ленина. Что, конечно же, придавало оберткам конфет и политизированный оттенок. Такие памятные знаки-образы, сюжетность и событийность выражались в художественных направлениях модерн и русском стиле – в дореволюционный период, в реализме со стилевыми течениями модерна – в постреволюционные годы и в соцреализме – в эпоху Советского Союза. Все они определяли черты того или иного времени.

На конфетных обертках есть и другие знаки историко-культурного кода, которые выражены этими направлениями: стилизованные растительные орнаменты, естественные линии, сочность красок, декоративные элементы, все это подчеркивает сюжетно-тематическую общность в оформлении стиля модерна, очень модного в конце XIX – начале XX вв. Для русского стиля характерны также: фольклорные мотивы, изображения быта крестьянской жизни, русского пейзажа, сказочных персонажей, наличие декоративных элементов, деталей архитектуры.

Для реализма XX в. характерны тенденция к упрощению сюжетов, применение фантиков как средства агитации и пропаганды, доминирование красного цвета как символа революции, типизация образов: заря – символ новой, справедливой жизни, а всадник – несущий освобождение трудящимся всего мира; прямые геометрические силуэты, индустриальные трубы и дым также символизировали силу и прогресс.

Социалистический реализм как ведущее направление советской эпохи отличался консерватизмом, использовал средства классического мирового искусства [2], но на материале советской идеологии. Так, через художественное оформление фантиков активно пропагандировались достоинства страны: спорт, цирк, интернациональная сплоченность.

С середины 1970-х гг., с приходом массовой культуры, проявляются минимализм, конструктивизм, когда «одежда» конфет оформляется очень просто, штампованными рисунками по всему полю фантика. Бессмысленные картинки и производственная эстетика – в этом и заключается историко-культурный код периода застоя советского времени.

Таким образом, стиль оформления фантиков XIX–XX вв. соответствовал общим тенденциям изобразительного искусства каждого периода: в дореволюционное время преобладали черты модерна и русского стиля, в советское время – направления реализма и соцреализма. Знаки художественного течения в дизайне конфетных упаковок наиболее точно передают дух и особенности исторической эпохи. Такими знаками служат тематика и сюжетность, памятные знаки-образы, жанровость, цвет, линии, орнаментальность, декоративность, воспитательная и просветительская функции. Обертки конфет XIX–XX вв. имеют художественную и историческую ценность, в этой связи их можно считать произведениями прикладного искусства.

Библиографический список

1. Виртуальный музей «Москва в артефактах» // Обертки кондитерские // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosantico.ru/> (дата обращения: 23.02.2016).
2. Мальцева В. Живопись художников соцреалистов // [Электронный ресурс]. URL: <http://22-91.ru/statya/zhivopis-khudozhnikov-socrealistov/> (дата обращения: 13.02.2017).
3. Серебряный век русского фантика // Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museumpereslavl.ru/> (дата обращения: 27.09.2016).
4. Уникальная коллекция русских фантиков / В. Кудрявцев // [Электронный ресурс]. URL: adme.ru / (дата обращения: 23.02.2016).

«ИЗ КИТАЯ В СИБИРЬ»

«FROM CHINA TO SIBERIA»

Е.Е. Савицкая, А.А. Хмара

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент И.Н. Ценюга

Сибирь, ссылка, репрессии, Абанский район, реабилитация, депортация, агрессия, СССР, политика, Кумай.

Siberia, exile, repressions, Aban district, rehabilitation, deportation, aggression, USSR, policy, China.

В работе рассматриваются истории двух семей – Нестеренко и Беляковых, на примере которых показана политика советского государства по отношению не только к советским гражданам, которые оказались в эмиграции в Китае, но и непосредственно к жителям этой страны, которые в результате определенного стечения обстоятельств оказывались на территории СССР. Основу работы составляют воспоминания самих участников этих событий и их родственников. На основе воспоминаний дается представление о сложной жизни репрессированных.

In the article the stories of two families – Nesterenko and Belyakovy are considered. The policy of the Soviet state against not only the Soviet citizens who have appeared in emigration in China, but also directly to residents of this country who as a result of a certain combination of circumstances appeared in the territory of the USSR is shown. The basis of work is made by the memoirs of participants of these events and their relatives. On the basis of memoirs the idea of difficult lives of political repression's victims is given.

На протяжении почти всего двадцатого века в нашей стране в значительном числе присутствовали китайские мигранты. Но китайская община практически никогда не воспринималась русскими в качестве органичной части российского общества. Не случайно проживавшие на территории России китайцы, как и представители других национальных

групп, подвергались различного рода репрессиям со стороны государства, в том числе и репрессиям политическим.

Актуальность работы обусловлена личным интересом, так как родственник автора работы был китайцем, имевшим статус «жертвы политических репрессий». В работе будет рассмотрена проблема политики советского государства по отношению к жителям и гражданам Китая на примере истории двух семей.

Начало формирования русской диаспоры в Китае было связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги. После поражения в русско-японской войне по решению Портсмутского мирного договора от 23 августа 1905 г. за Россией было оставлено право эксплуатации построенной ею КВЖД. В советское время весь обслуживающий дорогу персонал состоял из русских.

С победой советской власти репрессии в отношении китайцев не прекратились. Так как китайские мигранты в своем подавляющем большинстве не высказывали энтузиазма по поводу радикальных реформ, проводившихся в советской России, то и среди первых репрессированных новой властью их процент был очень высоким. Например, в «Первом красноярском концлагере» за время его существования в 1920–1922 гг. побывало около ста китайцев, что составило более 13 официально учтенных в Енисейской губернии китайских мигрантов. Первый китайский заключенный, некий Юй-фа, был переведен в Красноярск 11 июня 1920 г. из Ачинской тюрьмы. Но большинство китайцев были помещены в концлагерь по обвинению в «трудовом дезертирстве» на срок от 10 дней до нескольких месяцев [1].

В 2017 г. в одном из номеров Абанской районной газеты «Красное знамя» было опубликовано интервью с Подольяк Любовью Ивановной (в девичестве Нестеренко), жертвой политических репрессий, родившейся в Китае, и прожившей там 24 года [7, с. 2].

Семья Нестеренко попала в Китай в 1930 г., спасаясь от раскулачивания в период коллективизации. Любовь Ивановна родилась уже в Китае и о том, что произошло на родине, помнит со слов своей матери Екатерины Степановны. «Как рассказывала моя мама, все имущество семьи и дом конфисковали, дедушку, бабушку, ее с мужем выгнали на улицу. Не пожалели даже маленьких детей. У беременной мамы от горя отнялись ноги, так ее просто выбросили за ворота. Сказали: «ждите, утром за вами придут подводы и увезут вас на Соловки в ссылку. Но дед ждать не стал. У него был знакомый китаец, который пообещал помочь. Ночью вблизи озера Ханка моя семья перешла границу с Китаем. Шли по колено в воде с двумя маленькими детьми на руках, и маму, беременную мной, вели под руки» [7, с. 2]. Так семья Нестеренко оказалась в Маньчжурии. Таких беглых семей было немало. Они бежали из Сибири и Забайкалья по различным причинам, они получили даже от белых русских в Маньчжурии прозвище «тридцатники».

Семья Нестеренко поселилась в городе Мулин (у Любови Ивановны и ее дочери Галины в паспортах указано это место рождения) [3]. Семья в Китае прожила 24 года, русские держались друг друга. Сохраняли свои обычаи, традиции, передавали рассказы о прошлом времени своим детям, что помогло беженцам выжить в другом государстве. Русские жили компактно и сохранили русскую культуру.

Любовь Ивановна родилась через 2 недели после бегства от советской власти. Семья жила бедно, но, как рассказывала ее мать, помогли русские, работавшие на строительстве КВЖД: «По тем временам работавшие на железной дороге много зарабатывали, им платили золотом. Когда я родилась, меня даже не во что было завернуть. И местные русские много чего отдавали нам, не бросали, как говорится, своих в беде».

После событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в период Советско-японской войны августа 1945 г. подавляющее большинство русских эмигрантов в Маньчжурии встречало Красную армию как освободительницу. В литературе говорится о добровольном возвращении русских на историческую родину после освобождения в 1945 г. советскими войсками Маньчжурии от японцев [3, с. 270]. Однако для семьи Нестеренко настали трудные времена. Любовь Ивановна Подоляк описывает эти трагические для ее семьи события: «после победы СССР над Японией пришли русские, собрали всех трудоспособных мужчин и куда-то увезли» [6, с. 2]. Увезли и отца Любви Ивановны, о судьбе которого семья 60 лет ничего не знала. Уже в наше время внуки и правнуки сделали запрос в прокуратуру Приморского края и узнали, что в 1946 г. Иван Константинович Нестеренко был осужден специальной комиссией по 53 статье УК СССР на 7 лет. Умер в 1948 г. в лагере для заключенных в Кемеровской области от туберкулеза. Этот факт подтверждает, что русские эмигранты, жившие в Китае, подвергались аресту (репрессиям) на оккупированной советскими войсками территории Китая. Остальных членов семьи Нестеренко депортировали (наильственнно вывезли) из Китая в 1954 г. Семью Любви Ивановны с мужем и дочерью отправили на Урал, в Курганскую область. «В то время не спрашивали, кто, где хочет жить. Отправляли туда, куда считали нужным» – рассказывает Любовь Ивановна [4]. Только через пять лет им удалось узнать, что остальных родственников в 1954 г. отправили в Красноярский край. Семью сестры и мать поселили в совхоз, созданный на месте расформированной в 1953 г. Денисовской колонии. Любовь Ивановна с дочерью решила ехать за ними в деревню Денисовка Абанского района.

По сведениям краеведов, в Абанском районе жило около 50 репрессированных граждан Китая. Одним из них был прадед автора по материнской линии. Родился он в 1915 г.

в провинции Хэбэй недалеко от Шанхая. Его беды начались, когда в 1933 г. японцы захватили Северный Китай.

История прадеда значительно отличается от истории семьи Нестеренко. В 2007 г. Лю Сян Жин был последним репрессированным китайцем, жившим в нашем районе. Лю Сян Жин (в Абане его звали китаец Вася) перешел границу с СССР в районе города Благовещенск в 1933 г., спасаясь от зверств японцев, оккупировавших Маньчжурию, где он жил. Суд выдал справку с приговором: «10 лет с отработкой в концлагере без права переписки за незаконный переход границы и шпионаж». «...Ты идешь с поднятыми руками большие расстояния, а потом, когда подходишь ближе, на тебя наставляют оружие, неверный шаг или резкое движение – и сразу выстрел». Своему сыну прадедушка Вася потом признался, что они с другом даже не понимали, что границу переходили. Просто с таким же мальчишкой, убегая от японцев в очередную, организованную японцами облаву на китайцев, спрятались в зарослях камыша на берегу Амура, а потом пошли по льду в противоположную от выстрелов сторону. Беглецы обрадовались, когда их встретили пограничники, которые выдали им по булке хлеба, по селедке и отвели в вагон. Они не знали, что железнодорожный состав специально был сформирован для таких беглецов из Китая. В семейном архиве детей Лю Сян Жина мы нашли справку о его реабилитации от 22.12.92., выданную Военной прокуратурой Забайкальского военного округа, где указана другая дата (1940) осуждения его «за незаконный переход границы и шпионаж». Он рассказывал, что не поняли молодые китайцы даже, и что границу перешли, и что их уже осудили, и что уже везут в г. Ухта, где на реке Коми они будут работать на нефтедобывающих шахтах. Русскую речь не понимали. Поняли позже, что булка хлеба с селедкой – эта вся еда на всю дорогу [2]. После окончания основного срока заключения заклю-

ченному добавили еще 7 лет и отправили работать в соляных копиях в районе оз. Балхаш.

В 1949 г. закончился срок заключения, после чего Лю Сян Жин был направлен в Абанский район на лесозаготовки. На сплаве леса в 1951 г. китаец Вася познакомился с будущей женой Беляковой Юлией Никитичной, сестрой родной прабабушки автора, которые жили тогда в д. Лобазково. В 1956 г. уже с двумя детьми семьей Беляковых (дети носили фамилию матери) отправили жить на «китайскую заимку».

Китайской заимкой в 1950-е гг. называли 7 отделение колхоза им. Ленина потому, что там компактно селили ссыльных китайцев. В «Похозяйственной книге» с. Абан за 1955–1959 гг. Китайская заимка названа как Абанская улица, хотя она расположена в 2–3 километрах от Абана. В перечне жителей за 1957 г. семья Лю Сян Жина записана как Беляковы: хозяин записан «Василий – китаец», жена Юлия Игнатьевна и дети Сергей (1952), Любовь (1953) и Люта (1956) [2]. Благодаря агрономическим знаниям жителей Китайской заимки, колхоз Ленина получал большой доход. Старожилы вспоминают, что культура возделывания помидоров в Абанском районе прижилась благодаря китайцам. Они ранней весной начинали выращивать огурцы и помидоры, умели ухаживать за сельскохозяйственными культурами, были трудолюбивы. Обеспечивали население ранними урожаями.

В 1961 г. Беляковы семьей переехали в поселок Абан, купили маленький домик по адресу: ул. Набережная, 13. По рассказам деда Сергея и бабушки Любы, семья всегда жила огородом и домашним хозяйством. До 1969 г. их отец переписывался с двоюродной сестрой и двумя племянниками. После советско-китайского конфликта письма перестали приходить. Когда отец умер, дети не нашли те письма родственников. Видимо, отец сам уничтожил их, боясь, что это может повредить детям. Именно после 1969 г.

многие китайцы, жившие в Абане, отказались официально от китайского гражданства, и им выдали советские паспорта. Они тоже боялись репрессий со стороны советского государства за связь с китайскими родственниками. До этого прадед числился гражданином Китая. В новом паспорте у прадеда Васи стояла фамилия жены, китайское имя и не было отчества. В 1992 г. Лю Сян Жин (Василий Беляков) был полностью реабилитирован решением суда Забайкальского округа. Ему было выплачено пособие в размере 70 рублей за каждый год каторжного труда.

В 2014 г. семья Беляковых отправилась в Китай с целью найти родственников, но безрезультатно.

Итак, на примере истории двух семей Абанского района мы попытались проследить судьбы мигрантов и выявить основные черты насильственной репрессивной политики советского государства не только к бывшим гражданам СССР, но и к иностранным гражданам, в частности к китайцам.

Библиографический список

1. Политические репрессии и китайцы в СССР. URL: // <http://i-plombir.livejournal.com/349309.html>
2. Абанский Муниципальный архив, Похоронительная книга, с. Абан за 1955–1959 гг.
3. Воспоминания Белякова Сергея Житовича (1952 г.р.), п. Абан, ул. Партизанская, 70.
4. Воспоминания Бондаревой Галины Георгиевны, (1950 г.р.), п. Абан, ул. Новая, д. 5, кв. 2.
5. Воспоминания Подоляк Любови Константиновны (1930 г.р.), п. Абан, ул. Новая, д. 5, кв. 2.
6. История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 270.
7. Куковенко Ю. Украденная жизнь // Красное Знамя. 2016. 28 октября 2016.

Сведения об авторах

Акимова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Александрова Елена Олеговна – студентка V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Александрович Владислава Юрьевна – аспирант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Ахметов Вячеслав Игоревич – магистрант II курса КГПУ им. В.П. Астафьева

Башкова Ксения Владимировна – студентка IV курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Белолипецкий Сергей Александрович – студент II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Бобрик Илья Евгеньевич – студент III курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Буланков Василий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Бушуева Ангелина Дмитриевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Быканова Надежда Александровна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Быконя Геннадий Федорович – доктор исторических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева

Быстраков Дмитрий Александрович – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Валюнова Арина Васильевна – студентка IV курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Ванькова Алина Дмитриевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Васильева Наталья Алексеевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Вдовин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук КГПУ им. В.П. Астафьева

Весельский Михаил Витальевич – студент V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Виноградов Дмитрий Юрьевич – студент II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Воробьев Алексей Николаевич – старший преподаватель КГПУ им. В.П. Астафьева

Ворошилова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Грозенко Мария Сергеевна – студентка V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Гурьянова Дарья Денисовна – ученица 10 класса МАОУ «Гимназия № 5», г. Красноярск

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева, заведующий кафедрой всеобщей истории ГИ Сибирского федерального университета

Дорохина Александра Александровна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Заика Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Ибрагимов Рауф Ильхам оглы – студент II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Иванова Юлия Владимировна – студентка IV курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Ильишкин Станислав Владимирович – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Ильющенко Марина Александровна – студентка V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Канаев Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Клапоцкий Денис Владимирович – ученик 6 класса МБОУ «Абанская основная общеобразовательная школа № 1», Красноярский край

Клименкова Эллина Андреевна – студентка V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Кобзарь Алёна Сергеевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Коваленко Михаил Геннадьевич – студент I курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Конохов Владимир Андреевич – аспирант КГПУ им. В.П. Астафьева

Королькова Кристина Андреевна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Кочкина Елена Игоревна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Леонидова Юлия Алексеевна – студентка IV курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Лисина Лариса Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Лыкова Ольга Александровна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Макарова Алина Алексеевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Макарова Анастасия Петровна – студентка I курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Мезит Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Молодец Димитрий Сергеевич – студент IV курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Николаева Алёна Николаевна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Новикова Олеся Алексеевна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Нюд Дарина Сергеевна – ученица 6 класса МБУ ДОЦ «Витязь», г. Железногорск

Пахомова Таисия Александровна – магистрант II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Роголева Дарья Алексеевна – ученица 7 класса МБУ ДОЦ «Витязь», г. Железногорск

Рутц Сергей Леонидович – студент III курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Савицкая Екатерина Евгеньевна – студентка III курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Свириденко Олег Николаевич – учитель истории и обществознания МБОУ «Абанская основная общеобразовательная школа № 1», Красноярский край

Сенюткина Маргарита Витальевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Синдеев Михаил Юрьевич – студент I курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Славиковская Анастасия Александровна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Содомова Вероника Евгеньевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Стеблинский Александр Максимович – студент III курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Толмачева Анна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Федорова Анастасия Георгиевна – студентка II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Федорова Вера Ивановна – доктор исторических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева

Федотова Мария Михайловна – аспирант КГПУ им. В.П. Астафьева

Фельк Валентина Константиновна – студентка V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Харамецкий Валентин Вадимович – студент II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Хмара Анастасия Алексеевна – ученица 10 класса МАОУ «Абанская СОШ № 3»

Ценюга Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

Ценюга Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева

Чебыкин Александр Андреевич – студент V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Чернова Марина Олеговна – педагог дополнительного образования МБУ ДОЦ «Витязь», г. Железногорск

Чернышева Арина Александровна – учитель истории и обществознания МБОУ СШ № 34, г. Красноярск; аспирант КГПУ им. В.П. Астафьева

Чочимаков Александр Сергеевич – студент II курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Шевалов Семён Владимирович – студент III курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Шпилько Кирилл Игоревич – студент III курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

XVIII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник материалов

II Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 75-летию исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Красноярск, 24 мая 2017 г.

Редактор *А.П. Малахова*
Корректор *Ж.В. Козуница*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 22.08.17. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 20,25. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 08-РИО-001

Отпечатано в типографии «Литера-принт»,
т. 295-03-40